

Исследование показало, что становление системы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в настоящее время еще не завершено. Требуются совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, более четкая правовая регламентация юридической ответственности осужденных, дальнейшее расширение круга полномочий и функций уголовно-исполнительных инспекций, преодоление сложностей в организационном, кадровом, финансовом и информационном обеспечении их деятельности. В статье указывается на исполнение уголовно-исполнительными инспекциями ряда несвойственных им функций, отсутствие правовой регламентации исполнения отдельных мер пресечения и мер уголовно-правового характера, порядка определения органами местного самоуправления перечня объектов для отбывания осужденными наказаний в виде исправительных работ и обязательных работ, а также порядка обеспечения явки осужденных в судебное заседание. Законодательно не предусмотрено проведение первоначальных мероприятий по установлению местонахождения осужденных к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, не урегулирован вопрос обжалования непосредственно сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций решений суда по представлениям в отношении осужденных.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-исполнительное законодательство; уголовное наказание; альтернативные наказания; исполнение наказания; уголовно-исполнительная инспекция; служба пробации.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Голодов П. В. Актуальные проблемы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: результаты эмпирического исследования. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):373–381. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-373-381.

Actual problems in the activities of penal inspectorates: results of empirical research

P. V. GOLODOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>, e-mail: pl-family@yandex.ru

Abstract. The article examines certain legal and organizational problems in the field of the execution of sentences and other measures of a criminal-legal without isolation of a convict from society, presents the results of a survey of employees of penal inspectorates of territorial bodies of the Federal Penal Service and outlines ways to solve existing problems.

The study showed that the formation of a system for the execution of sentences without the isolation of a convicted person from society has not yet been completed. Improvement of criminal and penal legislation is required, a clearer legal regulation of the legal responsibility of convicts, further expansion of the range of powers and functions of penal inspectorates, overcoming difficulties in the organizational, personnel, financial and information support of their activities. The article points to the execution of a number of functions unusual for them by the penal inspectorates, the lack of legal regulation of the execution of certain preventive measures and measures of a criminal-legal nature, the procedure for determining the list of objects for convicts to serve sentences in the form of correctional labor and compulsory labor as well as the procedure ensuring the attendance of convicts at the hearing. The legislation does not provide for the initial measures to establish the whereabouts of convicts to punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, the issue of appealing directly by employees of penal inspectorates of court decisions on representations against convicts is not regulated.

Key words: criminal policy; penal legislation; criminal penalty; alternative punishments; execution of punishment; penal inspection; probation service.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity.

For citation: Golodov P. V. Actual problems in the activities of penal inspectorates: results of empirical research. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):373–381. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-373-381.

Совершенствование отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также соответствующей правоприменительной практики ориентировано на развитие системы уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы, как не только более гуманных, но и более эффективных мер ответственности с точки зрения перспектив будущей занятости осужденных и их шансов на социальную интеграцию. В последние годы на государственно-правовом уровне предприняты значительные усилия в данном направлении. Реализация этой идеи уже заметно скорректировала уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство [1, с. 14].

В УК РФ введены новые виды уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, совершенствуются правовые основы и практика их применения. Несмотря на то что в структуре судимости по видам наказаний наибольший удельный вес по-прежнему занимают лишение свободы и условное осуждение к лишению свободы (соответственно 29,3 % и 26,3 % в 2019 г., 31,5 % и 36,4 % в 2010 г.), прослеживается четкая тенденция к росту удельного веса осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества (с 21,6 % в 2010 г. до 41,2 % в 2019 г.). Так, согласно сводным статистическим сведениям о состоянии судимости в России за 2010 и 2019 гг., опубликованным на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в структуре видов назначенных уголовных наказаний в 2019 г. в сравнении с 2010 г. наблюдается рост доли осужденных к обязательным работам – с 9,5 до 16,7 %, исправительным работам – с 4,9 до 8,4 % и ограничению свободы – с 0,9 до 3,4 %.

Уголовно-исполнительные инспекции приобрели значительную самостоятельность и получили статус юридических лиц, наделены дополнительными полномочиями и функциями в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, в их штаты введены должности психологов, улучшилось их финансовое, информационное и материально-техническое обеспечение, организована профильная подготовка кадров, совершенствуется система межведомственного взаимодействия. По данным официального сайта ФСИН России, на 01.04.2020 в состав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации вхо-

дили 81 федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция» и 1347 филиалов, на учете в которых состояло 472 856 чел., осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, 6912 чел., подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом, 1884 чел. с запретом определенных действий, 42 чел. с залогом с обязанностью по соблюдению установленных законодательством запретов.

Вместе с тем говорить о том, что становление системы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, в настоящее время завершено, преждевременно. До конца не преодолены пробельность и противоречивость уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, требуется дальнейшее расширение круга полномочий и функций уголовно-исполнительных инспекций, отсутствует четкая правовая регламентация юридической ответственности осужденных за нарушение установленного порядка отбывания наказания и иных мер уголовно-правового характера, сохраняются отдельные сложности в кадровом, финансовом и информационном обеспечении. Одной из существенных проблем является отсутствие действенной системы социальной профилактики правонарушений среди лиц, состоящих на учете в инспекциях, четко не определено место уголовно-исполнительной инспекции в данной системе. Открытый характер и специфика наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества, требуют объединения усилий многих субъектов правоохранительной и социально-реабилитационной деятельности, создания эффективной схемы их профессионального взаимодействия.

Перечисленные проблемы актуализуют проведение исследований правоприменительной практики в сфере исполнения наказаний и иных уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Здесь можно поддержать высказанное еще в 1999 г. Вивьен Стерн мнение о том, что большинство дискуссий о мерах наказания, альтернативных тюремному заключению, сосредоточено на вопросах права, в то время как способы их организации и осуществления имеют такое же важное значение для их успешной реализации, как и законодательная база, на которую они опираются; суды должны быть уверены в способах их обеспечения, в противном случае они не будут применяться [4].

В целях выявления наиболее значимых проблем в деятельности уголовно-исполнительных инспекций на современном этапе, а также разработки предложений по их решению в 2019–2020 гг. нами было проведено анкетирование 255 сотрудников данных организаций, а также сотрудников 85 отделов (отделений) по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, 45 территориальных органов ФСИН России (всего 340 респондентов). Из числа опрошенных 211 чел. (62,1 %) имеют высшее юридическое образование, 40 чел. (11,8 %) – высшее педагогическое образование, 36 чел. (10,6 %) – высшее экономическое образование, 16 чел. (4,7 %) – высшее инженерное и техническое образование, 12 чел. (3,5 %) – высшее психологическое образование. Проведение исследования позволило получить следующие результаты.

Наиболее значимыми проблемами в деятельности уголовно-исправительных инспекций опрошенные сотрудники посчитали недостаточное материально-техническое и финансовое обеспечение (65,3 %), недостаточную штатную численность персонала (52,9 %), несовершенство правового регулирования порядка исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции осужденных от общества (18,2 %), трудности с комплектованием и недостаточный уровень квалификации персонала (17,1 %), проблемы правового статуса сотрудников (11,8 %) и правового регулирования управленческой деятельности УИИ (2,4 %). В числе трудностей общего характера респонденты отмечали исполнение инспекцией несвойственных ей функций (розыск осужденных, закупки товарно-материальных ценностей, транспортное обеспечение, оформление самостоятельного следования осужденного в колонию-поселение, извещение осужденного о необходимости явки в суд и даже контроль за применением мер пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога); высокую нагрузку на сотрудников, не позволяющую индивидуализировать работу с осужденными, сделать ее более эффективной; необходимость включения в штат филиала инспекции оперативного работника, водителя и техперсонала; отсутствие должного взаимодействия с судами, единообразной судебной практики при рассмотрении представлений уголовно-исполнительной инспекции и квалификации нарушений; чрезмерный объем документо-

оборота и статотчетности; сбой и невысокую точность оборудования СЭМПЛ, отсутствие четких карт местности (особенно сельской); сложность трудоустройства осужденных к исправительным и обязательным работам (особенно в сельской местности), отсутствие мер стимулирования организаций-работодателей; отсутствие служебного жилья в районах, незначительный размер денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений; недостаточную правовую защищенность сотрудников при угрозах со стороны осужденных, отсутствие в ряде случаев у сотрудников специальных средств защиты (палки специальные, специальные газовые устройства, электрошоковые устройства, наручники), в том числе по причине затрудненной организации их хранения и учета.

Наряду с этим респонденты указали на существование ряда конкретных проблем в правовой регламентации исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Отмечается отсутствие нормативно урегулированного порядка определения органами местного самоуправления перечня объектов (мест) для отбывания осужденными наказаний в виде исправительных и обязательных работ. Предлагается на законодательном уровне предусмотреть квотирование рабочих мест для осужденных к исправительным работам, например, в качестве условия выдачи разрешений на открытие представительств крупных торговых организаций (76,5 % респондентов); предоставление организациям-работодателям налоговых льгот, льгот по арендной плате и плате за землю, бюджетных субсидий (50,9 % респондентов), льгот при участии в закупках товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд наравне с иными категориями льготных поставщиков (18,8 % респондентов); обязанность организаций-работодателей, включенных в соответствующий перечень, принимать осужденных на работу, а также меры ответственности данных организаций-работодателей за отказ в приеме осужденных на работу (24,5 % респондентов). Предлагается также предоставить осужденным к исправительным работам, не имевшим на момент осуждения основного места работы, право трудоустроиться самостоятельно в течение определенного промежутка времени (39,7 % респондентов); усилить меры ответственности осужденных к обязательным

и исправительным работам при недобросовестном отношении к труду и нарушениях трудовой дисциплины (30,9 % респондентов); законодательно определить правовое положение организаций-работодателей в системе субъектов уголовно-исполнительных правоотношений (16,5 % респондентов); совершенствовать воспитательную работу с осужденными в целях повышения их трудовой активности (мотивации к труду) и недопущения нарушения ими трудовой дисциплины (3,8 % респондентов). Отдельные сотрудники видят необходимость установления ответственности органов местного самоуправления за некачественный подбор организаций, в которых должны отбывать наказание осужденные к обязательным и исправительным работам (несоответствие фактически действующих рабочих мест перечню, предоставляемому администрацией); увеличение срока привлечения осужденных к отбыванию обязательных работ до 30 рабочих дней; назначения исправительных работ только лицам, имеющим на момент осуждения постоянное место работы.

Респонденты также указывают на отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве нормативного определения срока повторного привлечения к труду осужденных к исправительным работам, уволенным с предыдущего места работы по не зависящим от них причинам (по умолчанию осужденного необходимо трудоустроить в день, следующий за днем увольнения, хотя, согласно нормам УИК РФ, при выдаче предписания осужденному на новое место работы он обязан обратиться на предприятие в течение пяти дней), а также срока прибытия осужденных к обязательным работам для отбывания наказания на определенный уголовно-исполнительной инспекцией объект. Кроме того, по мнению опрошенных, при назначении обязательных и исправительных работ суды не учитывают факт отсутствия у осужденных документов, удостоверяющих личность, и не принимают во внимание состояние их здоровья, что не согласуется с требованиями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58. Отсутствие у осужденных документов, а в ряде случаев и денежных средств для прохождения медицинской комиссии затрудняет привлечение их к отбыванию назначенного судом наказания в установленные сроки. Представляется, что прохождение медицинской комиссии при трудоустройстве осужденных должно оплачиваться за счет средств федерального бюджета.

В числе мнений, высказанных опрошенными нами сотрудниками, есть предложение нормативно закрепить возможность мотивированного приостановления 30-дневного срока для привлечения к труду осужденных к исправительным работам либо его продления при наличии обстоятельств, не зависящих от сотрудников инспекции (например, на период проведения первоначальных мероприятий по установлению места нахождения осужденного, нахождения его на стационарном лечении, восстановления документов, удостоверяющих личность, и т. д.).

Отмечается также сложность трудоустройства иностранных граждан, так как они в соответствии с законодательством должны иметь патент для работы на территории Российской Федерации, которого лишаются при осуждении за совершение преступления. К этому добавим еще невозможность исполнения наказаний в отношении лиц без гражданства и иностранных граждан, депортированных за пределы Российской Федерации.

Серьезной правовой проблемой является отсутствие нормативного правового акта, регламентирующего осуществление контроля за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий или залога, а также правовой регламентации исполнения некоторых уголовно-правовых мер (принудительные меры медицинского характера (ч. 2.1 ст. 102 УК РФ и ч. 13 ст. 16 УИК РФ), возложенные судом на условно-досрочно освобожденных осужденных обязанности (ч. 2 и ч. 6 ст. 79 УК РФ)), отдельных функций уголовно-исполнительной инспекции (контроль запретов для лиц, находящихся под домашним арестом, на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений, использование телефонной связи и сети Интернет, общение с иными лицами) и функций иных субъектов, участвующих в исполнении приговора суда (изъятие водительского удостоверения у осужденного, лишённого права управления транспортным средством). Данные вопросы поднимаются не только практическими сотрудниками инспекций, но и исследователями уголовно-исполнительной сферы [2; 3].

Отмечается также отсутствие правовой основы для работы с осужденными к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, скрывшимися от контроля уголовно-исполнительной инспекции (например, смена места жительства без

сообщения в инспекцию): законодательством не предусмотрено проведение первоначальных мероприятий по установлению их местонахождения и объявление в розыск, что ведет к безнаказанности. У инспекции отсутствуют полномочия для задержания осужденных, уклоняющихся от контроля, полномочия по беспрепятственному проникновению в помещения, где с большей долей вероятности находятся скрывающиеся осужденные. Отдельными респондентами предлагается также предусмотреть объявление в розыск осужденных, не являющихся в суд, и отменить самостоятельное следование осужденных в колонию-поселение.

Имеются проблемные моменты при задержании условно осужденных, объявленных в розыск розыскными подразделениями органов ФСИН России, а именно: в соответствии с ч. 18 ст. 397 УПК РФ суды рассматривают вопросы о заключении под стражу осужденного, скрывшегося от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ и исправительных работ либо ограничения свободы, до рассмотрения вопроса о замене назначенного наказания на более строгое. Вместе с тем законодатель оставил без внимания такую категорию, как условно осужденные. Отсутствует правовое регулирование избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на срок до 30 суток в отношении условно осужденных до решения вопроса об отмене условного осуждения и исполнении приговора суда к лишению свободы, объявленных в розыск как уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительной инспекции и задержанных на срок до 48 часов. После задержания условно осужденного суды отказываются рассматривать представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда, поясняя, что осужденный должен быть уведомлен о дате и времени судебного заседания не позднее чем за 14 суток, после чего осужденного отпускают. В назначенный день рассмотрения представления в суд он не является. Кроме того, суды не рассматривают одновременно вопросы о заключении под стражу осужденного и о замене назначенного наказания на более строгое.

По мнению отдельных респондентов, на законодательном уровне необходимо более четко урегулировать вопрос об исчислении срока наказания в виде ограничения свободы лицу, освободившемуся по ст. 80 УК РФ из мест лишения свободы и находящемуся в розыске. Вместе с тем представляется,

что данный вопрос регламентирован в ч. 3 ст. 49 УИК РФ, предусматривающей незначительный срок ограничения свободы времени самовольного отсутствия осужденного по месту жительства свыше одних суток без уважительной причины. Возможно, здесь речь идет о периоде со времени освобождения осужденного из исправительного учреждения до момента, определенного осужденному для явки в инспекцию, или до момента получения инспекцией документов на освободившегося осужденного, в связи с чем и требуются отдельные законодательные уточнения.

Также в ч. 4 ст. 50 УИК РФ не указано, что при исполнении наказания в виде ограничения свободы в отношении осужденного, трудоустроенного в муниципальном образовании, пределы которого ему запрещено покидать, одним из исключительных личных обстоятельств для получения согласия уголовно-исполнительной инспекции на выезд за пределы муниципального образования является осуществление трудовой деятельности. Данный момент, по мнению отдельных респондентов, целесообразно отразить в уголовно-исполнительном законодательстве независимо от наличия обстоятельства, закрепленного в п. «ж» ч. 4 ст. 50 УИК РФ.

Законодательно не урегулирован вопрос обжалования непосредственно сотрудниками инспекций решений суда по представлению уголовно-исполнительной инспекции (при отказе в их удовлетворении) в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания без изоляции от общества, поскольку сотрудник не является полноправным участником процесса и не может обжаловать решения суда самостоятельно, без обращения в прокуратуру. О существовании данной проблемы заявили свыше половины опрошенных. Такого рода отказы судов влекут безнаказанность осужденных.

Наряду с проблемами правового характера следует отметить и ряд организационных недостатков. В их числе респонденты назвали отсутствие исчерпывающих методических рекомендаций по контролю за осужденными к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, контролю за соблюдением лицами, находящимися под домашним арестом, запрета на пользование сотовой связью и сетью Интернет, а также потребность в методическом документе для единообразного расчета срока наказания в виде исправительных работ в различных ситуациях (например, воз-

можно ли досрочное отбытие срока наказания в виде исправительных работ, когда при пятидневной рабочей неделе осужденный выходит на подработку в выходные дни).

Отсутствует возможность оперативного получения информации из баз данных МВД России, содержащих сведения о привлечении осужденных к административной и уголовной ответственности, социальных связях и т. п. Наличие даже ограниченного, выборочного доступа к данной информации способствовало бы, по мнению респондентов, более качественной и оперативной работе с подучетными лицами.

Ряд проблемных моментов касается деятельности судов. Так, по мнению отдельных сотрудников, при назначении наказания в виде исправительных работ суд не в полной мере учитывает личность осужденного, уровень его образования и имеющуюся специальность, опыт работы, состояние здоровья (многие осужденные страдают алкоголизмом и наркоманией) и поведение в обществе (уровень асоциальности), что в дальнейшем приводит к необходимости замены наказания на более строгий вид в связи с уклонением от его отбывания. Имеются случаи назначения судами исправительных работ осужденным, неоднократно привлекавшимся к уголовной ответственности, в том числе к исправительным работам с последующей их заменой более строгим видом наказания.

Особую озабоченность практических работников вызывает проблема обеспечения явки осужденных в судебное заседание в случае их отказа следовать самостоятельно, поскольку в настоящее время отсутствует алгоритм принудительной доставки. Отмена судом условного осуждения (ст. 190 УИК РФ) за нарушение возложенных обязанностей или уклонение от контроля уголовно-исполнительной инспекции в отсутствие осужденного проблематична. Осужденный за неявку в суд ответственности не несет (от явки умышленно уклоняется, а доставка затруднена). Законодателем не определены основания для осуществления инспекцией привода в судебное заседание осужденного, в отношении которого направлено представление (о продлении испытательного срока, замене наказания, дополнении обязанностей (ограничений)). В настоящее время предусмотрен лишь привод в связи с неявкой осужденного по вызову в инспекцию или неявкой для регистрации. В силу отсутствия у уголовно-исполнительной инспекции полномочий по осуществлению привода осужденных в суд зачастую последний

отказывает в удовлетворении представления инспекции по причине необеспечения последней явки осужденного в судебное заседание. В свою очередь суды не выносят постановления о приводе в суд осужденных, так как законом это не предусмотрено.

Как отмечают, суды отказывают в удовлетворении представлений о возложении на осужденных к ограничению свободы или условно осужденных дополнительных ограничений (обязанностей), ссылаясь на то, что уголовно-исполнительная инспекция уже вынесла постановление о применении мер взыскания в виде предупреждения (предостережения). Предлагается законодательно расширить перечень ограничений, устанавливаемых судом в рамках применения ограничения свободы. Это позволит повысить результативность профилактической работы. В ч. 3 ст. 53 УК РФ и ч. 3 ст. 58 УИК РФ закреплена возможность отмены либо дополнения в судебном порядке ранее установленных судом ограничений, но ничего не сказано о возможности дополнения ранее установленной судом обязанности осужденного являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации: при наложении обязанности являться на регистрацию один раз в месяц инспекция не вправе ходатайствовать об увеличении количества явок.

Применительно к осуществлению контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений респонденты отметили трудности с принятием к исполнению соответствующих судебных решений в выходные дни и вечернее время, поскольку в составе уголовно-исполнительной инспекции и ее филиалов отсутствуют дежурные службы. В числе проблем были также названы сложность проверки лиц, помещенных под домашний арест, в отдаленных населенных пунктах два раза в неделю, а также отсутствие в ряде случаев должного реагирования следственных органов на сообщения о нарушениях, допущенных подучетными лицами.

На вопрос о целесообразности возложения на уголовно-исполнительные инспекции функции по контролю за условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания в виде лишения свободы большинство опрошенных (86,8 %) ответили отрицательно, поскольку нагрузка на инспекторов и так чрезмерна. По их мнению, вполне достаточно действующего в настоящее время института административного надзора органов

внутренних дел в отношении отдельных категорий лиц, освобождаемых условно-досрочно. Часть респондентов (9,3 %) с учетом действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства посчитала возложение данной функции на уголовно-исполнительные инспекции вполне обоснованным, но требующим дополнительного кадрового обеспечения (7,5 % – при одновременном совершенствовании института условно-досрочного освобождения, установлении порядка контроля и мер ответственности данной категории подучетных лиц, 1,8 % – с передачей от органов внутренних дел функции административного надзора). Отдельные опрошенные посчитали, что контроль за данной категорией лиц должен осуществляться органами внутренних дел.

В ходе исследования практическими сотрудниками были высказаны предложения по законодательному совершенствованию мер стимулирования правопослушного поведения осужденных без изоляции от общества: 53,8 % респондентов предложили предусмотреть возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных к обязательным, исправительным работам, ограничению свободы, наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, 8,5 % – предусмотреть возможность снижения размера удержаний из заработной платы осужденных к исправительным работам в качестве поощрения (в судебном порядке); 6,5 % – предусмотреть меры поощрения для осужденных к обязательным и исправительным работам; 35 % считают меры стимулирования, предусмотренные действующим законодательством, оптимальными.

Относительно перспектив дальнейшего развития системы уголовно-исполнитель-

ных инспекций 34,1 % опрошенных посчитали необходимым расширение пробационных функций с сохранением последних в составе ФСИН России, 14,4 % – расширение пробационных функций с последующей передачей уголовно-исполнительных учреждений в состав самостоятельной федеральной службы – Федеральной службы пробации Российской Федерации. Около половины респондентов (47,6 %) полагают, что функционал инспекций в настоящее время оптимален и его расширение по аналогии с функционалом зарубежных служб пробации нецелесообразно; 11,5 % респондентов указали на необходимость разработки стратегии (программы) развития государственно-частного партнерства в сфере исполнения уголовных наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера, социальной адаптации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. В качестве предложения отдельные сотрудники высказывали мысль о возвращении филиалов уголовно-исполнительной инспекции в каждый муниципальный район и отказе от межмуниципальных филиалов.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали наличие немало-го числа недостатков в правовом регулировании и практике исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Это касается и деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Решение выявленных проблем невозможно без корректировки действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, внесения изменений в правоприменительную практику, исходя из необходимости достижения целей наказания и обеспечения безопасности общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дворянсков, И. В.** Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель) : учебно-методическое пособие / И. В. Дворянсков ; под редакцией А. М. Никитина. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право. 2004. – 96 с. – ISBN 5-238-00797-3.
2. **Пилипенко, О. А.** Проблемы эффективности контроля за условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания / О. А. Пилипенко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2006. – № 16. – С. 72–78.
3. **Савин, А. А.** Проблемы правовой урегулированности исполнения принудительных мер медицинского характера без изоляции от общества / А. А. Савин // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 4 (49). – С. 127–130.
4. **Stern, V.** Alternatives to prison in developing countries / Vivien Stern. – London : International Centre for Prison Studies, Kings College London, Penal Reform International, 1999. – 184 p. – ISBN 10 0953522105, 13 9780953522101.

REFERENCES

1. **Dvoryanskov I. V.** *Effektivnost' al'ternativnyh nakazaniy (kompensacionnaya model')* [Effectiveness of Alternative Punishments (Compensation Model)]. Moscow, 2004. 96 p. (In Russ.).
2. **Pilipenko O. A.** *Problemy effektivnosti kontrolya za uslovno-dosrochno osvobodhdennymi ot otbyvaniya nakazaniya* [Problems of the effectiveness of control over conditionally released from serving the sentence]. *Izvestiya vysshih uchebnyh*

zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki – Proceedings of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences, 2006, no. 16, pp. 72–78. (In Russ.).

3. Savin A. A. Problemy pravovoj uregulirovannosti ispolneniya prinuditel'nyh mer medicinskogo haraktera bez izoljatsii ot obshchestva [Problems of legal regulation of the execution of compulsory medical measures without isolation from society]. *Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta – Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2018, no. 4 (49), pp. 127–130. (In Russ.).

4. Stern V. *Alternatives to prison in developing countries*. London, 1999. 184 p. (In English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОЛОДОВ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>, e-mail: pl-family@yandex.ru

PAVEL V. GOLODOV – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation, PhD. in Law, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2747-9723>, e-mail: pl-family@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-381-388

УДК 340.114

Повышение эффективности прокурорского надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России при производстве предварительного расследования

С. Н. КУНИЦИН

Прокуратура Воронежской области, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4332-5051>, e-mail: s.n.kunitsin@gmail.com

Реферат. В статье анализируются особенности уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России при производстве предварительного расследования. Делается вывод, что данная деятельность носит усеченный характер и заключается в возбуждении уголовного дела для производства неотложных следственных действий и исполнении поручений о проведении отдельных следственных действий.

Специфика уголовно-процессуальной деятельности данного субъекта стороны обвинения предопределяет особенности прокурорского надзора за законностью ее осуществления. Действующее законодательство фактически исключило прокурора из механизма возбуждения уголовного дела и проведения неотложных следственных действий, что снижает эффективность прокурорского надзора в данной области, снижает уровень законности. Также отсутствует эффективный механизм прокурорского надзора за законностью при исполнении должностными лицами учреждений ФСИН России поручений о проведении отдельных следственных действий.

Путем анализа положений законодательства делается вывод о недостатках правового регулирования прокурорского надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России при производстве предварительного расследования на уровне как уголовно-процессуального закона, так и ведомственного регулирования.

В целях устранения отмеченных недостатков предлагаются соответствующие изменения законодательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность; прокурорский надзор; учреждения ФСИН России; возбуждение уголовного дела; производство неотложных следственных действий; исполнение поручений о проведении следственных действий.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Кунин С. Н. Повышение эффективности прокурорского надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России при производстве предварительного расследования. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):381–388. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-381-388.

Improving the efficiency of prosecutorial supervision for the legality of the criminal procedural activities of the institutions of the Federal Penal Service of Russia during the preliminary investigation

S. N. KUNITSIN

Voronezh Prosecutor's Office, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4332-5051>, e-mail: s.n.kunitsin@gmail.com

Abstract. The article analyzes the features of the criminal procedural activities of the institutions of the Federal Penal Service of Russia during the preliminary investigation.

Based on the results of the analysis, it is concluded that the latter is truncated and consists of two components: the initiation of a criminal case for the production of urgent investigative actions and the execution of orders to carry out certain investigative actions.

The specificity of the criminal procedural activity of this subject of the prosecution determines the peculiarities of the prosecutor's supervision over the legality of its implementation.

The current legislation actually excluded the prosecutor from the mechanism for initiating a criminal case and conducting urgent investigative actions, which reduces the effectiveness of prosecutorial supervision in this area and reduces the level of legality. Also, there is no effective mechanism for prosecutorial supervision over the legality of the execution of orders by officials of institutions of the Federal Penal Service of Russia to conduct certain investigative actions.

By analyzing the provisions of the legislation, it is concluded that there are shortcomings in the legal regulation of the procedure for exercising prosecutorial supervision over the legality of the criminal procedural activities of the institutions of the Federal Penal Service of Russia during the preliminary investigation at the level of both criminal procedure law and departmental regulation.

In order to eliminate the noted shortcomings, appropriate amendments to the legislation are proposed.

Key words: criminal procedural activity; prosecutor supervision; institutions of the Federal Penal Service of Russia; criminal proceedings; the production of urgent investigative actions; execution of orders to conduct investigative actions.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement.

For citation: Kunitsin S. N. Improving the efficiency of prosecutorial supervision for the legality of the criminal procedural activities of the institutions of the Federal Penal Service of Russia during the preliminary investigation. *Penitenciamaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):381–388. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-381-388.

На прокуратуру возложена обязанность осуществлять постоянный надзор за процессуальной деятельностью органов дознания, обеспечивать «безусловное реагирование на выявленные нарушения законов на всех этапах процессуальной деятельности с момента поступления сообщения о преступлении до принятия окончательного решения по уголовному делу», что закреплено в п. 1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [4] (далее – приказ № 33)

В то же самое время при осуществлении прокурорского надзора за законностью уголовно-процессуальной деятельности учреждений ФСИН России основное вни-

мание уделяется соблюдению законности на стадии, предшествующей возбуждению уголовного дела. Проверки же законности при принятии решений о возбуждении уголовного дела и осуществлении следственных и иных процессуальных, как правило, не проводятся.

Причиной подобного положения дел являются в первую очередь недостатки правового регулирования полномочий учреждений ФСИН России [5; 7, с. 81], предусмотренных ст. 145 УПК РФ, что приводит к тому, что зачастую делается ошибочный вывод об отсутствии у данного субъекта уголовно-процессуальных отношений права принимать решения о возбуждении уголовного дела. Так, в ходе опроса 76 сотрудников специализированных прокуратур по надзору за

соблюдением законов в исправительных учреждениях, обучавшихся на курсах повышения квалификации при Университете Генеральной прокуратуры Российской Федерации, лишь 20 % из них указали на то, что сотрудники учреждений ФСИН России вправе принимать решения о возбуждении уголовного дела.

Затруднения в правильном определении объема уголовно-процессуальных полномочий возникают и на более высоком уровне. Например, в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 03.03.2009 № 69-14-2009 «О практике прокурорского надзора за исполнением уголовно-процессуального законодательства в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы» указано, что данный субъект уголовно-процессуальных отношений лишен права принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела и о возбуждении уголовного дела. В то же самое время в указании Генерального прокурора Российской Федерации от 25.10.2013 № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» отмечена возможность принятия начальниками учреждений и органов ФСИН России решений о возбуждении уголовного дела.

Наряду с запутанностью правового материала, регламентирующего полномочия по возбуждению уголовного дела сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы России, сложности правоприменения в данной области и осуществления надзора за ней возникают из-за того, что возбуждение уголовных дел данным субъектом допустимо лишь в целях производства неотложных следственных действий, проверка законности которых, как отмечают исследователи, традиционно остается вне рамок процессуального судебного контроля и прокурорского надзора [9, с. 4].

Вместе с тем не стоит забывать, что помимо возбуждения уголовного дела в целях производства неотложных следственных действий сотрудниками учреждений ФСИН России довольно часто проводятся следственные и иные процессуальные действия в порядке, предусмотренном ст. 152 УПК РФ, то есть во исполнение поручений лиц, производящих предварительное расследование, когда возникает необходимость производства отдельных следственных действий вне места производства предварительного расследования. Проверка законности при

осуществлении данного направления деятельности также нередко остается за пределами внимания надзирающих прокуроров, о чем свидетельствуют данные проведенного нами анкетирования.

На основе анализа законодательства установлено, что полномочия сотрудников учреждений ФСИН России в стадии предварительного расследования могут быть сведены к двум группам:

- возбуждение уголовного дела в целях производства неотложных следственных действий и их осуществление;

- проведение следственных и процессуальных действий при исполнении поручений, данных в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 1.1 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 152 УПК РФ.

То, что выполнение поручений о проведении отдельных следственных и процессуальных действий необходимо рассматривать в качестве составной части предварительного расследования, в свое время было убедительно обосновано О. В. Мичуриной [3, с. 10, 96–98].

Действующим законодательством не регламентированы периодичность и порядок проведения прокурором проверок соблюдения требований закона при возбуждении уголовного дела в целях проведения неотложных следственных действий и осуществления следственных действий в этой связи.

Указанный пробел правового регулирования при регламентации полномочий прокурора на данном участке надзора усугубляется тем обстоятельством, что Федеральным законом от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» изменены положения ч. 3 ст. 157 УПК РФ, согласно которым по окончании выполнения неотложных следственных действий уголовное дело направляется руководителю следственного органа, а не прокурору, как было ранее. Последнее приводит к тому, что уголовные дела, по которым проводились неотложные следственные действия, выпадают из поля зрения прокуроров на данной стадии.

Вместе с тем возбуждение уголовного дела в целях производства неотложных следственных действий, на наш взгляд, не освобождает лицо, принявшее такое решение, от обязанностей по предоставлению копии постановления прокурору в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 146 УПК РФ.

При проверке законности решения о возбуждении уголовного дела в целях про-

изводства неотложных следственных действий прокурор наряду с проверкой наличия повода и оснований для возбуждения уголовного дела, а также таких обязательных данных, как дата, время и место вынесения постановления, лицо, которое его вынесло, пункт, часть и статья УК РФ, на основании которых возбуждается уголовное дело, подследственность данного преступления органам предварительного следствия должен с учетом конкретных обстоятельств ситуации давать оценку законности и обоснованности оценки ситуации как неотложной. В случае отсутствия хотя бы одного из указанных элементов прокурором принимается решение об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о чем выносится постановление и уведомляется лицо, принявшее данное решение.

Представляется оправданным более подробно рассмотреть точки зрения на критерии отнесения следственных действий к неотложным, так как с определением последних возникают наибольшие сложности ввиду их нераспространенности в практике.

В. И. Куклин выделял четыре специфических признака неотложных следственных действий: указанные действия должны производиться органом дознания по делам, которые им не подследственны, обязательность производства, вызванная указанием закона или обстоятельствами дела, незаменимость, незамедлительность [1, с. 16].

Л. Е. Сигалов указывал следующие характеристики: безотлагательность, незаменимость, неповторимость [8, с. 5].

Ю. Савельев выделяет следующие требования, предъявляемые к неотложным следственным действиям: проведение их органами дознания по делам, по которым следствие обязательно; направленность данных следственных действий на обеспечение сохранности следов преступления, когда имеются основания полагать, что следы преступления и другие вещественные доказательства могут быть уничтожены [6, с. 85].

Общим недостатком критериев, приведенных В. И. Куклиным и Ю. Савельевым, является то, что право на производство указанных следственных действий ими оставлено только за органами дознания, что противоречит современному законодательству.

Выделение В. И. Куклиным и Л. Е. Сигаловым в качестве одного из критериев «незаменимость следственного действия» вряд ли можно признать оправданным. Поскольку такая характеристика, как возможность получения доказательства вообще только

благодаря этому действию присуща следственному действию на любой стадии уголовного процесса.

Критерии, определяемые В. И. Куклиным как «незамедлительность», а Л. Е. Сигаловым как «безотлагательность», по нашему мнению, являются синонимами и их выделение вызвано тем, что, как совершенно справедливо отмечено, «сохранность материальных следов по отдельным видам преступлений иногда ограничена очень коротким промежутком времени» [1, с. 17], то есть вызвано обоснованным опасением того, что промедление в фиксации доказательственной информации может привести к ее утрате.

Выделенный Л. Е. Сигаловым критерий «неповторимость» является следствием такого свойства доказательственной информации, как изменчивость во времени вплоть до исчезновения и выступает оборотной стороной требования о безотлагательности проведения неотложных следственных действий. В связи с чем в качестве самостоятельного критерия нами выделяться не будет.

Таким образом, к признакам неотложных следственных действий можно отнести следующие:

- проведение их уполномоченными на то законом органами и должностными лицами;
- осуществление их по фактам преступлений, которые по общему правилу не отнесены к их подследственности ввиду невозможности их проведения тем органом, к подследственности которого отнесено их расследование;
- безотлагательное их производство ввиду риска утраты доказательств либо затруднительности их получения в последующем.

Выделяемая некоторыми авторами цель производства неотложных следственных действий как пресечение или предотвращение совершения преступления нами расценивается как не предусмотренная законом и не отвечающая природе следственных действий, назначение которых в сборе доказательств. Пресечение и предотвращение преступлений является важной составляющей деятельности органов и должностных лиц, уполномоченных на производство процессуальной деятельности, однако реализуется ими в рамках административных или оперативно-розыскных полномочий.

Опираясь на данные признаки, можно определить неотложные следственные действия как следственные действия, осуществляемые специально уполномоченными на то законом органами и должностными лица-

ми, по уголовным делам, которые по общему правилу не отнесены к их подсудности ввиду риска утраты доказательств либо затруднительности их получения в последующем. Помимо этого, не стоит забывать о необходимости соблюдения общих условий возбуждения уголовного дела, предусмотренных ст. 146 УПК РФ.

Таким образом, основанием для возбуждения уголовного дела в целях производства неотложных следственных действий является наличие, во-первых, повода для возбуждения уголовного дела, во-вторых, оснований для возбуждения уголовного дела, в-третьих, риска утраты доказательств либо затруднительности их получения в последующем. Лишь совокупность данных обстоятельств дает основание сотруднику учреждения ФСИН России принять решение о возбуждении уголовного дела.

Наличие ситуации, которая может повлечь утрату доказательств либо затруднить их получение в последующем, особо актуально для преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, так как места лишения свободы расположены, как правило, на значительном отдалении от правоохранительных органов, что отрицательно сказывается на возможности их своевременного вступления в уголовный процесс. Так, в ходе проведенного А. М. Лютыным и Р. М. Морозовым обобщения практики расследования побегов из исправительных учреждений было установлено, что там, где осмотры «осуществляли следователи и дознаватели ОВД, их привлечение потребовало значительного времени, что, в конечном счете, привело к безвозвратной утрате ряда следов» [2, с. 364]. Указанное обстоятельство приводит к выводу о необходимости максимального сокращения времени между обнаружением признаков преступления и проведением осмотра места происшествия, что при условии отдаленности приводит к необходимости проведения данного (а в ряде случаев и иных процессуальных действий) тем правоохранительным органом, который может это сделать с минимальным временным разрывом, а именно сотрудниками соответствующего учреждения.

Детального рассмотрения требует категория дел, в отношении которых закреплены процессуальные полномочия начальников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России.

Пункт 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ закрепляет подсудность начальников органов и учреждений ФСИН России по преступлени-

ям против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно по преступлениям, совершенным в расположении указанных учреждений и органов иными лицами.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодателем выделяются два признака: территориальный (по всем преступлениям, совершенным любыми лицами в расположении подчиненных учреждений) и предметный (преступления определенной категории, совершенные подчиненными сотрудниками).

После проведения неотложных следственных действий орган дознания вправе принять лишь решение о направлении дела руководителю следственного органа и не имеет возможности прекратить уголовное дело по п. 1 и 2 ст. 24 УПК РФ либо принять какое-либо иное решение, связанное с движением дела (соединение уголовных дел (ст. 153 УПК РФ), выделение уголовного дела (ст. 154 УПК РФ), выделение в отдельное производство материалов уголовного дела (ст. 155 УПК РФ), приостановление предварительного следствия (ст. 208 УПК РФ) и др.).

Ранее действовавшая редакция ч. 3 ст. 157 и п. 3 ст. 149 УПК РФ, предусматривавшая направление уголовного дела после производства неотложных следственных действий прокурору, а не руководителю следственного органа, позволяла эффективно осуществлять проверку законности решения о передаче уголовного дела для дальнейшего проведения предварительного следствия. В настоящий же момент прокурор фактически выключен из указанных правоотношений, что не согласуется с положениями п. 12 ч. 1 ст. 37 УПК РФ, определяющими право прокурора передавать материалы проверки и уголовные дела от одного субъекта предварительного расследования другому, и ролью прокурора как специально уполномоченного лица решать возникающие споры при определении подсудности.

С учетом положений вышеуказанного п. 12 ч. 1 ст. 37 УПК РФ возникает предложение закрепить законодательно изменения законодательства, предусматривающие передачу материалов уголовного дела, производство неотложных следственных действий по которому окончено, через прокурора. Однако вряд ли это оправдано ввиду возникающих временных потерь в этой связи, а также изменения соотношений процессуальных статусов руководителя следственного органа

и прокурора, которое привело к изменению данной нормы закона.

Представляется целесообразным предусмотреть обязанность предоставления прокурору копии постановления о направлении уголовного дела по подследственности, добавив право последнего истребовать материалы уголовного дела в случае невозможности сделать вывод о законности принятого решения без изучения уголовного дела в полном объеме. В связи с чем предлагается дополнить ч. 3 ст. 157 УПК РФ после слов «настоящего Кодекса» текстом следующего содержания: «о чем выносит постановление». Пункт 3 ст. 149 УПК РФ дополнить следующими предложениями: «Копия постановления о направлении уголовного дела предоставляется прокурору. В случае если оценить законность принятого решения исходя из предоставленного постановления не представляется возможным, прокурор истребует материалы уголовного дела».

В случае принятия подобной логики законодательных изменений регулирования правоотношений при производстве неотложных следственных действий и направления материалов уголовного дела по подследственности после их завершения потребуются внесение изменений в приказ № 33, п. 6 которого видится необходимым дополнить абзацем следующего содержания: «Безотлагательно изучать процессуальные решения о направлении уголовного дела по подследственности в порядке ч. 3 ст. 157 УПК РФ. В случае если оценить законность принятого решения исходя из предоставленного постановления не представляется возможным, истребовать материалы уголовного дела, давая оценку законности и полноте проведенных следственных действий».

Дальнейшее проведение следственных действий по уголовному делу, которое направлено руководителю следственного органа, как следует из ч. 4 ст. 157 УПК РФ, возможно лишь при наличии соответствующего поручения. Кроме того, на органы дознания, в том числе и учреждения ФСИН России, возложена обязанность по исполнению поручений о проведении отдельных следственных действий по уголовным делам и в том случае, если они не производили по ним неотложные следственные действия.

Соблюдение требований закона при исполнении поступивших поручений также, как указывалось выше, является предметом прокурорского надзора.

Несмотря на это, нормативными правовыми актами Генеральной прокуратуры Российской Федерации не регламентированы сроки, порядок и методика проведения проверок соблюдения требований закона при исполнении поручений, данных при производстве предварительного расследования.

Однако в данной области довольно часто допускаются нарушения закона, которые остаются вне зоны внимания специализированных прокуроров, так как осуществление надзора за данным участком уголовно-процессуальной деятельности не регламентировано. Также не предусмотрена обязанность по уведомлению прокуроров специализированных прокуратур о нарушениях, допущенных сотрудниками исправительных учреждений при исполнении поручений о производстве отдельных следственных действий в случае выявления подобных фактов прокурорами иных прокуратур.

Характерными нарушениями при исполнении поручений о проведении отдельных следственных действий является: во-первых, исполнение их в срок свыше десяти суток, а во-вторых, проведение следственных действий с нарушением уголовно-процессуальных норм.

Кроме того, дискуссионным вопросом является наличие у сотрудников учреждений ФСИН России права по исполнению поручений о проведении отдельных следственных действий по уголовным делам, которые возбуждены не по фактам преступлений против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами.

Так, согласно мнению О. В. Мичуриной, сотрудники учреждений правомочны выполнять не любые поручения и указания о производстве следственных действий, а только те, которые даются по делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками этих учреждений, а равно по делам о преступлениях, совершенных в расположении данных учреждений [3, с. 40]. В обоснование указанной точки зрения автор ссылается на мнение А. П. Рыжакова, который применительно к органам пожарного надзора отмечал, что органом дознания эти поручения и указания могут быть приняты и исполнены с учетом двух факторов: собственной уголовно-процессуальной правоспособности и конкретного требования следователя.

Однако согласиться с подобным утверждением вряд ли возможно, поскольку в случае дачи поручения орган, который его исполняет, действует не в пределах своей компетенции, а пределах полномочий, которые ему как бы делегируются на определенное время и для совершения строго определенных действий.

Указанные выше нарушения выявляются, как правило, лишь в ходе проверок, проводимых специализированными прокуратурами по собственной инициативе. Вместе с тем повышению уровня законности при исполнении поручений могло бы способствовать введение дополнительной обязанности инициатора поручения по информированию надзирающего прокурора о ненадлежащем исполнении поручения, а также проведение ежемесячных проверок надзирающими прокурорами соблюдения требований закона при исполнении поручений о проведении отдельных розыскных и следственных действий.

В этой связи предлагается дополнить ч. 1 ст. 152 УПК РФ предложением следующего содержания: «О допущенных нарушениях при исполнении поручения инициатор поручения обязан уведомить надзирающего прокурора».

Кроме того, п. 12 приказа № 33 необходимо дополнить предложением следующего содержания: «Систематически (не реже одного раза в месяц) проверять соблюдение требований закона при исполнении поручений, данных в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ».

Таким образом, можно сделать вывод о имеющихся недостатках правового регулирования, которые не позволяют прокурору своевременно получать информацию о направлении дела по подследственности после выполнения неотложных следствен-

ных действий, а также не предусматривают механизма истребования материалов уголовного дела для их проверки на предмет соблюдения требований закона. В связи с чем предлагается дополнить ч. 3 ст. 157 УПК РФ после слов «настоящего Кодекса» текстом следующего содержания: «о чем выносит постановление». Пункт 3 ст. 149 УПК РФ дополнить следующими предложениями: «Копия постановления о направлении уголовного дела предоставляется прокурору. В случае если оценить законность принятого решения исходя из предоставленного постановления не представляется возможным, прокурор истребует материалы уголовного дела».

Кроме того, очевидно, что пробелы правового регулирования при осуществлении прокурорского надзора за законностью при исполнении учреждениями уголовно-исполнительной системы России поручений о проведении отдельных следственных и иных процессуальных действий существенно снижают уровень законности в данной области. В целях устранения данного пробела предлагается дополнить ч. 1 ст. 152 УПК РФ предложением следующего содержания: «О допущенных нарушениях при исполнении поручения инициатор поручения обязан уведомить надзирающего прокурора». Потребуется внесение изменений и в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», п. 12 которого следует дополнить предложением следующего содержания: «Систематически (не реже одного раза в месяц) проверять соблюдение требований закона при исполнении поручений, данных в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куклин, В. И. Неотложные следственные действия / В. И. Куклин. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1967. – 141 с.
2. Лютынский, А. М. Некоторые вопросы практики расследования побегов из исправительных учреждений ФСИН России / А. М. Лютынский, Р. М. Морозов // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 2. – С. 260–266.
3. Мичурина, О. В. Процессуальные и организационные вопросы осуществления начальниками следственных изоляторов и лечебно-трудовых профилакториев функций органов дознания : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мичурина Оксана Валерьевна. – Москва, 1993. – 202 с.
4. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 // Законность. – 2017. – № 5. – С. 40–44.
5. Осипов, А. А. О субъектах, осуществляющих предварительное расследование в форме дознания по действующему уголовно-процессуальному законодательству РФ / А. А. Осипов // Российский следователь. – 2009. – № 11 – С. 9–12.
6. Савельев, Ю. О. своевременности проведения неотложных следственных действий / Ю. Савельев // Закон и право. – 2007. – № 7. – С. 84–86.
7. Саутиев, А. М. Прием, регистрация и рассмотрение заявлений и сообщений о преступлениях и происшествиях в исправительных учреждениях ФСИН России: сравнительно-правовое исследование на основе законодательства Российской Федерации и стран СНГ : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Саутиев Адам Мухамедович. – Рязань, 2017. – 230 с.
8. Сигалов, Л. Е. Теория и практика неотложных следственных действий : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сигалов Леонид Ефимович. – Свердловск, 1969. – 23 с.
9. Шабета, В. И. Сущность, назначение и порядок производства неотложных следственных действий по УПК РФ : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шабета Игорь Васильевич. – Челябинск, 2004. – 25 с.

REFERENCES

1. Kuklin V. I. *Neotlozhnye sledstvennye dejstviya* [Urgent investigative actions]. Kazan, 1967. 141 p. (In Russ.).
2. Lyutynskij A. M., Morozov R. M. Nekotorye voprosy praktiki rassledovaniya pobegov iz ispravitel'nyh uchrezhdenij FSIN Rossii [Some questions of the practice of investigating escapes from correctional institutions of the Federal Penal Service of Russia]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*, 2008, no. 2, pp. 260–266. (In Russ.).
3. Michurina O. V. *Processual'nye i organizacionnye voprosy osushchestvleniya nachal'nikami sledstvennyh izolatorov i lechebno-trudovyh profilaktoriev funkcij organov doznaniya*. Diss. kand. yurid. nauk [Procedural and organizational issues of the implementation by the heads of pre-trial detention centers and medical and labor dispensaries of the functions of the bodies of inquiry]. Diss. PhD. in Law]. Moscow, 1993. 202 p. (In Russ.).
4. Prikaz General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 26.01.2017 № 33 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov doznaniya» [Order of the Prosecutor General of the Russian Federation from 26.01.2017 No. 33 «On the organization of prosecutor's supervision over the procedural activities of the bodies of inquiry»]. *Zakonnost' – Legality*, 2017, no. 5, pp. 40–44. (In Russ.).
5. Osipova A. A. O sub'ektah, osushchestvlyayushchih predvaritel'noe rassledovanie v forme doznaniya po dejstvuyushchemu ugolovno-processual'nomu zakonodatel'stvu RF [On the subjects carrying out a preliminary investigation in the form of an inquiry under the current criminal procedure legislation of the Russian Federation]. *Rossijskij sledovatel' – Russian investigator*, 2009, no. 11, pp. 9–12. (In Russ.).
6. Savel'ev YU. O svoevremennosti provedeniya neotlozhnyh sledstvennyh dejstvij [On the timeliness of carrying out urgent investigative actions]. *Zakon i pravo – Law and right*, 2007, no. 7, pp. 84–86. (In Russ.).
7. Sautiev A. M. *Priem, registraciya i rassmotrenie zayavlenij i soobshchenij o prestupleniyah i proisshestviyah v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah FSIN Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie na osnove zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i stran SNG*. Diss. kand. yurid. nauk [Reception, registration and consideration of applications and reports of crimes and incidents in correctional institutions of the Federal Penal Service of Russia: a comparative legal study based on the legislation of the Russian Federation and the CIS countries]. Diss. PhD. in Law]. Ryazan, 2017. 230 p. (In Russ.).
8. Sigalov L. E. *Teoriya i praktika neotlozhnyh sledstvennyh dejstvij*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Theory and practice of urgent investigative actions. Author's abstract of diss. PhD. in Law]. Sverdlovsk, 1969. 23 p. (In Russ.).
9. SHabetya V. I. *Sushchnost', naznachenie i porjadok proizvodstva neotlozhnyh sledstvennyh dejstvij po UPK RF*. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [The essence, purpose and procedure for the production of urgent investigative actions under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Author's abstract of diss. PhD. in Law]. Chelyabinsk, 2004. 25 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КУНИЦИН – заместитель Воронежского прокурора по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, г. Воронеж, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4332-5051>, e-mail: s.n.kunitsin@gmail.com

SERGEY N. KUNITSIN – Deputy Voronezh Prosecutor for Supervision of Compliance with Laws in Correctional Institutions, Voronezh, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4332-5051>, e-mail: s.n.kunitsin@gmail.com

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-388-393

УДК 343.985

Особенности использования сети Интернет в расследовании преступлений экстремистской направленности

Н. И. ГЕРАСИМЕНКО

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-5337>, e-mail: ninella007@mail.ru

Реферат: Достаточно большое количество преступных деяний можно отнести к преступлениям экстремистской направленности, но не все из них можно совершать посредством Интернета. Такого рода преступления имеют ряд характерных особенностей, которые подлежат установлению на первоначальном и последующих этапах расследования: 1) обстановка совершения преступлений, включающая место и время (возможность совершения преступления лицом, находящимся в любой точке земного шара, где есть доступ в Интернет; преступление может совершаться длительное время – с момента размещения информации экстремистской направленности в сети до момента ее блокировки); 2) способы совершения преступлений (размещение информации, содержащей элементы экстремистского характера (тексты, картинки, посты, песни и т. п.), большие возможности для сокрытия преступного действия). Помимо шифрования файлов существует возможность их быстрого удаления с информационных носителей. Учитывая эти обстоятельства, первоочередными являются незамедлительное фиксирование информации с экстремист-

ской направленностью, содержащейся на электронных носителях, и выявление лиц, ее разместивших. При этом ключевыми моментами в расследовании должны стать проведение осмотра интернет-ресурса с обязательным указанием электронного адреса, наименования, сведений об обратной связи, контактах, а также назначение компьютерной и лингвистической экспертиз.

Ключевые слова: экстремистская деятельность; осмотр; сеть Интернет; способ; удаленный файл; сокрытие информации.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Герасименко Н. И. Особенности использования сети Интернет в расследовании преступлений экстремистской направленности. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):388–393. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-388-393.

Specifics of using the Internet in the investigation of extremist crimes

N. I. GERASIMENKO

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-5337>, e-mail: ninella007@mail.ru

Abstract: A fairly large number of criminal acts can be attributed to crimes of an extremist nature, but not all of them can be committed via the Internet. This type of crime has a number of characteristic features that must be established at the initial and subsequent stages of the investigation: 1) the situation in which the crimes were committed, including place and time. A feature of the place is the possibility of committing a crime by a person located anywhere in the world where there is Internet access. The specifics of time include the fact that a crime can be committed for a long time – from the moment extremist information is posted on the network until it is blocked; 2) the methods of committing the considered category of crimes, the features of which are the placement of information containing elements of an extremist nature (texts, pictures, posts, songs, etc.), as well as great opportunities for concealing the crime. In addition to encrypting files, it is possible to quickly delete them from information carriers. Given these circumstances, the priority is the immediate recording of information with an extremist orientation contained in electronic media, and the identification of the persons who posted it. At the same time the key points in the investigation should be the examination of the Internet resource with the obligatory indication of the email address, name, information about feedback, contacts, as well as the appointment of computer and linguistic expertise.

Key words: extremist activity; inspection; Internet; means; deleted files; hiding information.

12.00.12 – Forensics; forensic activity; operational investigation.

For citation: Gerasimenko N. I. Specifics of using the Internet in the investigation of extremist crimes. *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):388–393. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-388-393.

В настоящее время массив преступлений, в том числе экстремистской направленности, совершаемых посредством сети Интернет, достаточно велик. Так, по статистическим данным, размещенным на официальном сайте МВД России, с января по декабрь 2018 г. было зарегистрировано 1265 заявлений о совершении преступлений экстремистской направленности, в 2019 г. – 585, с января по март 2020 г. – 210, причем, на наш взгляд, истинные масштабы соответствующей преступной деятельности от-

ражены не в полной мере в силу ее латентности.

Распространенность рассматриваемых противоправных деяний обусловлена, во-первых, удаленностью лица, совершающего преступление, то есть фактической неопределенностью места его нахождения, а во-вторых, снижением уровня оставляемой в результате совершения преступления следовой информации.

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской

деятельности» не содержит понятия преступлений рассматриваемой категории. В соответствии со ст. 1 данного документа экстремистской деятельностью (экстремизмом) является:

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России, подрыв безопасности страны, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований и т. д.;

2) пропаганда и публичное демонстрационное нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению, в том числе путем предоставления финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств.

В соответствии с примечанием 2 к ст. 280 УК РФ под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Проанализировав данное определение, можно заключить, что достаточно много преступлений можно отнести к экстремистским, но не все они совершаются посредством сети Интернет. В данной статье будут рассмотрены ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), ст. 282.1 УК РФ (организация экстремистского сообщества), ст. 282.2 УК РФ (организация деятельности экстремистской организации).

К преступлениям экстремистской направленности, совершаемым в сети Интернет, содержащимся в иных главах УК РФ, относятся составы ст. 136 (нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина), ч. 4

ст. 150 (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления).

Также к интересующему нас виду можно отнести иные преступления, которые совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы согласно п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Наиболее опасными видами экстремизма являются националистический, религиозный и политический, проявляющиеся в возбуждении ненависти либо вражды по признакам пола, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности или к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, вовлечения отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций или групп, в первую очередь через информационно-телекоммуникационные сети, включая Интернет [4, с. 86].

Размещенная в сети информация зачастую служит поводом для возбуждения уголовного дела, поэтому процессуально грамотная ее фиксация носит принципиальный характер. Нельзя забывать, что сведения могут быть в любой момент удалены преступником – владельцем данной информации.

На основании интервьюирования 80 оперативных сотрудников Центра по противодействию экстремизму УМВД России по Омской области, ГУ МВД России по Новосибирской области, ГУ МВД России по Свердловской области нами были выделены основные проблемы, возникающие при расследовании рассматриваемой категории дел:

1) большое количество пользователей по всему миру;

2) принадлежность сайтов компаниям и пользователям, зарегистрированным за пределами Российской Федерации;

3) распространение информации экстремистской направленности разными способами (песни, текст, видео и др.).

А. С. Бутенко называет следующие причины распространения экстремистских материалов в сети Интернет: 1) многонациональность и многоконфессиональность Российской Федерации, сопровождаемые межнациональной и межрелигиозной напряженностью и высокой конфликтностью общества; 2) экономическая обстановка в стране, в частности социальное расслоение и неприязнь между социальными группами, способствующие быстрому распространению негативного контента в социальных сетях, блогах и чатах; 3) низкий уровень культу-

ры сетевого общения, компенсирующийся повышенной эмоциональностью и агрессией [1, с. 60].

Для успешного сбора информации, свидетельствующей о совершении преступления экстремистской направленности, следует обратить внимание на те обстоятельства, которые подлежат установлению на первоначальном и последующем этапах расследования:

1. Обстановка совершения преступления, включающая время и место. Статья 152 УК РФ в ч. 1 определяет место производства предварительного расследования по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Это значит, что, по общему правилу, местом совершения преступления будет считаться место нахождения лица, распространяющего информацию экстремистского характера. Однако преступления рассматриваемой категории носят транснациональный характер, следовательно, решение о возбуждении уголовного дела может попадать под юрисдикцию той страны, в которой находится лицо, совершающее противоправные действия, и вопрос о возбуждении и дальнейшем расследовании уголовного дела может относиться к компетенции страны, в которой находился преступник в момент совершения им общественно опасного деяния. В данном случае привлечение к уголовной ответственности решается по согласованию между государствами. В связи с этим перед лицом, производящим предварительное расследование, стоит задача не только своевременной фиксации противоправных действий лица, но и скорейшего установления местонахождения преступника для привлечения к уголовной ответственности. Зачастую это невозможно без применения сил и средств оперативных подразделений органов внутренних дел.

Временем совершения преступления признается момент размещения различных сведений экстремистской направленности. Применительно к обстановке совершения преступления следует обратить внимание на ее очевидность, то есть открытость самих действий преступного лица, которое умышленно локализует место либо в силу каких-либо обстоятельств делает его очевидным.

2. Личность совершившего преступление. Согласно статистическим данным МВД России и ФСБ России, более 90 % членов экстремистских организаций – молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет. Они и совершают преступления экстремистской направленности. В настоящее время на территории Российской Федерации насчитывается

примерно 150 молодежных экстремистских организаций с четкой устоявшейся идеологией, распределением ролей (иерархией), строгой дисциплиной [5].

В ситуациях, когда преступник не предпринимает никаких действий по своему обезличиванию, например размещает информацию экстремистского характера в учетной записи социальной сети либо вместе с информацией оставляет свои установочные или контактные данные, вопрос об установлении личности остро не стоит. Посредством проведения ряда оперативно-розыскных и иных мероприятий лицо, проводящее предварительное расследование, собственноручно либо путем направления поручения в оперативные подразделения органов внутренних дел определяет преступника, и последующая работа по совершению преступлению облегчается в разы. В случае же когда преступник принимает активные действия по сокрытию сведений о своей личности, комплекс следственных действий и иных проводимых мероприятий существенно расширяется. Наиболее рациональным способом установления личности преступника становится опять же использование сил и средств специальных оперативных подразделений. Говорить о том, что лицо может бесследно разместить сведения экстремистского содержания, не стоит: при любой активности лица в сети остается как минимум IP-адрес, который может служить отправной точкой в определении места совершаемого преступления и установлении личности преступника. Как правило, данная процедура осложняется использованием со стороны преступника различных компьютерных программ, направленных на искажение информации о месте выхода в сеть Интернет, поэтому при направлении поручения в оперативные подразделения органов внутренних дел и получении ответов от них следует в обязательном порядке проводить анализ сведений и вычленять те из них, которые не соответствуют действительности. Помимо прочего, в установлении личности может помочь и создаваемый для совершения преступления ресурс: различные компьютерные программы, скриншоты, интернет-сайты, сообщества. Создаются они в целях достижения скорейшего преступного результата, повышения эффективности преступной деятельности, усиления контроля над запущенными процессами, но в то же время снижают степень обезличенности преступника либо преступного сообщества, ведь введение любого рода инноваций увеличивает количество каналов

обратной связи, то есть преумножает число доказательств причастности того или иного лица к совершаемому преступлению.

Как отмечает О. С. Зубкина, проблема экстремизма имеет особое значение для юга России: ввиду разности культур и обычаев народов Кавказа происходят столкновения на национальной почве, сопровождающиеся созданием экстремистских сайтов, на которых ведутся агрессивные обсуждения [3, с. 54].

3. Способ совершаемого преступления. Если говорить о преступлениях экстремистской направленности, которые совершаются посредством использования сети Интернет, то речь будет идти прежде всего о таком способе совершения преступления, как размещение сведений экстремистской направленности. Информация такого рода может сопровождаться определенными призывами, указаниями как ограниченному, так и неограниченному кругу лиц. Однако не стоит исключительно так понимать рассматриваемое преступление. Зачастую действия экстремистского характера могут совершаться не на просторах Интернета, а в реальной жизни, а всемирная сеть при этом используется как средство коммуникации между членами преступных групп. Существенной разницей между двумя подходами является то, что в первом случае сведения будут носить открытый характер, ведь иначе теряется смысл совершаемого преступления, а во втором – тщательно скрываться. Во многом то, сколько внимания уделяется сокрытию информации о подготавливаемом или совершаемом преступлении, зависит от масштабности последнего. И как уже неоднократно отмечалось, следователю при обнаружении признаков преступления экстремистской направленности и возникновении сложностей с установлением личности преступника следует обращаться с поручением в оперативные подразделения органов внутренних дел. В тех случаях когда не стоит вопроса о получении скрытой от следователя информации, она фиксируется в общем порядке при проведении следственных действий. Стоит все же подчеркнуть, что такого рода ситуации, когда информация о преступлении будет лежать на поверхности, встречаются крайне редко, ведь сам преступник прекрасно понимает, что это может способствовать установлению его личности правоохранительными органами.

Как уже было сказано, основным способом сокрытия преступления является удаление файлов, свидетельствующих о причастности лица к совершенному престу-

плению. Следует иметь в виду, что удаленные файлы могут быть восстановлены и служить при надлежащем их процессуальном закреплении доказательственной информацией, указывающей на причастность лица к преступлению.

При размещении информации экстремистского характера в сети Интернет, как правило, избираются такие ресурсы, которые обладают, во-первых, большой пропускной способностью, а во-вторых, пониженной степенью цензурности: ВКонтакте, Youtube, Facebook, Instagram, Twitter. Это своего рода информационные платформы, которые позволяют размещать различные сведения вне зависимости от формы их представления.

Для повышения эффективности воздействия размещенной информации и ускорения наступления преступного результата лицами используются различные способы размещения данных: рассылки, видео- и музыкальные материалы, фотографии, стихи, песни на действующих страницах, ссылки на материалы других ресурсов в публикациях и комментариях [2, с. 126].

В качестве базы для совершения экстремистских преступлений используются и такие мессенджеры, как Viber, WhatsApp и Telegram. Это связано в первую очередь с тем, что обозначенные программы обладают функцией шифрования, что защищает файлы от отслеживания и взлома без использования специальных программ.

Информационно-коммуникационные сети стали основным средством общения для экстремистских и террористических организаций: они используются ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений, распространения экстремистской идеологии. Основной проблемой для следственных органов является длительность процесса получения информации с защищенных сайтов и их блокировки.

Способ совершения преступлений обусловлен большими возможностями информационных технологий. Местом совершения преступления экстремистского характера может стать любая точка, где есть доступ к сети Интернет.

Действия следователя на первоначальном и последующем этапах во многом зависят от характера совершенного преступления, но, как правило, перечень обязательных для выполнения мероприятий всегда остается неизменным. Так, при обнаружении информации, формально содержащей признаки экстремизма, следователю либо иному

лицу необходимо ее процессуально зафиксировать, ведь в последующем это может послужить основанием для возбуждения уголовного дела. Как правило, в практической деятельности следователь в роли лица, обнаружившего указанное преступление, выступает крайне редко. Чаще всего ему поступает либо материал проверки для последующего принятия процессуального решения, либо уже возбужденное уголовное дело. В обоих случаях необходимо процессуально зафиксировать сам факт совершенного преступления, если этого не сделано ранее. Важным является в кратчайшие сроки провести осмотр, отразив данный факт в протоколе осмотра места происшествия. При производстве указанного следственного действия и использовании в качестве объекта какого-либо интернет-ресурса следователю необходимо указывать все возможные реквизиты последнего: электронный адрес, наименование, сведения об обратной связи, контакты и т. д. В обязательном порядке к протоколу следственного действия прилагаются изображения ресурса, фиксируется содержание размещенных сведений.

Особое внимание следователю необходимо уделять взаимодействию с оперативными подразделениями органов внутренних

дел, так как некоторые аспекты совершенного преступления невозможно установить без их помощи.

Второй блок алгоритма расследования преступления образуют следственные действия, проводимые с лицами, а также материальными носителями информации. Они выходят на первый план при установлении лица, совершившего преступление, свидетелей и заключаются в сборе объема доказательственной информации. К таким следственным действиям можно отнести допросы свидетелей, обыски и выемки на местах совершения преступлений, назначение различных экспертиз, в основном компьютерных и лингвистических, проведение очных ставок, осмотров, допросов. На данном этапе расследование упрощается тем, что, как правило, в уголовном деле уже содержатся материалы о лице, совершившем преступление, характере последствий, и следователю остается только в общепределенном порядке собрать максимально возможную доказательственную базу.

Быстрое развитие информационно-коммуникационных систем, появление программ, способных шифровать информацию, осложняют процесс выявления и доказывания преступлений экстремистского характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутенко, А. С. Экстремизм в сети Интернет: понятие и сущность / А. С. Бутенко // Юристы-Правоведь. – 2019. – № 2. – С. 57–61.
2. Валеев, А. Х. Борьба с проявлением экстремизма в сети Интернет / А. Х. Валеев // Бизнес в законе. – 2011. – № 6. – С. 125–127.
4. Зубкина, О. С. Экстремизм в современном интернет-пространстве / О. С. Зубкина // Ростовский научный журнал. – 2019. – № 1. – С. 48–54.
5. Тронева, В. Н. Проблема распространения экстремизма в интернет-среде / В. Н. Тронева // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия : Юриспруденция. – 2019. – № 2. – С. 85–89. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42326823> (дата обращения: 08.08.2020).
6. Тхакохов, А. А. К проблеме молодежного экстремизма: факторы распространения, особенности, способы борьбы / А. А. Тхакохов // Молодой ученый. – 2015. – № 4. – С. 481–482.

REFERENCES

1. Butenko A. S. Ekstremizm v seti Internet: ponyatie i sushchnost' [Extremism on the Internet: concept and essence]. *YUrist-Pravoved* – *Lawyer-Legist*, 2019, no. 2, pp. 57–61. (In Russ.).
2. Valeev A. H. Bor'ba s proyavleniem ekstremizma v seti Internet [Fight against manifestations of extremism on the Internet]. *Biznes v zakone* – *Business in law*, 2011, no. 6, pp. 125–127. (In Russ.).
4. Zubkina O. S. Ekstremizm v sovremenном internet-prostranstve [Extremism in the modern Internet space]. *Rostovskij nauchnyj zhurnal* – *Rostov scientific journal*, 2019, no. 1, pp. 48–54. (In Russ.).
5. Troneva V. N. Problema rasprostraneniya ekstremizma v internet-srede [The problem of the spread of extremism in the Internet environment]. *Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. YUrisprudenciya* – *Scientific bulletin of the Volgograd branch of the RANHiGS. Jurisprudence*, 2019, no. 2, pp. 85–89. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42326823> (accessed 08.08.2020). (In Russ.).
6. Thakohov A. A. K probleme molodezhnogo ekstremizma: faktory rasprostraneniya, osobennosti, sposoby bor'by [On the problem of youth extremism: factors of spread, features, methods of struggle]. *Molodoj uchenyj* – *Young scientist*, 2015, no. 4, pp. 481–482. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

НИНА ИГОРЕВНА ГЕРАСИМЕНКО – старший преподаватель кафедры криминалистики Омской академии МВД России, г. Омск, Российская Федерация, кандидат юридических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-5337>, e-mail: ninella007@mail.ru

NINA I. GERASIMENKO – Senior Lecturer of the Department of Criminalistics of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russian Federation, PhD. in Law. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1107-5337>, e-mail: ninella007@mail.ru

Понятие и административно-правовая природа государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации

А. В. СМIRНОВ

Прокуратура Вологодской области, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0560-0841>, e-mail: smirnov5146@yandex.ru

Реферат. В статье на основе анализа различных научных позиций раскрывается административно-правовая природа и сущность государственно-служебных отношений в органах прокуратуры Российской Федерации. Отмечается, что уникальность прокурорской службы обусловлена в том числе выполнением работниками одновременно различных правоохранительных, правозащитных, контрольно-надзорных и других функций, что указывает на multifunctionality данного вида государственной службы. Такие характеристики службы в органах прокуратуры в свою очередь обуславливают повышенные требования к самой службе, к деловым и моральным качествам работников. На основе методологии интегративного правового понимания дается авторское понятие государственной службы и службы в органах прокуратуры. Последняя, в частности, раскрывается как особый вид профессиональной деятельности, осуществляемой от имени государства его гражданами, занимающими должности федеральной государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации, в целях выполнения в соответствии с законом о прокуратуре и правилами, устанавливающими особые нравственно-этические требования к их служебному и внеслужебному поведению, возложенных на органы прокуратуры обязанностей, реализуемых в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, а также связанных с выполнением функций внутреннего управления органов прокуратуры, организацией и прохождением службы в данных органах.

Ключевые слова: государственная служба; административно-правовая природа; интегративный подход; должности государственной службы; прокуратура; работники прокуратуры.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Для цитирования: Смирнов А. В. Понятие и административно-правовая природа государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):394–399. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-394-399.

The concept and the administrative-legal nature of public service in the prosecutor's office of the Russian Federation

A. V. SMIRNOV

Prosecutor's Office of the Vologda Region, Vologda, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0560-0841, e-mail: smirnov5146@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of various scientific positions, the article reveals the administrative-legal nature and essence of state-service relations in the prosecutor's office of the Russian Federation. It is noted that the uniqueness of the prosecutor's service is due, among other things, to the execution of various law enforcement, human rights, control and supervisory and other functions by prosecutors, which indicates the multifunctionality of this type of public service. Such characteristics of the service in the

prosecutor's office, in turn, lead to increased requirements for the service itself, for the business and moral qualities of employees. On the basis of the methodology of integrative legal thinking, the author's concept of civil service and service in the prosecutor's office is given. The latter, in particular, is disclosed as a special type of professional activity carried out on behalf of the state by its citizens holding positions of the federal public service in the prosecutor's office of the Russian Federation, in order to fulfill in accordance with the law on the prosecutor's office and the rules establishing special moral and ethical requirements for their official and off-duty behavior of the duties assigned to the prosecutor's office, carried out in order to ensure the supremacy of law, unity and strengthening the rule of law, protect human and civil rights and freedoms, the interests of society and the state protected by law, as well as related to the performance of the functions of internal management of the prosecutor's office, organizing and service in these bodies.

Key words: public service; administrative and legal nature; integrative approach; civil service positions; the prosecutor's office; employees of the prosecutor's office.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

For citation: Smirnov A. V. The concept and the administrative-legal nature of public service in the prosecutor's office of the Russian Federation. *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):394–399. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-394-399.

В системе государственных органов прокуратура занимает особое положение, предусмотренное гл. 7 Конституции Российской Федерации и Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Согласно последнему прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Российской Федерации наряду с другими функциями прежде всего надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории России.

Служба в органах прокуратуры Российской Федерации является одним из видов федеральной государственной службы и занимает особое место в системе государственной службы, предусмотренное прежде всего особым статусом самих органов прокуратуры, осуществляющих функции по обеспечению соблюдения законности со стороны всех государственных и негосударственных органов и организаций, а также граждан.

Уникальность прокурорской службы обусловлена и выполнением государственными служащими – прокурорскими работниками – одновременно различных правоохранительных, правозащитных, контрольно-надзорных и других функций, что указывает на многофункциональность данного вида службы. Такие характеристики службы в органах прокуратуры обуславливают повышенные требования к самой службе, к деловым и моральным качествам работников.

Государственная служба в органах прокуратуры находится в исключительном ведении Российской Федерации. Ключевые

моменты всех ее механизмов регламентированы основополагающим федеральным законом. При этом, в отличие от других видов государственной службы, отдельные элементы данного механизма нашли свое отражение в положениях ст. 129 Конституции Российской Федерации, устанавливающих исключительные по сравнению с другими государственными органами условия и порядок назначения прокуроров на их должности.

Раскрытие подлинного содержания административно-правового регулирования государственной службы в органах прокуратуры, определение универсальности деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и уникальности правового статуса ее работников невозможны без раскрытия сущности института государственной службы в целом, а также сравнения рассматриваемой службы с иными видами государственной службы в органах исполнительной власти, выполняющих правоохранительные функции.

Изучение различной справочной и специальной литературы позволяет прийти к выводу, что ключевыми признаками словосочетания «государственная служба» являются ее активный и публично-правовой характер [10, с. 100, 515; 11, с. 112–113]. Первый определяет государственную службу как вид деятельности, связанный с выполнением определенной работы, функции в отдельно взятом органе, второй – свидетельствует о публичном (общественном, гласном, открытом) характере данного вида деятельности, реализация которой должна осуществляться в строгом соответствии с нормативными предписаниями.

Сущность государственной службы, по нашему мнению, сводится к выполнению лицом своих общественно значимых функций, направленных не на решение задач конкретного государственного органа, а, в первую очередь, на обеспечение эффективного функционирования всего государства в целом как механизма, в котором такой орган является лишь одним из его многочисленных взаимосвязанных элементов.

В современном административном праве выделяется большое количество подходов к пониманию термина «государственная служба». Однако более выгодным представляется позиция ряда авторов, отстаивающих необходимость использования комплексного (системного) подхода к пониманию сущности и содержания государственной службы.

Так, А. Ф. Ноздрачев определяет государственную службу как установленный государством, нормативно выраженный и легитимный, признаваемый гражданами юридический институт практического осуществления государственной власти и повседневного применения законодательства в масштабе всего общества и реального времени [9, с. 14].

А. М. Артемьев раскрывает государственную службу как осуществление государственными органами кадровой функции управления и практическую деятельность всех лиц, получающих заработную плату из государственного бюджета (то есть от государства в лице его органов и подразделений) и занимающих постоянно или временно должности в аппарате государственных органов, включая органы законодательной, исполнительной и судебной власти, прокуратуры, контрольно-надзорных органов [2, с. 16].

В более широком смысле рассматриваемая дефиниция раскрывается Г. В. Атаманчуком как практическое и профессиональное участие граждан в осуществлении целей и функций государства посредством исполнения обязанностей и полномочий по государственной должности, определенной в конкретном государственном органе. При этом ключевым, по мнению исследователя, здесь является слово «исполнение», которое означает не просто работу, измеряемую либо временем, отведенным на нее по правилам внутреннего трудового распорядка, либо количеством прочитанных, подготовленных или подписанных документов и т. п., а формирование властно-управленческих взаимоотношений между государством и

обществом, государственным органом и подлежащими его ведению управляемыми объектами [3, с. 364].

Л. Л. Попов, выделяя госслужбу среди других видов профессиональной деятельности, отмечает, что такая деятельность объединяет исключительно людей, занятых в аппарате государственных органов, которые профессионально и на постоянной основе занимаются вопросами государственного управления в различных областях или сферах общественной жизни или реализуют на практике важнейшие функции государства по обеспечению обороны, безопасности и правопорядка [1, с. 129].

В целом, как отмечается в специальной литературе, в рамках комплексного подхода государственная служба представляет собой сложное административно-правовое явление, связанное с организацией и административно-правовым регулированием профессиональной деятельности граждан в сфере выполнения внешних и внутренних функций государственных органов, а также непосредственной организацией и прохождением государственной службы гражданами Российской Федерации [6, с. 29].

Системное рассмотрение государственной службы подразумевает необходимость выделения в ее структуре внешней и внутренней сторон, первая из которых связана с непосредственной реализацией государственными служащими функций органов государственной власти по урегулированию общественных отношений, вторая – с осуществлением внутриорганизационной деятельности данных органов по повседневной организации их профильной деятельности, включая функции кадрового обеспечения (отбор, расстановка, выдвижение, перемещение и высвобождение служащих, обучение и воспитание), социальную защиту служащих и их семей.

Вместе с тем в современных условиях еще более прогрессивным следует считать интегративный подход, позволяющий максимально широко рассматривать социально-правовое предназначение и административно-правовую природу государственной службы в ее онтологическом единстве.

Интегративный подход подразумевает использование помимо традиционных материалистических способов познания иррациональных форм и способов познания. В этом случае государственная служба приобретает принципиально другой вид: она связана не просто с осуществлением гражданином профессиональной деятельности

на конкретной должности, а представляет собой деятельность, основанную на долге, верности Родине, чести и совести при выполнении публичных функций и т. п.

Интегративная природа института государственной службы обуславливает возможность исследования служебных отношений в органах прокуратуры, их правового содержания исключительно во взаимосвязи с изучением других видов государственной службы. Только интегративный подход позволяет выявить основные характеристики государственной службы, установить общность и индивидуальность отдельных ее видов, определить теоретическую основу для дальнейшего исследования особенностей службы в органах прокуратуры, обосновать концептуальные идеи по изменению модели рассматриваемой службы в соответствии с современными тенденциями государственно-правового строительства.

Именно такой подход в последние годы получил наиболее активное внедрение в исследованиях по юриспруденции и рассматривается как прогрессивное направление правовой мысли – способ разрешения методологического кризиса современной юридической науки, не позволяющего ей справиться с задачами правовой действительности XXI в. Данный подход позволяет перейти от одномерного восприятия права, существовавшего в рамках классических типов понимания права, к всестороннему его рассмотрению как сложного социального феномена [5, с. 167].

Выделяя преимущества такого подхода, М. В. Немытина отмечает, что именно интегральное (или интегративное) правопонимание позволяет сформировать целостное представление о праве, рассматривая его во множестве проявлений и одновременно в единстве [8, с. 38].

В связи с этим интегративный подход к определению понятия «государственная служба» должен опираться на общее понимание данного вида службы как многогранного процесса публичного (государственного) управления общественной жизнью. В отличие от односторонних определений, использующих в качестве основного один из критериев – субъектный (должностной), функциональный (деятельностный) или институциональный (правовой), только интегративный подход может дать системное представление о государственной службе как управленческом процессе, включающем все три базовых критерия, раскрыть содержание данного административно-правового

института как особой группы общественных отношений, урегулированных нормами административного права, устанавливающих наравне с полномочиями государственных служащих по осуществлению внешних функций государственных органов положения о непосредственной организации и прохождении государственной службы.

Применение интегративного подхода к пониманию государственной службы в органах и учреждениях прокуратуры подразумевает использование наравне с отмеченными традиционными материалистическими способами также и иррациональных способов познания, позволяющих признать собственными государственной службе такие нематериальные или духовно-нравственные категории, как долг, ответственность, справедливость, честь, совесть, патриотизм, служение Отечеству [7, с. 110] и т. д.

В данном случае государственная служба приобретает принципиально другой вид и связана с осуществлением гражданином не просто профессиональной деятельности на конкретной должности, но деятельности, имеющей в своей основе нравственные начала, отвечающие за формирование у служащих ценностной ориентации на соблюдение общепризнанных норм морали и достижение общепользовательных целей.

Регулятивная роль подобных нравственных норм заключается в том, что они дают образец поведения работников органов государственной власти при выполнении ими своего служебного долга и устанавливают критерии для его оценки, а также воспитывают у каждого из них желание поступать согласно образцу [4, с. 94].

Формирование именно таких качеств в служении государству и обществу должно составлять основу воспитательного процесса государственного служащего (в том числе будущего) для обеспечения безупречного исполнения им своих служебных обязанностей, следования интересам самой службы и государства в целом.

В современных условиях данные качества приобретают особую актуальность, так как доверие населения к институтам власти прежде всего зависит от моральности поступков представителей такой власти – государственных служащих.

Таким образом, применение интегративной методологии в исследовании государственной службы как с правовой, социальной и организационной, так и с этической сторон позволяет раскрыть ее как вид профессиональной деятельности, осуществля-

емой от имени государства его гражданами (служащими), занимающими должности в уполномоченных государственных органах, в целях управления определенной сферой общественных отношений либо выполнения функций самоуправления этих органов, реализуемой в строгом соответствии с правилами, установленными административно-правовыми нормами, и на основе этических принципов и нравственных начал, формирующих ценностную ориентацию служащих на достижение общественно полезных целей и интересов самого государства.

Отмечаемая интегративная природа института государственной службы обуславливает возможность исследования служебных отношений в органах прокуратуры, их правового содержания исключительно во взаимосвязи с изучением других видов государственной службы. Только такой подход позволит выявить основные сущностные характеристики государственной службы в целом, установить общность и индивидуальность отдельных ее видов, определить теоретическую основу для дальнейшего исследования особенностей службы в органах прокуратуры, обосновать концептуальные идеи по изменению модели рассматриваемой службы в соответствии с современными тенденциями государственно-правового строительства.

Итак, служба в органах прокуратуры на должностях прокурорских работников является одним из элементов системы государственной службы. Анализ положений ст. 2, 4 Федерального закона от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и ч. 1 ст. 40 федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» позволяет сделать вывод об отнесении рассматриваемого вида службы к федеральной государственной службе.

Давая характеристику сущности прокурорской службы, выделяя самое существенное в ее внутреннем содержании, нельзя не отметить, что уникальность данного вида службы предопределена специфической ролью органов прокуратуры, выступающих в качестве механизма контроля и сдерживания всей системы органов управления государством. В этой связи сущность рассматриваемой службы, как никакого другого вида государственной службы, сводится к выполнению ее представителями (служащими) своих общественно значимых функций, направленных на обеспечение эффективного функционирования государства, представляющего собой многогранную си-

стему взаимосвязанных органов, организаций и отдельных граждан.

Учитывая данные особенности, характеристика рассматриваемого вида службы с точки зрения отдельных научных подходов может быть раскрыта как публично-правовые отношения между государством и работником прокуратуры, возникающие в процессе осуществления надзорной и иной функциональной деятельности органов прокуратуры по обеспечению соблюдения Конституции Российской Федерации и исполнения действующих на ее территории законов (правовой подход), как непосредственная профессиональная служебная деятельность, направленная на выполнение функций органов прокуратуры и государства в целом (деятельностный подход), как совокупность определенных должностей в системе органов прокуратуры, выполняющих такие функции (должностной подход). Не противопоставляя ни одну из данных точек зрения, а напротив, максимально широко объединяя их и выделяя ценностные характеристики служебных отношений, направленные в первую очередь на соблюдение высших правовых ценностей – прав и свобод человека, включая набор нравственных качеств, стандартов, норм и принципов морали, устанавливающих правила поведения и нормы служебной этики прокурорского работника в профессиональной и во внеслужебной деятельности, сущность данного вида службы раскрывает вышеупомянутый интегративный подход.

На основе методологии такого интегративного правопонимания государственная служба в органах прокуратуры может быть определена как особый вид профессиональной деятельности, осуществляемый от имени государства его гражданами (работниками прокуратуры), занимающими должности федеральной государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации, в целях выполнения в соответствии с федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и правилами, устанавливающими особые нравственно-этические требования к их служебному и внеслужебному поведению, возложенных на органы прокуратуры обязанностей, реализуемых в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, а также связанный с выполнением функций внутреннего управления органов прокуратуры, организацией и прохождением службы в данных органах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право : учебник / под редакцией Л. Л. Попова, М. С. Студеникиной. – 2-е изд., перераб и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2019. – 704 с. – ISBN 978-5-16-103786-7.
2. **Артемьев, А. М.** Развитие государственной службы в Российской Федерации / А. М. Артемьев. – Москва : Палеотип, 2006. – 240 с. – ISBN 978-5-94727-222-2.
3. **Атаманчук, Г. В.** Теория государственного управления : учебник / Г. В. Атаманчук. – 2-е изд., стер. – Москва : Омега-Л, 2011. – 525 с. – ISBN 978-5-370-01733-9.
4. **Казанник, А. И.** Нравственные основы государственной службы в Российской Федерации / А. И. Казанник // Вестник Омского университета. – 2002. – № 4. – С. 92–95.
5. **Канищев, В. П.** Интегративный подход к пониманию права как прогрессивный тип правового мышления / В. П. Канищев, Р. П. Палеха // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 165–170.
6. **Нагорных, Р. В.** Государственная служба Российской Федерации в правоохранительной сфере: проблемы теории и практики административно-правового регулирования : монография / Р. В. Нагорных. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 188 с. – ISBN 978-5-16-014080-3.
7. **Нагорных, Р. В.** Интегративные основы правопонимания в теории государственной службы в правоохранительной сфере / Р. В. Нагорных // Ёлым=Наука. – 2019. – № 3 (62). – С. 109–115.
8. **Немытина, М. В.** Право России как интеграционное пространство / М. В. Немытина. – 2-е изд., перераб. – Саратов : Научная книга, 2008. – 255 с. – ISBN 978-5-9758-0463-1.
9. **Ноздрачев, А. Ф.** Государственная служба : учебник для подготовки государственных служащих / А. Ф. Ноздрачев. – Москва : Статут, 1999. – 591 с. – ISBN 5-8354-0015-4.
10. **Ожегов, С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общей редакцией профессора Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва : Оникс : Мир и Образование, 2008. – 1200 с. – ISBN 978-5-488-01542-5.
11. Юридический энциклопедический словарь / главный редактор О. Е. Кутафин. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 558 с. – ISBN 5-85270-235-8.

REFERENCES

1. Popov L. L., Studenikina M. S. (red.) *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow, 2019. 704 p. (In Russ.).
2. Artem'ev A. M. *Razvitie gosudarstvennoj sluzhby v Rossijskoj Federacii* [Development of civil service in the Russian Federation]. Moscow, 2006. 240 p. (In Russ.).
3. Atamanchuk G. V. *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya* [Government theory]. Moscow, 2011. 525 p. (In Russ.).
4. Kazannik A. I. *Nravstvennye osnovy gosudarstvennoj sluzhby v Rossijskoj Federacii* [Moral foundations of public service in the Russian Federation]. *Vestnik Omskogo universiteta – Bulletin of the Omsk University*, 2002, no. 4, pp. 92–95. (In Russ.).
5. Kanishchev V. P., Palekha R. R. *Integrativnyj podhod k ponimaniyu prava kak progressivnyj tip pravovogo myshleniya* [An integrative approach to understanding law as a progressive type of legal thinking]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2, pp. 165–170. (In Russ.).
6. Nagornyh R. V. *Gosudarstvennaya sluzhba Rossijskoj Federacii v pravooxranitel'noj sfere: problemy teorii i praktiki administrativno-pravovogo regulirovaniya* [State Service of the Russian Federation in the Law Enforcement Sphere: Problems of Theory and Practice of Administrative and Legal Regulation]. Moscow, 2011. 188 p. (In Russ.).
7. Nagornyh R. V. *Integrativnye osnovy pravoponimaniya v teorii gosudarstvennoj sluzhby v pravooxranitel'noj sfere* [Integrative foundations of legal thinking in the theory of civil service in the law enforcement sphere]. *Ёлым= Nauka – The science*, 2019, no. 3 (62), pp. 109–115. (In Russ.).
8. Nemytina M. V. *Pravo Rossii kak integracionnoe prostranstvo* [Russian law as an integration space]. Saratov, 2008. 255 p. (In Russ.).
9. Nozdrachev A. F. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public service]. Moscow, 1999. 591 p. (In Russ.).
10. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 2008. 1200 p. (In Russ.).
11. Kutafin O. E. (red.) *JUridicheskij enciklopedicheskij slovar'* [Legal encyclopedic dictionary]. Moscow, 2002. 558 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СМОРНОВ – старший помощник прокурора Вологодской области по взаимодействию с законодательными (представительными) и исполнительными органами области, органами местного самоуправления, правовому обеспечению, г. Вологда, Российская Федерация, советник юстиции. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0560-0841>, e-mail: smirnov5146@yandex.ru

ANDREY V. SMIRNOV – Senior Assistant to the Prosecutor of the Vologda Region for interaction with legislative (representative) and executive bodies of the region, local government bodies, legal support, Vologda, Russian Federation, Counselor of Justice. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0560-0841>, e-mail: smirnov5146@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-400-406
УДК 159.9:343.85

Психологические причины и условия отклоняющегося поведения подростков, находящихся в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей

В. Л. ЦВЕТКОВ

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4692-8045>, e-mail: czvetkov_slava@inbox.ru

Т. А. ХРУСТАЛЕВА

Московский областной филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9709-2121>, e-mail: khrustalev100@mail.ru

Реферат. В статье проанализированы причины отклонений в поведении подростков и условия их устранения, рассмотрены формы девиантного поведения, сформулированы рекомендации по организации психологической работы с лицами, содержащимися в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Выявлено, что в происхождении девиантного поведения подростков большую роль играют дефекты правового и нравственного воспитания, безнадзорность, отсутствие контроля родителей за тем, как ребенок проводит свободное время, несовершенство процесса формирования личности, отрицательное влияние семьи и ближайшего окружения и их ценностных ориентаций, конфликтная обстановка в семье, личностные особенности подростков, которые возникли в большей мере из-за упущений в семейном воспитании.

Показано, что выявление причин и мотивов, заставивших подростка совершить правонарушение, оказание консультационной помощи родителям или законным представителям несовершеннолетних по нормализации внутрисемейных отношений, индивидуальный подход при организации профилактической работы с учетом личностных особенностей подростков способствуют оптимизации психологической работы с несовершеннолетними, содержащимися в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП).

Авторы считают, что основной акцент в организации психологической работы с детьми и подростками, содержащимися в ЦВСНП, должен быть сделан на коррекцию системы ценностей личности, поскольку преступления совершаются несовершеннолетними в силу роста потребительской ориентации на фоне утраты моральных ценностей, а также из-за потребности подростков во включении в обособленные группы на фоне нарушения отношений с окружающей средой обитания.

Ключевые слова: центр временного содержания; несовершеннолетний; подросток; отклоняющееся поведение; психологическая работа с несовершеннолетними правонарушителями; профилактика.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Психологические причины и условия отклоняющегося поведения подростков, находящихся в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14 (3):400–406. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-400-406.

Psychological reasons and conditions of deviant behavior of juveniles in the temporary detention centers for minor delinquents

V. L. TSVETKOV

the Moscow University of MIA of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4692-8045>, e-mail: czvetkov_slava@inbox.ru

T. A. KHRUSTALEVA

the Moscow regional branch of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow region, Ruzsky district, Staroteryaev village, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9709-2121>, e-mail: khrustalev100@mail.ru

Abstract: The article analyzes the causes of deviations in the behavior of juveniles and the conditions for their elimination, considers forms of deviant behavior, it formulates recommendations for organizing psychological work with minors held in temporary detention centers for minor offenders.

It was revealed that an important role play defects of legal and moral education, neglect, lack of parental control over how the child spends free time, imperfection of the personality formation process, the negative influence of the family and immediate environment and their value orientations, the conflict situation in the origin of the deviant behavior of the minor family, personal characteristics of minors, which arose to a greater extent due to omissions in family education.

It is shown that identifying the causes and motives that caused the juvenile to commit an offense, providing counseling to parents or legal representatives of minors to normalize family relationships, an individual approach to organizing preventive work taking into account the personality characteristics of juveniles, help optimize the psychological work with minors held in the temporary detention center for minor offenders.

The authors believe that the main emphasis in the organization of psychological work with children and juveniles held in the temporary detention centers for minor offenders should be made on the correction of the personal value system, since crimes are committed by minors due to the growth of consumer orientation against the background of the loss of moral values, as well as because of the needs of juveniles in inclusion in isolated groups on the background of a violation of relations with the environment.

Key words: temporary detention center; minor; juvenile; deviant behavior; psychological work with minor delinquents; prophylaxis.

19.00.06 – Legal Psychology.

For citation: Tsvetkov V. L., Khrustaleva T. A. Psychological reasons and conditions of deviant behavior of juveniles in the temporary detention centers for minor delinquents. *Penitenciarная наука = Penitentiary Science*. 2020; 14 (3):400–406. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-400-406.

Несовершеннолетние были и остаются самой уязвимой частью общества, так как в силу возрастных особенностей отличаются неустоявшейся психикой, несформированностью системы ценностных ориентаций.

Рост подростковой преступности вызывает необходимость научного переосмыс-

ления психологами вопросов, связанных с ее профилактикой.

В предупреждении подростковой преступности участвует большое количество субъектов, представляющих собой единую систему, связанную общностью целей и задач.

Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) – воспитательные учреждения закрытого типа, предназначением которых являются профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, выявление и устранение данных явлений, а также педагогическая и психологическая помощь несовершеннолетним в период их содержания в ЦВСНП [1, с. 2].

Исследование особенностей пребывания несовершеннолетних в ЦВСНП показывает, что пути, направления и методы оказания психологической помощи несовершеннолетним правонарушителям изучены недостаточно глубоко, мало работ посвящено рассмотрению специфики работы специ-

алистов с несовершеннолетними правонарушителями в ЦВСНП.

Анализ социально-психологических особенностей 130 несовершеннолетних, находящихся в одном из региональных ЦВСНП, на основе данных психодиагностического обследования и результатов индивидуальных бесед показал, что большая часть из них воспитывается в детских домах и учреждениях социального обслуживания, их родители были лишены родительских прав или ограничены в них. Значительное число подростков (24 %) воспитываются в полных семьях, однако большую часть составляют дети из неполных семей, чьим воспитанием занималась либо одна мать, либо мать и отчим – сожитель матери (см. табл. 1).

Таблица 1

Социально-психологические особенности несовершеннолетних, находящихся в ЦВСНП, по данным за 2019 г. в сравнении с АППГ

Количество несовершеннолетних	Воспитываются	2019 г., в %	2018 г., в %
23	в полной семье	24	20,8
19	матерью	19,8	23,4
4	отцом	4,2	7,8
21	матерью и отчимом/сожителем	21,9	26,0
3	отцом и мачехой	3,1	2,6
1	опекуном/попечителем, бабушкой	1	3,9
25	в детском доме, учреждениях социального обслуживания, СУВУЗТ	26	13,0

54,2 % воспитанников ЦВСНП воспитываются в многодетных семьях, наибольший

процент – из семей с двумя и тремя детьми (см. рис. 1).

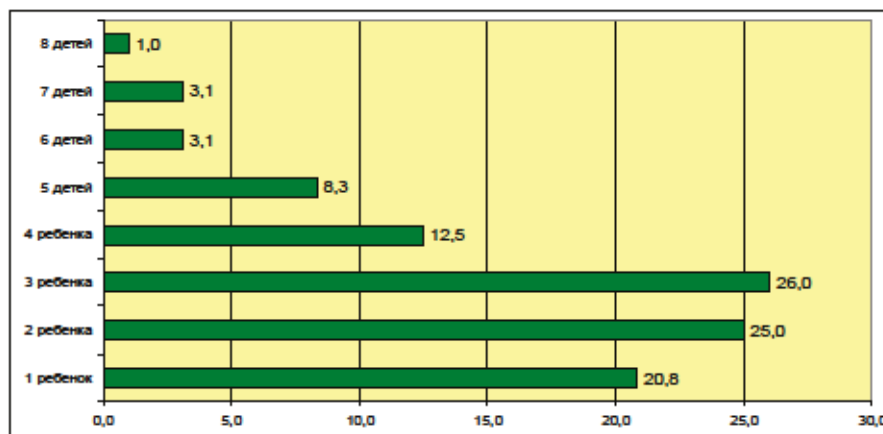

Рис. 1. Процентное соотношение семей по количеству детей в них

Одной из основных причин девиантного поведения детей является то, что их родители злоупотребляют спиртными напитками. Так, о наличии такой проблемы заявили

58,4 % несовершеннолетних (АППГ – 58,5 %), у четверти детей злоупотребляют спиртными напитками только отцы, а у пятой части – оба родителя (см. табл. 2).

Таблица 2

*Злоупотребление родителями спиртными напитками,
по данным за 2019 г. в сравнении с АППГ*

	Количество несовершеннолетних	Процентное отношение к общему количеству обследованных несовершеннолетних	
		2019 г.	2018 г.
Мать	15	15,6	11,7
Отец	23	24,0	24,7
Оба родителя	18	18,8	22,1

Делинкветное поведение несовершеннолетних характеризуется совершением общественно опасных деяний разного характера. В криминальном опыте несовершеннолетних первое место занимают кражи, второе – побои.

Причинами совершения общественно опасных деяний несовершеннолетние чаще называют:

- желание иметь деньги на карманные расходы для покупки сигарет, спиртных напитков, чипсов и других мелочей;
- желание иметь похищенные вещи;
- совершение хищений за компанию с друзьями;

– нанесение побоев в ответ на оскорбление (применение физической силы некоторые подростки считают «нормальным» способом решения конфликтов).

Общественно опасные деяния несовершеннолетние совершают в основном группой лиц. Распределение данных по этому параметру представлено в табл. 3: из помещенных в ЦВСНП в 2019 г. больше всего детей, которые совершили правонарушения либо в одиночку, либо группой лиц, в 2018 г. наибольшим стал процент подростков, совершивших противоправные поступки группой лиц. 57,8 % подростков отметили, что их друзья также состоят на учете в ПДН.

Таблица 3

*Особенности совершения общественно опасных деяний несовершеннолетними,
по данным за 2019 г. в сравнении с АППГ*

	Количество несовершеннолетних	2019 г., в %	2018 г., в %
Группой лиц	29	30,2	50,1
Один и группой лиц	41	42,7	29,9
Один	19	19,8	19,5

Самовольные уходы из дома допускали 60 несовершеннолетних, или 62,5 % (АППГ – 70,1 %), почти половина подростков уходит из дома регулярно:

- от одного до трех уходов – 21 чел., или 21,9 % (АППГ – 24,7 %);
- четыре и более уходов – 39 чел., или 40,6 % (АППГ – 45,5 %).

Чаще всего причинами самовольных уходов несовершеннолетние называют желание погулять с друзьями, конфликты с родителями, отчимом/сожителем матери или вообще затрудняются ответить. В периоды самовольных уходов большинство детей ночуют у своих знакомых или родственников, там же и питаются, а в некоторых случаях совершают общественно опасные деяния (кражи, грабежи).

Анализ аддиктивного поведения несовершеннолетних показывает, что большая часть подростков имеет опыт употребления

спиртных напитков и табака. Так, 76 несовершеннолетних, или 79,2 % (АППГ – 83,1 %), имели такую практику, из них 46 подростков, или 47,9 % (АППГ – 54,5 %), употребляют спиртное регулярно.

Чаще всего несовершеннолетние употребляют пиво, джинтоник, энергетики, но некоторые из них указали, что пробовали и более крепкие спиртные напитки, такие как водка и коньяк. Спиртные напитки подростки в основном распивают в компании со своими друзьями на деньги, которые родители дают на карманные расходы, или деньги, добытые криминальным путем.

Первый опыт употребления спиртных напитков имел место в возрасте с 6 до 11 лет у 37 чел. (38,5 %), с 12 до 16 лет – у 36 чел. (37,5 %).

Ответы подростков на вопрос о частоте употребления алкоголя распределились

следующим образом: каждую неделю – 17 чел. (17,7 %), раз в месяц – 22 чел. (22,9 %), по праздникам – 14 чел. (14,6 %).

91 несовершеннолетний, или 94,8 % (АППГ – 93,5 %), отметил, что имеет опыт табакокурения.

Регулярно курят 77 подростков, или 80,2 % (АППГ – 72,7 %), при этом некоторые дети отмечают, что их родители знают о наличии этой вредной привычки, но никаких мер не предпринимают, а порой и сами покупают им сигареты.

Первый опыт употребления табачных изделий имел место в возрасте с 6 до 11 лет у 65 чел. (67,7 %), с 12 до 16 лет – у 26 чел. (27,1 %).

Наличие опыта употребления токсических веществ подтвердили 33 подростка, или 34,4 % (АППГ – 35,1 %). 13 детей, или 13,5 % (АППГ – 11,7 %), употребляли токсические вещества регулярно в течение продолжительного времени. В основном они вдыхают пары карата, морилки, серебрянки, лака, бензина, а также пьют газ для зажигалок.

Опыт употребления наркотических веществ подтвердили 15 подростков, или 15,6 % (АППГ – 19,5 %), регулярного – 2, или 2,1 % (АППГ – 3,9 %). Речь в основном идет о наркотиках в виде курительных смесей. В большинстве случаев несовершеннолетние попробовали наркотические вещества в 13–14 лет.

Мысли о самоубийстве возникали у 28 несовершеннолетних, или 29,2 % (АППГ – 23,4 %), у 20 подростков, или 20,8 % (АППГ – 15,6 %), были незавершенные суицидальные попытки, причинами которых являются:

- конфликты с родными;
- разрыв любовных отношений;
- страх перед наказанием, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа;
- конфликты с учителями и одноклассниками.

75,9 % подростков нерегулярно посещают учебные занятия, 39,8 % являются неуспевающими. Причинами пропусков учебных занятий несовершеннолетние называли:

- конфликтные взаимоотношения с одноклассниками и учителями;
- отсутствие мотивации и интереса к учебе.

Наличие школьных конфликтов признали 59 % подростков, в том числе:

- с учителями – 27,7 %;
- одноклассниками – 8,4 %;
- учителями и одноклассниками – 22,9 %.

Изучение личностных особенностей несовершеннолетних с помощью детского варианта индивидуально-типологического опросника (ИТДО) позволило выявить акцентуированные черты характера обследуемых, а также наличие у них признаков социальной дезадаптации (см. рис. 2).

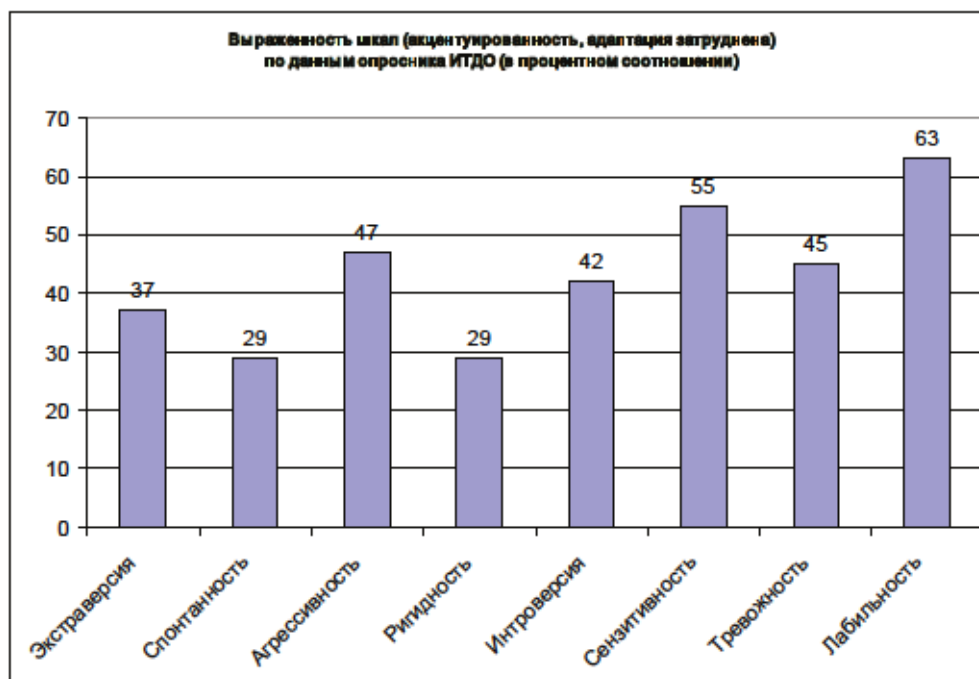

Рис. 2. Процентное соотношение выраженности шкал по результатам ИТДО

Рис. 3. Усредненный профиль данных ИТДО

Усредненный профиль ИТДО (см. рис. 3) показывает, что все шкалы находятся в пределах нормативного разброса, наблюдаются пики по шкалам агрессивности, лабильности и сензитивности.

Шкала сензитивности выявляется у впечатлительных, ранимых, обидчивых, склонных к депрессивным реакциям подростков. Такие дети характеризуются стремлением к преувеличению своей вины в случившемся, ведомой по отношению к одноклассникам позицией, стремлением находиться под прикрытием более сильной личности, нередко ищут поддержки у преподавателей и родителей, в конфликтных ситуациях, при проявлении грубости, неверности, обиды могут обнаруживать суицидальные тенденции и затяжные депрессивные реакции [2, с. 271].

Высокие показатели по шкале лабильности отражают значительную эмоциональную неустойчивость, характеризующуюся перепадами настроения – от избыточной веселости, болтливости, смешливости до резко пониженного настроения со слезами, бурными реакциями огорчения. Ее обладателей отличают впечатлительность, богатое воображение, склонность к фантазированию, артистичность, стремление быть в центре внимания.

Наличие у несовершеннолетних акцентированных черт по шкале агрессивности характеризует их как уверенных в себе, активных, стремящихся к самоутверждению и самостоятельности при низкой подчиняемости. Высокие баллы (6 баллов) указывают на избыточную активность, импульсивное поведение при низкой подчиняемости, небрежность в выполнении заданий, склонность к прогулам и агрессивным поступкам.

Такой тип больше характерен для мальчиков, особенно выросших в неполных семьях. Профилактическая и коррекционная работа с этими подростками представляет самые серьезные трудности, так как жесткие меры пресечения могут привести к еще большему ожесточению ребенка и усилению личностной деформации.

Усредненный профиль личности несовершеннолетних по методике определения склонности к отклоняющемуся поведению А. Н. Орел (СОП) показал наличие выраженности:

- шкалы 4 (склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению), которая определяет у подростков низкую ценность собственной жизни, склонность к риску, выраженную потребность в острых ощущениях;
- шкалы 5 (склонность к агрессии и насилию), что свидетельствует о наличии агрессивных тенденций у испытуемых;
- шкалы 7 (склонность к делинквентному поведению), выявляющей делинквентные тенденции, низкий уровень социального контроля.

Итак, для успешной работы с трудными подростками следует разграничивать девиантное поведение социально-педагогического генезиса, обусловленное средовыми условиями (как минимум педагогически неблагоприятной или напрямую асоциальной средой), и психофизиологического генезиса, при котором отклонения в поведении объясняются различными нервными нарушениями подростка.

В происхождении девиантного поведения большую роль играют дефекты правового

и нравственного воспитания, безнадзорность, отсутствие контроля родителей за тем, как ребенок проводит свободное время, несовершенство процесса формирования личности, отрицательное влияние семьи и ближайшего окружения и их ценностных ориентаций, конфликтная обстановка в семье, личностные особенности подростков, причиной возникновения которых стали упущения в семейном воспитании.

Деятельность центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей необходимо ориентировать на психологическое обеспечение индивидуальной профилактической работы с подростками, в ходе чего следует:

- выявлять причины и условия, способствующие совершению правонарушений несовершеннолетними, их личностные качества и интересы, причины самовольного прекращения работы, учебы, ухода из семьи, учебного заведения;

- находить и развивать положительные склонности и интересы несовершеннолетних, проводить работу по устранению недостатков в поведении, приобщению к учебе и труду;

- осуществлять коррекционную работу с несовершеннолетними, направленную на формирование позитивного самосознания;

- проводить работу с родителями в форме психологических консультаций, бесед по психологическому просвещению и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних;

- готовить и направлять информацию в органы и учреждения системы профилактики правонарушений и безнадзорности.

Основной акцент в организации психологической работы с трудными детьми и подростками должен быть сделан на переориентирование системы ценностей личности.

Как отмечалось ранее, преступления совершаются несовершеннолетними в силу роста потребительской ориентации на фоне утраты моральных ценностей, а также из-за потребности во включении в обособленные группы на фоне нарушения отношений с окружающей средой обитания. Таким образом, очевиден социально-экономический и социально-психологический характер девиантного поведения подростков.

Следовательно, организация психологической работы с лицами, содержащимися в центрах временного содержания для несовершеннолетних, должна быть полимодальна, то есть охватывать разные сферы личности и задавать ориентиры для их развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Прокурова, С. В. Психологические особенности работы с подростками, находящимися в центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Прокурова Софья Витальевна. – Москва, 2006. – 178 с.

2. Собчик, Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики / Л. Н. Собчик. – Санкт-Петербург : Речь, 2017. – 480 с. – ISBN 5926801958.

REFERENCES

1. Prokurova S. V. *Psichologicheskie osobennosti raboty s podrostkami, nahodyashchimisya v centrakh vremennogo soderzhaniya nesovershennoletnih pravonarushitelej*. Diss. kand. psihol. nauk [Psychological features of working with adolescents in temporary detention centers for juvenile offenders. Diss. PhD. in Psychology]. Moscow, 2006. 178 p. (In Russ.).

2. Sobchik L. N. *Psichologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psichodiagnostiki* [Psychology of personality. Theory and practice of psychodiagnosics]. St. Petersburg, 2017. 480 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ВЯЧЕСЛАВ ЛАЗАРЕВИЧ ЦВЕТКОВ – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация, доктор психологических наук, профессор. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4692-8045>, e-mail: czvetkov_slava@inbox.ru

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ХРУСТАЛЕВА – доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, Московская область, Рузский район, поселок Старотеряево, Российская Федерация, кандидат психологических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9709-2121>, e-mail: khrustalev100@mail.ru

VYACHESLAV L. CVETKOV – Head of the Department of Law Psychology of the Training and Research Complex of the Employment Activity Psychology of the Moscow University of MIA of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation, Dsc. in Psychology, Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4692-8045>, e-mail: czvetkov_slava@inbox.ru

TAT'YANA A. HRUSTALEVA – Associate Professor of the Department of SocioEconomic and Humanitarian disciplines of the Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow region, Ruzsky district, Staroteryaev village, Russian Federation, PhD. in Psychology, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9709-2121>, e-mail: khrustalev100@mail.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-407-414
УДК 159.9.07

Психологические механизмы развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных

О. Б. ПАНОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

Э. В. ЗАУТОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

Н. Г. СОБОЛЕВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

Реферат. Решение проблемы предупреждения рецидивной преступности несовершеннолетних осужденных связано с психологическим взаимодействием с воспитанниками исправительных учреждений с акцентом на формирование у них способности предвидеть результаты совершаемых поступков. В современной психологической науке проблематика познания социальных явлений с точки зрения прогнозирования их последствий осуществляется в рамках исследования социального интеллекта личности и механизмов его функционирования. Вопросам социального интеллекта посвящены труды Дж. Гилфорда, Г. Оллпорта, Р. Селмана, Р. Стернберга, В. Н. Куницыной, Е. С. Михайловой, А. И. Савенкова, Д. В. Ушакова и др., которые рассматривают данный феномен как способность к познанию социальных явлений, дополнительную возможность, обеспечивающую успешное функционирование человека в обществе.

Выстраивание системы психологического сопровождения развития социального интеллекта у несовершеннолетних осужденных базируется на выявлении механизмов его функционирования. Анализ трудов, посвященных описанию механизмов развития социального интеллекта (М. И. Бобнева, О. Ю. Масыгина, В. С. Мухина, Д. В. Ушаков), соотнесенный с прикладными задачами и позитивным потенциалом личностного развития несовершеннолетних осужденных, позволяет представить разноразмерную структуру психологических механизмов развития социального интеллекта у данной категории правонарушителей, которая включает следующие процессы: идентификацию и обособление, распознавание мотивов поведения всех участников коммуникации, рефлексию.

Для подтверждения предположений о значимом влиянии рефлексивных процессов на уровень социального интеллекта несовершеннолетних осужденных авторами было проведено эмпирическое исследование, включающее констатирующий и формирующий эксперименты. Основу формирующего эксперимента составил тренинг, представляющий собой систему упражнений, среди которых особая роль отводилась дилемме. Благодаря рефлексии в ходе решения дилемм несовершеннолетний сталкивается с необходимостью самоанализа и осознания социальных норм, которые преобразовываются в его социальный опыт. Роль психолога при этом состоит в формировании у подопечных позитивной Я-концепции, побуждении их к подражанию положительному образу, создании благоприятной атмосферы общения. Действенность дилеммы повышается, когда ее содержательная основа является актуальной, вызывает эмоциональный отклик, при этом поэтапное принятие нравственного выбора сопровождается психологом.

Динамика развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных определялась сопоставлением результатов диагностики социального интеллекта до и после формирующего эксперимента с помощью теста «Диагностика социального интеллекта» Дж. Гилфорда и М. Салливена в адаптации Е. С. Михайловой. В ходе верификации нашло свое подтверждение положение о том, что стимулирование

рефлексивных процессов оказывает существенное влияние на развитие социального интеллекта. Перспективы дальнейшего исследования психологических механизмов социального интеллекта несовершеннолетних осужденных связываются с интеграцией психологического и педагогического знания, преимуществом в психолого-педагогическом обеспечении исследуемого процесса на пенитенциарном и постпенитенциарном этапах.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; прогнозирование; профилактика; социальный интеллект; психологические механизмы; социализация; Я-концепция; рефлексия; психокоррекционная работа; психологический тренинг; дилемма; эксперимент.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Панова О. Б., Зауторова Э. В., Соболев Н. Г. Психологические механизмы развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14 (3):407–414. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-407-414.

Psychological mechanisms of development of social intelligence of juvenile convicts

O. B. PANOVA

The Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

E. V. ZAUTOVA

The Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

N. G. SOBOLEV

The Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

Abstract. The solution of the problem of preventing recidivism of juvenile convicts is associated with psychological interaction with inmates of correctional institution with an emphasis on the formation of their ability to foresee the results of their actions. In modern psychological science, the problem of cognition of social phenomena from the point of view of predicting their consequences is carried out in the framework of the study of social intelligence of a person and the mechanisms of its functioning. The works of J. Gilford, G. Allport, R. Selman, R. Sternberg, V. N. Kunitsyna, E. S. Mikhailova, A. I. Savenkova, D. V. Ushakov and others are devoted to the issues of social intelligence, they consider this phenomenon as the ability to cognize social phenomena, an additional feature that ensures the successful functioning of a person in society.

Building a system of psychological support for the development of social intelligence by juvenile convicts is based on identifying the mechanisms of its functioning. The analysis of works devoted to the description of the mechanisms of development of social intelligence (M. I. Bobneva, O. Yu. Masyagina, V. S. Mukhina, D. V. Ushakov), correlated with applied tasks and the positive potential of personal development of juvenile convicts, allows to present a multilevel structure of psychological mechanisms of development of social intelligence in this category of offenders, which includes the following processes: identification and isolation, recognition of motives of behavior of all participants of communication, reflection.

To confirm the assumptions about the significant influence of reflexive processes on the level of social intelligence of juvenile convicts, we conducted an empirical study, including ascertaining and forming experiments. The basis of the forming experiment was a training, including a system of exercises, among which a special role was given to the dilemma. Due to reflection in the course of solving dilemmas, the minor's self-

analysis and awareness of social norms take place, which are transformed into his social experience. The role of the psychologist in this case consists in the formation of the wards of a positive "Self-conception", encouraging them to imitate a positive image, creating a favorable atmosphere of communication. The effectiveness of dilemmas increases when its substantive basis is relevant, causes an emotional response; at the same time, the gradual adoption of moral choices is accompanied by a psychologist.

The dynamics of the development of social intelligence of juvenile convicts was determined by comparing the results of diagnosing social intelligence before and after the forming experiment using the test "Diagnosis of social intelligence" by J. p. Gilford and M. Sullivan as adapted by E. S. Mikhailova. In the course of verification, the position was confirmed that the stimulation of reflexive processes has a significant impact on the development of social intelligence. Prospects for further research on the psychological mechanisms of social intelligence of juvenile convicts are associated with the integration of psychological and pedagogical knowledge, continuity in the psychological and pedagogical support of the process under study at the penitentiary and post-penitentiary stages.

Key words: juvenile convicts; forecasting; prevention, social intelligence; psychological mechanisms; socialization; «Self-conception», reflection; psycho-correction work; psychological training; dilemma, experiment.

19.00.06 – Legal Psychology.

For citation: Panova O. B., Zautorova E. V., Sobolev N. G. Psychological mechanisms of development of social intelligence of juvenile convicts. *Penitenciamaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14 (3):407–414. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-407-414.

Преступность несовершеннолетних остается значимой проблемой, хотя, согласно официальным данным, ее показатели снижаются. Так, по информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2018 г. преступность несовершеннолетних снизилась на 3,8 % (с 45 288 до 43 553) [13]. Зафиксированы объективные тенденции сокращения за последние десять лет количества несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях: на конец 2018 г. их численность составила 1310, что в 6,5 раза меньше аналогичных параметров за 2008 г. (8550 чел.) [18]. В то же время возрастает доля несовершеннолетних в совершении таких тяжких насильственных преступлений, как убийство (в 2,7 раза), причинение тяжкого вреда здоровью (в 2,9 раза) и др. [16, с. 64–66]. Увеличение удельного веса воспитанников с большим уровнем выраженности криминальной зараженности показывает важность исследования психологических механизмов позитивной переориентации личности, а количественное снижение контингента воспитательных колоний создает благоприятные условия для более тонкой психокоррекционной работы.

Особое внимание специалистов сконцентрировано на проблеме предупреждения рецидивов преступных деяний воспитанников исправительных учреждений. Одним из путей ее решения выступает психологическое взаимодействие с осужденным по поводу формирования у него «способности предвидеть последствия совершаемых по-

ступков» [1, с. 4]. С. В. Познышев связывал данную задачу с формированием умения «взвешивать все pro и contra, задерживать внешние проявления эмоций и по рассмотрении всех данных решать поступать так или иначе» [11, с. 158].

В современной психологической науке проблематика познания социальных явлений с точки зрения прогнозирования их последствий соотносится с исследованием социального интеллекта личности и механизмов его функционирования. Считается, что терминологический конструкт «социальный интеллект» был введен в научный оборот Э. Торндайком, по мнению которого данный вид интеллекта представляет собой совокупность способностей, направленных на анализ социальной ситуации [3, с. 171–175]. Большой вклад в исследование социального интеллекта внесли западные психологи, среди которых Дж. Гилфорд, Г. Оллпорт, Р. Селман, Р. Стернберг и др. Рассмотрение развития социального интеллекта как средства психологической коррекции противоправных установок несовершеннолетних осужденных делает особо востребованными идеи Р. Стернберга, в соответствии с которыми социальный интеллект характеризуется в качестве инструмента, позволяющего извлекать «выгоду из своих умственных способностей, направляя их на компенсацию и корректировку своих слабых сторон» [15, с. 40].

Значимой для исследования факторов предупреждения преступного рецидива

представляется теория Дж. Гилфорда, в соответствии с которой социальный интеллект – это способность индивида понимать устремления и эмоциональные состояния окружающих людей по вербальным и невербальным сигналам. Человек с высоким уровнем социального интеллекта обладает дальновидностью в межличностных отношениях, склонностью предвидеть наиболее вероятные варианты развития событий и их последствий. Напротив, люди с низким социальным интеллектом не могут адекватно анализировать ситуации межличностного взаимодействия, в результате чего испытывают сложности адаптационного характера [4, с. 433–456].

Исследованию феномена «социальный интеллект» посвятили свои труды такие российские ученые, как Ю. Н. Емельянов, В. Н. Куницына, Е. С. Михайлова, А. И. Савенков, Д. В. Ушаков и др. Актуальной представляется точка зрения Д. В. Ушакова, в соответствии с которой социальный интеллект базируется на использовании «внутреннего опыта» [14, с. 20–21]. В концепции А. И. Савенкова дано методологическое обоснование модели социального интеллекта, включающей три группы характеристик: когнитивных, эмоциональных и поведенческих. Когнитивные охватывают знания о нормах и границах межличностного взаимодействия. Эмоциональные показатели включают эмоциональную выразительность и чувствительность, умение регулировать собственные эмоции и настроение. К элементам поведенческого компонента отнесены умение слушать собеседника и взаимодействовать с ним, умение убеждать других, способность ужиться с людьми, открытость в отношениях с окружающими [12, с. 30–38]. Таким образом, социальный интеллект как способность к познанию социальных явлений выступает дополнительной возможностью, обеспечивающей успешное функционирование человека в обществе, эффективность его в той или иной деятельности.

Исследуя причины совершения преступлений несовершеннолетними осужденными, мы установили в ходе анкетирования 280 воспитанников ряда исправительных учреждений, что многие из них в момент, предшествующий совершению преступления, не были готовы адекватно воспринять сигналы от других участников коммуникаций. Так, из 56 несовершеннолетних, осужденных по ст. 111 УК РФ, 42 чел. не имели предварительного намерения совершать насильственные действия с причинением

тяжкого вреда здоровью. Объяснение причин своих деяний они дали в таких ответах, как «по глупости», «не думал о последствиях», «не разобрался в ситуации».

Немаловажным аспектом является то, что среди респондентов, осужденных по ст. 111 УК РФ, 11 чел. (19,6 %) осуждены по данной статье повторно. Подавляющее большинство из них – 44 чел. (78,5 %) – сожалеют о случившемся. Из этого следует, что сам по себе факт отбывания наказания не обуславливает приобретение достаточного социального опыта. А если уровень социального прогнозирования и интуиции осужденного низок, то рецидив преступления имеет высокую степень вероятности.

Рассмотрение недостаточного уровня социальных компетенций в качестве значимого психологического фактора повторной преступности ориентирует на исследование проблемы развития данного феномена. В связи с этим возникают вопросы: поддается ли социальный интеллект влиянию, обеспечивающему его развитие? что выступает толчком (психологическим механизмом) развития данного феномена? какие формы и методы психокоррекционной работы следует применять для того, чтобы запустить соответствующие механизмы и обеспечить их последующее функционирование?

Мы исходим из того, что, поскольку социальный интеллект человека относится к сфере познавательных способностей, его не только возможно, но и необходимо развивать в аспекте обогащения субъектного социального опыта, приобретаемого в определенных жизненных ситуациях. Выводы, формулируемые для себя субъектом при осмыслении таких ситуаций, во многом определяются его личностными качествами. При этом социальный интеллект несовершеннолетнего осужденного обуславливается не только личностным потенциалом, который характеризуется существенной деформированностью, но и тем, насколько системной является психокоррекционная работа по сопровождению процесса развития данной познавательной способности.

Изучение трудов, посвященных описанию механизмов развития социального интеллекта, позволяет выделить два научных подхода. Авторы одного из них, отталкиваясь от механизма формирования личности, в качестве которого выступает процесс социализации (Л. С. Выготский), к механизмам развития социального интеллекта относят идентификацию и обособление (М. И. Бобнева, О. Ю. Масыгина, В. С. Мухина и др.)

[2; 6; 8]. В соответствии со вторым подходом толчком развития социального интеллекта выступает распознавание мотивов поведения всех участников коммуникации (Д. В. Ушаков) [14, с. 12–13].

Сопоставление двух подходов показывает, что они, не противореча один другому, раскрывают исследуемое явление на разных методологических уровнях: первый подход позволяет рассмотреть его на общенаучном уровне, обобщающем теоретические концепции, применяемые к исследуемому феномену, второй – на конкретно-научном, определяющем сферу применяемых методов. Осмысление степени изученности проблемы механизмов развития социального интеллекта вызывает потребность в ее изучении и на технологическом уровне, так как последний позволяет выстраивать работу в более конкретном формате и адресно ориентироваться на особенности определенной категории клиентов. В отношении несовершеннолетних следует опираться на позитивный потенциал таких возрастных особенностей, как потребность в поиске смысла жизни и самоопределении, рассмотрение жизненных проблем преимущественно в морально-оценочной плоскости [5, с. 45–47].

Анализ рассмотренных подходов, сопоставленный с актуальными возрастными особенностями несовершеннолетних осужденных, позволил предположить, что универсальным механизмом развития социального интеллекта у данной категории детей на технологическом уровне выступает рефлексия как специфический импульс развития самосознания личности.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы нами был проведен эксперимент, суть которого состояла в определении влияния рефлексивных процессов на уровень социального интеллекта несовершеннолетних осужденных. Основу формирующего эксперимента составил тренинг, включающий систему упражнений, среди которых особая роль отводилась дилемме. Специфика дилеммы заключается в создании ситуации выбора между несколькими альтернативными решениями; предметом выбора является модель поведения в определенных социальных обстоятельствах.

Благодаря рефлексии в ходе решения дилемм несовершеннолетний сталкивается с необходимостью самоанализа и осознания социальных норм, которые преобразовываются в его социальный опыт. Роль психолога при этом состоит в формировании у подопечных позитивной Я-концепции, побужде-

нии их к подражанию положительному образу, созданию благоприятной атмосферы общения. Действенность дилеммы повышается, когда ее содержательная основа является актуальной, вызывает эмоциональный отклик, при этом поэтапное принятие нравственного выбора сопровождается стимулирующими средствами.

В нашем тренинге основой для моделирования дилемм выступают художественные фильмы, литературные произведения, реальные события из жизни. В качестве художественных средств, побуждающих несовершеннолетних к нравственному выбору, используются такие фильмы, как «Семь нянек», «Верьте мне, люди» и др., книги – «Один год» (Ю. Германа), «Над пропастью во ржи» (Дж. Сэлинджера) и др.

Большая часть дилемм основывается на реальных событиях. Приведем пример такой дилеммы.

Ситуация. В одной из воспитательных колоний несовершеннолетние осужденные, забравшись на крышу школы, подожгли ее. Участники беспорядков бросали камни в сотрудников колонии, избивали воспитанников, не пожелавших поддержать их. В результате погибли два человека – воспитанник и сотрудник, были также и раненые. В таких обстоятельствах к воспитаннику Н. обратился его приятель с предложением помочь спрятаться от погромщиков сотрудникам данного учреждения, что спасло об их жизни.

Дилемма: как следует поступить Н. в ответ на предложение приятеля? Выберите один из двух вариантов. Подумайте, какое продолжение в развитии ситуации могло бы последовать в каждом из двух вариантов. Обоснуйте свое мнение.

Варианты для выбора:

- а) воспитаннику Н. следует принять предложение приятеля;
- б) воспитаннику Н. не следует принимать предложение приятеля.

В приведенной дилемме используется прием дерефлексии, эффективность применения которой обосновал В. Франкл [17]. Деревлексия направлена на то, чтобы переключить внимание человека с самого себя на те обстоятельства, в которых он мог бы оказаться и которые ему следует проанализировать и оценить. Деревлексия обуславливает некое «возвышение над ситуацией», при котором процесс оценивания другого не травмирует психику и происходит более объективно. В то же время актуальность обстоятельств побуждает к проецированию

оценочных суждений в том числе и на себя. Таким образом, дерефлексия пробуждает «склонность к наблюдению за поведением людей, потерпевших неудачу, отмечать для себя факторы, обусловившие проигрыш, и затем принимать все меры к тому, чтобы не повторять подобных ошибок» [17, с. 13]. В таком качестве дерефлексия активизирует собственно рефлексию [9, с. 96].

Динамика развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных определялась сопоставлением результатов диагностики социального интеллекта до и после формирующего эксперимента с помощью теста «Диагностика социального интеллекта» Дж. Гилфорда и М. Салливена в адаптации Е. С. Михайловой [7].

В эксперименте были задействованы 60 осужденных, отбывающих наказание в Брянской воспитательной колонии. Участники были распределены в экспериментальную группу (далее – ЭГ) и контрольную группу (далее – КГ) по 30 чел. Воспитанники, включенные в ЭГ, были охвачены тренингом, направленным на развитие рефлексивных способностей; с воспитанниками, составляющими КГ, соответствующая работа не проводилась.

Значительная часть испытуемых из ЭГ и КГ на констатирующем этапе эксперимента характеризовалась низким уровнем социального интеллекта, отсутствием способностей предвидеть исход ситуаций, связанных с взаимодействием между людьми, просчитывать вероятные варианты развития событий на основе определенных признаков.

После проведения формирующего эксперимента ситуация изменилась. В ЭГ по шкале СВИ (способность предвидеть последствия поведения людей в определенных ситуациях, предсказать то, что произойдет дальше) среднее значение увеличилось с 3,7 до 6,1. По шкале СВС (фактор познания классов поведения, способность к логическому обобщению поведенческих проявлений) среднее значение увеличилось с 4 до 6,2. По шкале СВТ (способность понимать изменения значения сходных вербальных реакций человека в зависимости от контекста вызвавшей их ситуации) – с 5,1 до 6,8. По шкале CBS (способность понимать логику развития ситуаций взаимодействия, значение поведения людей в этих ситуациях) – с 4,9 до 6,5. В ЭГ средние значения по всем шкалам стали соответствовать среднему уровню (см. рис. 1).

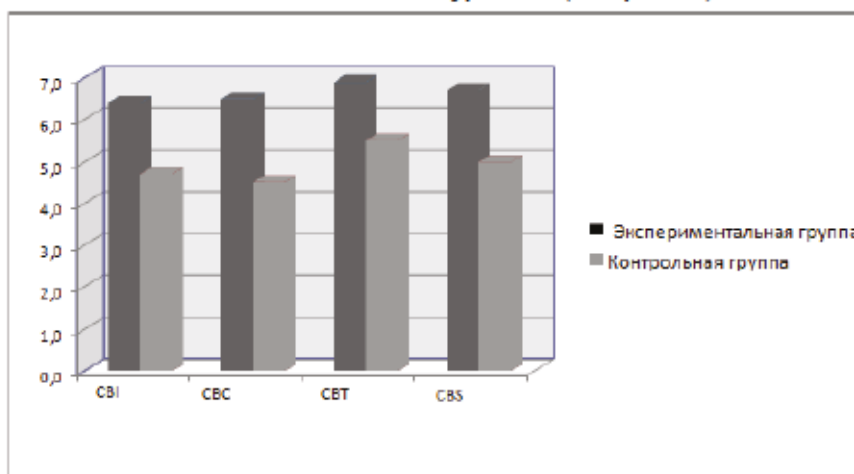

Рис. 1. Средние значения социального интеллекта в ЭГ и КГ после формирующего эксперимента

С помощью критерия Вилкоксона установлено, что значимые сдвиги произошли по трем исследуемым параметрам: по шкалам СВИ и СВС ($p \leq 0,01$), по шкале СВТ ($p \leq 0,05$). Не подтверждено значимых сдвигов по шкале CBS. В то же время значимых изменений социального интеллекта воспитанников КГ не выявлено ни по одной из шкал методики [10, с. 360–361].

Таким образом, гипотеза, согласно которой стимулирование рефлексивных процессов оказывает существенное влияние на развитие социального интеллекта, нашла

свое подтверждение в ходе верификации. В результате теоретического осмысления источников информации и анализа результатов проведенного эксперимента сформулированы следующие выводы:

1. Актуальность исследования механизмов развития социального интеллекта воспитанников исправительных учреждений определяется потребностью в выявлении и обосновании психологических средств, побуждающих осужденных к переосмыслению своего поведения.

2. Развитие социального интеллекта несовершеннолетних осужденных направлено на формирование у них готовности к внесению позитивных изменений в свое поведение и отношение к людям, стимулирование эмоциональных переживаний, содействие развитию способностей, необходимых для продуктивного включения в социум.

3. Разноразовная система психологических механизмов, обеспечивающих развитие социального интеллекта несовершеннолетних осужденных, может быть представлена в виде ступеней: идентификация и обособление → распознавание мотивов всех участников коммуникации → рефлексия. Каждая последующая ступень в этой цепочке конкретизирует предыдущую в определении средств психологического влияния на несовершеннолетнего.

4. Результативность психологического сопровождения развития социального интеллекта несовершеннолетних осужденных повышается, если сотрудники воспитательной колонии стимулируют социально

адекватную рефлексивную деятельность воспитанников, соотносимую с позитивным потенциалом их возрастных особенностей.

5. В качестве эффективных средств актуализации рефлексии выступают дилеммы, обеспечивающие воспитанникам возможность выражать эмоции по поводу жизненных явлений и фактов, сопоставлять свое поведение с моральными и правовыми нормами, делать осознанный выбор. В ходе решения дилемм происходит становление чувства принадлежности к нормативному обществу, формирование положительной Я-концепции и самоуважения, подражание положительному образу, реализуется гуманистический стиль общения в рамках контактов со сверстниками.

Перспективы дальнейшего исследования психологических механизмов социального интеллекта несовершеннолетних осужденных связываются с интеграцией психологического и педагогического знания, преимущественно в психолого-педагогическом обеспечении исследуемого процесса на пенитенциарном и постпенитенциарном этапах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бехтерев, В. М. О социально-трудовом воспитании : доклад на Съезде по экспериментальной педагогике 23 мая 1917 г. / В. М. Бехтерев. – Петроград : типография Н. П. Зандмана, 1917. – 16 с.
2. Бобнева, М. И. Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева. – Москва : Наука, 1978. – 311 с.
3. Васильева, И. А. Социальный интеллект как интегральная интеллектуальная способность / И. А. Васильева, У. В. Болотова, Ю. О. Рясная // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 3. – С. 171–175.
4. Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления / под редакцией А. М. Матюшкина. – Москва : Прогресс, 1965. – С. 433–456.
5. Кон, И. С. Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности) : учебное пособие / И. С. Кон. – Москва : Просвещение, 1979. – 175 с.
6. Масыгина, О. Ю. Механизмы развития социального интеллекта в дошкольный период / О. Ю. Масыгина // Актуальные вопросы современной психологии : материалы международной научной конференции (г. Челябинск, март 2011 г.). – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 58–60. – URL: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/30/127/> (дата обращения: 13.11.2019).
7. Михайлова, Е. С. Тест Дж. Гилфорда и М. О'Салливан. Диагностика социального интеллекта : методическое руководство / Е. С. Михайлова. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : ИМАТОН, 2002. – 56 с. – ISBN 978-5-7822-0089-3.
8. Мухина, В. С. Эволюция личности сквозь призму механизмов развития и бытия / В. С. Мухина // Развитие личности. – 2007. – № 2. – С. 8–31.
9. Панова, О. Б. Обсуждение морально-правовых дилемм как средство активизации правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии / О. Б. Панова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2017. – № 2 (38). – С. 93–98.
10. Панова, О. Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Панова Оксана Брониславовна. – Ярославль, 2013. – 487 с.
11. Познышев, С. В. Очерки тюремного воспитания / С. В. Познышев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Типогр. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева, 1915. – 296 с.
12. Савенков, А. И. Эмоциональный и социальный интеллект как предикторы жизненного успеха / А. И. Савенков // Вестник практической психологии образования. – 2006. – № 1. – С. 30–38.
13. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2018 года : сборник. – URL: <https://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 13.11.2019).
14. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под редакцией Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2004. – 176 с. – ISBN 5-9270-0058-4.
15. Стернберг, Р. Интеллект успеха / Р. Стернберг ; перевод с английского С. И. Ананина. – Минск : Попурри, 2015. – 231 с. – ISBN 978-985-15-2561-0.
16. Титова, А. И. Преступность несовершеннолетних: состояние и динамика / А. И. Титова // Молодой ученый. – 2018. – № 34. – С. 64–66. – URL: <https://moluch.ru/archive/220/52434/> (дата обращения: 01.12.2019).
17. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сборник / В. Франкл ; общая редакция и перевод с английского и немецкого Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – Москва : Прогресс, 1990. – 366 с. – ISBN 5-01-001606-0.
18. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. – URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/statistics/> (дата обращения: 13.11.2019).

REFERENCES

1. Bekhterev V. M. *O social'no-trudovom vospitanii* [On social and labor education]. Petrograd, 1917. 16 p. (In Russ.).
2. Bobneva M. I. *Social'nye normy i regulyaciya povedeniya* [Social norms and regulation of behavior]. Moscow, 1978. 311 p. (In Russ.).
3. Vasil'eva I. A., Bolotova U. V., Rysnaya YU. O. Social'nyj intellekt kak integral'naya intellektual'naya sposobnost' [Social intelligence as an integral intellectual ability]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Actual problems of the humanities and natural sciences*, 2015, no. 3, pp. 171–175. (In Russ.).
4. Gilford Dzh. Tri storony intellekta [Three sides of intelligence]. *Psihologiya myshleniya* [Psychology of intellection]. Moscow, 1965, C. 433–456. (In Russ.).
5. Kon I. S. *Psihologiya yunosheskogo vozrasta (Problemy formirovaniya lichnosti)* [Psychology of adolescence (Problems of personality formation)]. Moscow, 1979. 175 p. (In Russ.).
6. Masyagina O. YU. Mekhanizmy razvitiya social'nogo intellekta v doskol'nyj period [The mechanisms of development of social intelligence in the preschool period]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Aktual'nye voprosy sovremennoj psikhologii»* [Materials of the international scientific conference «Actual issues of modern psychology»]. Chelyabinsk, 2011, pp. 58–60. Available at: <https://moluch.ru/conf/psy/archive/30/127/> (accessed 13.11.2019). (In Russ.).
7. Mihajlova E. S. *Test Dzh. Gilforda i M. O'Salliven. Diagnostika social'nogo intellekta* [J. Guilford and M. O'Sullivan's test. Diagnostics of social intelligence]. St. Petersburg, 2002. 56 p. (In Russ.).
8. Muhina V. S. Evolyuciya lichnosti skvoz' prizmu mekhanizmov razvitiya i bytiya [The evolution of personality through the prism of the mechanisms of development and being]. *Razvitie lichnosti – Personal development*, 2007, no. 2, pp. 8–31. (In Russ.).
9. Panova O. B. Obsuzhdenie moral'no-pravovykh dilemm kak sredstvo aktivizatsii pravovoj resotsializatsii nesovershennoletnih osuzhdennykh v vospitatel'noj kolonii [Discussion of moral and legal dilemmas as a means of enhancing the legal resocialization of juvenile convicts in an educational colony]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, 2017, no. 2 (38), pp. 93–98. (In Russ.).
10. Panova O. B. *Pedagogicheskoe obespechenie pravovoj resotsializatsii nesovershennoletnih osuzhdennykh v vospitatel'noj kolonii*. Diss. dokt. ped. nauk [Pedagogical support of legal resocialization of juvenile convicts in an educational colony. Diss. Dsc. in Pedagogy]. Yaroslavl, 2013. 487 p. (In Russ.).
11. Poznyshchikov S. V. *Ocherki tyur'movedeniya* [Essays on Prison Science]. Moscow, 1915. 296 p. (In Russ.).
12. Savenkova A. I. Emotsional'nyj i social'nyj intellekt kak prediktory zhiznennogo uspekha [Emotional and Social Intelligence as Predictors of Life Success]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya – Bulletin of practical educational psychology*, 2006, no. 1, pp. 30–38. (In Russ.).
13. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2018 goda* [The state of crime in Russia in January–December 2018]. Available at: <https://genproc.gov.ru/> (accessed 13.11.2019). (In Russ.).
14. Lyusin D. V., Ushakova D. V. (red.) *Social'nyj intellekt: Teoriya, izmerenie, issledovaniya* [Social Intelligence: Theory, Measurement, Research]. Moscow, 2004. 176 p. (In Russ.).
15. Sternberg R. *Intellekt uspekha* [Intelligence of success]. Minsk, 2015. 231 p. (In Russ.).
16. Titova A. I. Prestupnost' nesovershennoletnih: sostoyanie i dinamika [Juvenile delinquency: state and dynamics]. *Molodoj uchenyj – Young scientist*, 2018, no. 34, pp. 64–66. Available at: <https://moluch.ru/archive/220/52434/> (accessed 01.12.2019). (In Russ.).
17. Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow, 1990. 366 p. (In Russ.).
18. *Harakteristika lic, sodержashchih v vospitatel'nykh koloniyah dlya nesovershennoletnih* [Characteristics of persons held in juvenile educational colonies]. Available at: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/statistics/> (accessed 13.11.2019). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, доктор педагогических наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ – начальник кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, кандидат психологических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

OKSANA B. PANOVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6096-2581>, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

ELVIRA V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogics, Professor, Member-correspondent of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>, e-mail: elvira-song@mail.ru

NIKOLAI G. SOBOLEV – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Psychology, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>, e-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

Радикализация в местах заключения: ПОДХОД СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Б. Г. БОВИН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

П. Н. КАЗБЕРОВ

Управление воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

И. Б. БОВИНА

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Реферат. В статье осуществлен анализ исследований о распространении экстремистской идеологии в местах лишения свободы и использована теория социальной идентичности для понимания механизма радикализации в условиях изоляции. Актуальность обращения к этой проблеме объясняется тем, что после событий 11 сентября 2001 г. именно радикализация в тюрьмах превратилась в серьезную угрозу безопасности разных стран. Кроме того, меры по противодействию терроризму должны опираться на знание психологических закономерностей, по которым происходит радикализация; равным счетом, как и разработка мер профилактики, направленных на осужденных, а также создание программ по дерадикализации базируются на понимании механизмов социального поведения. В фокусе внимания в работе оказывается концепция современного терроризма, предложенная Ж. Бодрийяром, изучается проблема радикализации и распространения идеологии экстремизма в местах лишения свободы, демонстрируется важность социальной идентичности в связи с процессом радикализации в ситуации изоляции. Особая роль отводится идеям теории неопределенности-идентичности М. Хогга (мотивационному направлению подхода социальной идентичности). Согласно ей, переживая неопределенность, люди склоняются к разделению радикальных идей и членству в соответствующих группировках, ибо таким образом они получают прямые и однозначные ответы на беспокоящие их вопросы. Способ снижения неопределенности – это принадлежность к группе, так как последняя является основой для самоопределения, то есть индивиды в ней обретают искомую социальную идентичность, получают нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. В заключение объясняются возможности подхода социальной идентичности для диагностики лиц, уязвимых к вовлечению в террористическую деятельность.

Ключевые слова: терроризм; радикализация; противодействие терроризму; социальная идентичность; осужденные; неопределенность.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Бовин Б. Г., Казберов П. Н., Бовина И. Б. Радикализация в местах заключения: подход социальной идентичности. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14 (3):415–424. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-415-424.

Radicalisation in prison: social identity approach

B. G. BOVIN

Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

P. N. KAZBEROV

Department of educational, social and psychological work of the Federal Penal Service of Russia, Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

I. B. BOVINA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Abstract. The article analyzes research on the spread of extremist ideology in prisons and uses the theory of social identity to understand the mechanism of radicalization in conditions of isolation. The urgency of addressing this problem is explained by the fact that since the events of September 11, 2001, it is the radicalization in prisons that has turned into a serious threat to the security of different countries. In addition measures to counter terrorism necessarily rely on knowledge of the psychological laws by which radicalization occurs; equally, like the development of preventive measures aimed at convicts as well as the creation of deradicalization programs, are based on an understanding of the mechanisms of social behavior. The focus of the work is on the concept of modern terrorism proposed by J. Baudrillard, the problem of radicalization and the spread of the ideology of extremism in prisons is studied, the importance of social identity in connection with the process of radicalization in a situation of isolation is demonstrated. A special role is given to the ideas of M. Hogg's theory of uncertainty-identity (the motivational direction of the approach of social identity). According to her, experiencing uncertainty, people become inclined to the division of radical ideas and membership in the corresponding groups, because in this way they receive direct and unambiguous answers to their questions. The way to reduce uncertainty is belonging to a group, since the latter is the basis for self-determination, that is, individuals in it acquire the desired social identity, receive norms and rules of behavior, direction of thoughts and feelings. In conclusion the possibilities of the social identity approach for diagnosing persons vulnerable to involvement in terrorist activities are explained.

Key words: terrorism; radicalization; counter-terrorism; social identity; convicts; uncertainty.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B. Radicalisation in prison: social identity perspective. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14 (3):415–424. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-415-424.

Воспользуемся одним из определений терроризма, согласно которому под этим явлением понимаются «действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» [17, с. 496]. Важный момент в определении терроризма, который следует добавить, заключается в указании на групповую природу: негосударственные

субъекты – это группы, ибо террористические акты совершаются членами групп.

В авторитетной базе данных по терроризму с 1970 по 2018 г. зафиксировано 191 464 теракта [18]. Анализ количества погибших в результате терактов (см. рис. 1) свидетельствует, что после пика в 2014 г. к 2018 г. наблюдается существенный спад (более 50 %) [24]. В том же отчете утверждается, что география наиболее смертоносных террористических актов включает страны Ближнего Востока, Южной Азии, а также Африканского

континента к югу от Сахары. Именно здесь погибли 93 % жертв терроризма за период с 2002 по 2017 г. Однако при этом представ-

ляется возможным говорить об экспоненциальном росте количества жертв террористической активности (рис. 1).

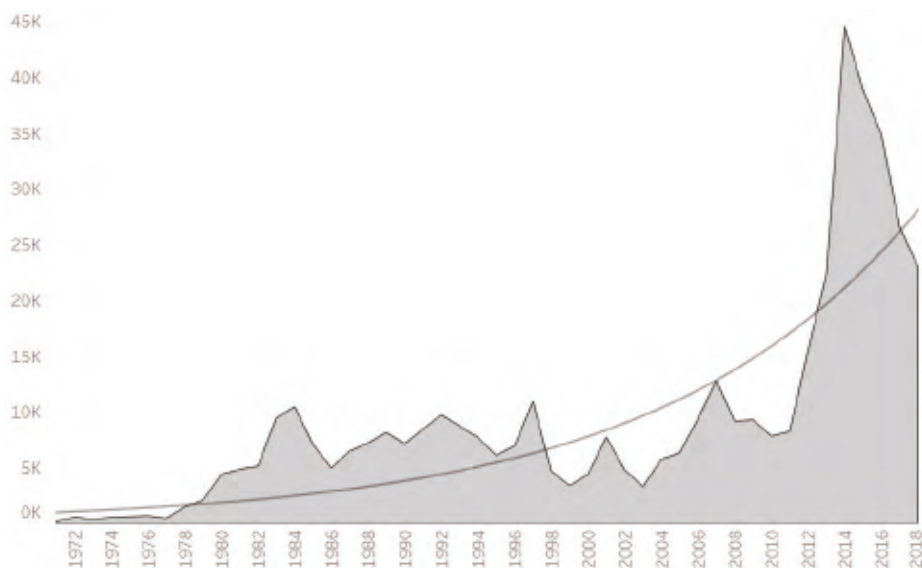

Рис. 1. Количество погибших в результате терактов по всему миру (1972–2018)*

Терроризм по-прежнему представляет собой реальную угрозу обществу, существованию человечества в целом, а значит, требуются самые серьезные меры противодействия этому явлению на различных уровнях [3; 32]. Основной чертой современного терроризма является его трансформация из классического в глобальный (М. Вьеверка связывает зарождение глобального терроризма с двумя террористическими атаками в Бейруте, направленными против американских и французских миротворцев (23.10.1983), когда грузовики, начиненные взрывчаткой, врезались в казармы военных, что стоило жизни 248 американским и 58 французским военным [32]).

Для радикализации и рекрутирования новых членов террористические организации используют стратегии, основанные на современных информационно-коммуникационных технологиях. Форма подачи информации базируется на западных сериалах, рекламе, видеоиграх, музыке, при этом известные темы наделяются новым смыслом [11; 13; 16; 30]. Особую угрозу представляют вовлечение в террористическую деятельность молодежи и рост радикализации осужденных в местах лишения свободы [9; 25; 29].

Проблема противодействия религиозному экстремизму по-прежнему остается актуальной, наблюдается рост числа лиц, осужден-

ных за религиозный экстремизм и терроризм. Стратегии содержания этой категории осужденных таковы: изоляция от других осужденных или распределение среди других категорий [8; 25]. Если опираться на анализ опыта западных стран, то есть основания говорить о том, что радикализация происходит достаточно быстро. Как отмечает О. Н. Новикова, это вопрос нескольких недель [8]. Находясь в местах заключения, террористы взаимодействуют с экстремистскими группировками, планируют будущие террористические акты. Кроме того, враждебность со стороны этой категории осужденных в отношении персонала тюрьмы обостряет оперативную обстановку. Предполагается, что в случае рассредоточения осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность среди других заключенных последние будут оказывать сдерживающее влияние на распространение экстремистской идеологии, но определенный риск обратного влияния сохраняется. Эти факторы обуславливают необходимость разработки и проведения специальных профилактических мероприятий [8]. Создание локальных зон для заключенных террористов представляет другую опасность, связанную с усилением сплоченности этих групп, что представляет угрозу для персонала тюрем [8; 25].

Успешность мероприятий по профилактике и противодействию радикализации

* Расчеты выполнены авторами на основе данных, представленных в Глобальной базе данных по терроризму [18].

в местах заключения определяется тем, насколько точно удастся понять процесс и механизмы радикализации в местах отбывания наказания. Как отмечается в Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг. [6], научное и методическое обеспечение мероприятий по профилактике и противодействию отстает от потребностей практики, поэтому требуется дальнейшее развитие научно-исследовательской деятельности в данной сфере.

В контексте данной задачи предпримем попытку анализа исследований о распространении экстремистской идеологии в местах лишения свободы и использования теории социальной идентичности для понимания механизма радикализации в условиях изоляции.

Современный терроризм. В философской концепции «Дух терроризма» [1], появившейся после терактов 11 сентября 2001 г., ее автор, Ж. Бодрийяр, сформулировал ключевые характеристики современного терроризма.

Как ни парадоксально, религиозный экстремизм, по мысли Ж. Бодрийяра, не является собой идеологического противника существующему государственному строю. За терроризмом едва ли стоит определенная идеология. Цель этого типа экстремизма вовсе не в том, чтобы осуществить преобразование мира, а в том, чтобы его радикализировать, используя жертвоприношения.

Французский философ утверждает, что исламский мир представляет собой единственную культуру, отрицающую западную систему ценностей. Другие религии не противопоставляют себя процессу глобализации, их культуры не противостоят западному миру. Террористический ислам – это главная сила, которая пытается противостоять глобализму и модернизму, понимаемому как отход от религиозных традиций ислама. Особенностью является то, что терроризм проник повсюду и, подобно тени, следует за господствующей системой, готовый неожиданно выйти из своего убежища.

Суть современного терроризма, этого нового вида боевых действий, заключается в том, чтобы, изучив правила игры, нарушать их, и Ж. Бодрийяр подчеркивает, что абсолютным оружием террориста, оружием возмездия является его собственная смерть. Раньше суицидальный терроризм был средством бедных, ныне – богатых. В распоряжении современных террористов находятся новейшие средства и технологии, однако наряду со всем этим они обладают

еще более фатальным оружием, а именно собственной смертью.

Террористические акты направлены на разрушение современной цивилизации, ее главных достижений, образцов технологического прогресса. Захват заложников и смерть невинных людей – то, что в рамках либеральных ценностей представляет собой величайшую цивилизационную трагедию, используются террористами как способ наказания современного общества, ибо оно пренебрегает истинной верой.

Террорист-смертник с поясом шахида превратился в один из символов современного глобального терроризма. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что представителям западного мира добровольная смерть при совершении теракта видится иррациональной, непонятной. Исполнителям террористических актов смерть не страшна, и это делает терроризм трудно преодолимым явлением современного общества.

Наряду с этим, по мысли философа, у этой категории террористов, по аналогии с лицами, склонными к крайним формам радикализма, отмечается стремление выйти за рамки обыденной жизни, наполнить ее неординарными событиями, острыми переживаниями на грани соприкосновения со смертью. По словам А. Ш. Тхостова, это та самая легкость бытия, влекущая к определенному типу действий [3]. По мнению К. Ясперса, представителя экзистенциальной психологии, именно в пограничной ситуации, когда человек находится на грани физической, интеллектуальной, моральной гибели, высвечивается экзистенция, ощущается мир свободы и самости, приходит озарение и обретение собственного Я [14].

Радикализация и проблема идентичности. Вопрос радикализации в местах заключения попал в поле зрения исследователей, ибо, как уже отмечалось выше, это явление превратилось в серьезную проблему после 11 сентября 2001 г. Попытки изучить то, как человек вступает на путь терроризма, предпринимались неоднократно [4; 5; 9; 10; 25; 29; 31]. А. Силке и Т. Велдхуис указывают на то, что радикализация в местах заключения – результат взаимодействия институциональных, социальных и индивидуальных факторов [31]. При этом акцентируется внимание на том, что имеются два конструкта, в отношении которых существует своего рода консенсус: переполненность тюрем и харизматическое лидерство, то есть условия пребывания и специфика воздействия, которые определяют процесс радикализации индивида. С

нашей точки зрения, в фокусе должно быть то, что происходит с индивидом, который оказался в местах заключения, причем в первый раз, ибо в условиях тюремной изоляции осужденные подвергаются различного рода психологической депривации: сенсорной, эмоциональной, двигательной, сексуальной и социальной. Человек изолируется от семьи, привычного социального окружения, это период неопределенности. В отсутствие группы поддержки, опыта пребывания в заключении человеку требуется некоторая точка опоры. В таких условиях, особенно у впервые лишенного свободы человека, возникают чувства одиночества, незащищенности, тревоги, обреченности, безнадежности, могут развиваться тревожно-депрессивные состояния, сопровождаемые переживаниями отчаяния или истерическими, демонстративными, паническими реакциями. По сути, осужденные переживают так называемый пенитенциарный стресс [2; 7] и стремятся так или иначе преодолеть это состояние.

Выше уже говорилось о том, что террористическая деятельность осуществляется группой. Одной из ключевых психологических особенностей индивидов, вовлеченных в экстремистскую и террористическую активность, является их потребность в укреплении социальной идентичности. Это достигается путем присоединения к группе единомышленников, к группе, разделяющей сходные взгляды на мир [3; 5; 9; 12]. Данную потребность можно выразить формулой «кто не с нами, тот против нас». Обращение к различным моделям анализа радикализации (Р. Борем [15], К. Викторевич [12], Ф. Мохаддам [27]) позволяет говорить об идентичности как важном конструкте. Так, в руководстве по оценке риска экстремизма, используемом в Великобритании, среди 22 индикаторов риска можно выделить серию показателей, которые позволяют говорить об идентичности, в частности это потребность в идентичности, смысле и принадлежности, потребность в статусе, крайняя степень идентификации с группой, мышление по принципу «Мы – Они», дегуманизация врага [28]. Позже рассмотрим эти индикаторы как стороны единого целого.

По результатам исследования лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности и находящихся в местах лишения свободы, можно говорить о том, что в большинстве своем преступления ими совершались в составе группы, имеющей иерархическую структуру, ясные роли, по предварительномуговору, направлялись четким планом действий.

Для достижения цели группа использовала огнестрельное и холодное оружие, взрывчатые вещества для нанесения травм и увечий людям, часто незнакомым и всегда ни в чем невиновным [4].

Результаты другого исследования, проведенного на выборке в 223 осужденных из 12 исправительных учреждений (N1 = 105 осужденных по различным статьям УК РФ, исключая статьи за экстремизм и терроризм; N2 = 92 осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность; N3 = 26 осужденных, попавших под влияние религиозных экстремистов и поставленных на профилактический учет), позволили говорить об уровне осведомленности осужденных об исламе, а также оценить масштаб влияния идеологии религиозного радикализма на лиц, не связанных до осуждения с экстремизмом и терроризмом [9]. Более половины (57 %) осужденных (N = 223 респондентов) отметили, что относят себя к вероисповеданию, связанному с исламом, 24 % – с христианством. В выборке не оказалось приверженцев иудаизма, кришнаизма или буддизма; 12 % респондентов указали на принадлежность к другим религиозным направлениям, не уточнив при этом конкретное вероисповедание; 7 % осужденных считают себя атеистами [9].

До осуждения верующими себя считали 77 % респондентов, 23 % не причисляли себя к каким-либо религиозным направлениям. Привлекательность ислама для 127 приверженцев заключалась в законах шариата, справедливости учения, братстве, верности Богу. Среди мусульман многие являются, по определению Р. Мертон, «ритуалистами»: для них ценность представляет лишь ритуальная сторона ислама, форма, но не его смысловые категории. Это подтверждается результатами исследования: на вопрос об осведомленности о священных писаниях около 30 % ответили, что не знают этих текстов; 20 % не читают Коран и в местах лишения свободы им не требуется религиозная литература [9].

Соотношение верующих и неверующих до осуждения было таким: группа 1 – 61 и 39 % соответственно, группа 2 – 88 и 12 %, группа 3 – 94 и 6 %. Преимущественное соотношение верующих и неверующих в группе 3 у осужденных, состоящих на профилактическом учете, по сравнению с осужденными за религиозный экстремизм, говорит в пользу того, что происходит достаточно быстрое заражение определенной части осужденных идеологией религиозного экстремизма, хотя изначально они были осуждены за пре-

ступление иного толка, чем экстремистская и террористическая деятельность [9]. Этот факт соответствует тому, что О. Н. Новикова говорит о зарубежной ситуации [8].

Сходство групп 2 и 3 и явная разница с группой 1 наблюдаются и в ответах на другие значимые для приверженцев ислама вопросы, в частности количестве молитв в день, названиях священных писаний, именах пророков ислама и течениях в исламе и пр. [9].

В противоположность осужденным за общеуголовные преступления (группа 1) индивиды, осужденные по статьям за террористическую и экстремистскую деятельность (группа 2), в местах лишения свободы являются собой достаточно монолитную группу. Они объединены религиозной принадлежностью и идентичностью, традициями, общностью целей. Эти лица осуждены на длительные сроки заключения, в ситуации отсутствия ближайшей перспективы освобождения они, как правило, видят смысл своего существования в распространении идеологических убеждений среди других осужденных, совершивших общеуголовные преступления, особенно среди тех, кто попал в места заключения в первый раз [9].

Авторы исследования анализируют поведение осужденных, так называемую дисциплинарную практику, во всех трех группах и приходят к выводу, что группа 1 является по сравнению с двумя другими наиболее благополучной: только 6 % осужденных признаны нарушителями режимных требований исправительных учреждений. Характеристика дисциплинарной практики в группах 2 и 3 крайне неблагоприятна: здесь регистрируется немного мелких нарушений, зато имеется значительное количество осужденных, признанных злостными нарушителями (до 19 и 29 % соответственно) [9].

Рассмотренные выше результаты дают основания заключить, что религиозный экстремизм является серьезным фактором, негативно влияющим на оперативную обстановку в исправительных учреждениях.

Следует признать, что рассматриваемая категория осужденных образует чрезвычайно сложный контингент для каких-либо коррекционных воздействий со стороны психологов и воспитателей исправительных учреждений в силу психологической сопротивляемости, связанной с религиозным воспитанием и концепцией религиозного экстремизма, усвоенной в процессе террористической деятельности. Отсюда основное направление деятельности психологов совместно с другими службами пенитенциарного учреждения – профилактика деструктивного поведения

таких осужденных, противодействие распространению религиозного экстремизма в местах лишения свободы. Теоретический анализ проблемы радикализации в местах лишения свободы сквозь призму идей социальной идентичности позволит отследить механизмы радикализации.

Радикализация в местах заключения: потенциал подхода социальной идентичности. Вслед за М. Хоггом и А. Хэсламом будем говорить в более широком смысле о подходе социальной идентичности [19; 21], базирующемся на теории социальной идентичности Г. Тэшфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера. Ключевая идея заключается в том, что индивидуальные действия определяются социальными силами [21]. Остановимся на основных положениях подхода, чтобы объяснить механизм, по которому происходит радикализация в местах лишения свободы.

Социальная идентичность определяется Г. Тэшфелом как «знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [19, с. 15]. Это знание является крайне важным, чувство self люди извлекают именно из принадлежности к социальным группам. Группа здесь опеределается как категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом (ингруппа), отличающихся от людей с другой идентичностью (аутгруппа), стремящихся к поддержанию позитивной социальной идентичности. Итак, получая от группы социальную идентичность, человек обретает определенность в отношении того, кем он является, каково его место в социальном мире, что ему думать, чувствовать, как поступать, а также как его воспринимают и как с ним взаимодействуют другие [20].

Наряду с социальной идентичностью человек обладает персональной идентичностью (конструкт, отличающий человека от других членов группы, характеризующий его в терминах личностных атрибутов). Человек обладает целым рядом социальных и персональных идентичностей. Это определяется тем, скольким группам он принадлежит. Важность той или иной социальной идентичности варьируется, в определенный момент только одна идентичность является актуализированной, сквозь ее призму человек интерпретирует себя, воспринимает других и выстраивает свое социальное поведение.

В рамках подхода социальной идентичности люди представляют группу или соци-

альную категорию как некоторый прототип, то есть расплывчатый набор атрибутов, среди которых восприятия, аттитюды, чувства. Прототип предписывает поведение, позволяющее говорить о том, что характеризует данную группу и отличает ее от других. По принципу метаконтраста прототип акцентирует сходство внутри группы и разницу между группами [21].

Мотивационные процессы, связанные с социальной идентичностью, таковы: самосовершенствование, оптимальное отличие и снижение неопределенности [23]. Последний мотив лег в основу теории неопределенности-идентичности М. Хогга, которая дает объяснение тому, почему люди присоединяются к группировкам с экстремистскими и радикальными взглядами [23]. В повседневной жизни человека часто окружает неопределенность, она связана с самыми различными явлениями, не только безработица, война, кризис, эпидемия порождают ее. Современный глобализированный мир становится непредсказуемым, непонятным, пугающим. Процесс общения трансформировался, большая часть повседневной жизни связана с использованием коммуникативных технологий. «Социальные медиа (и сопутствующие им технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди взаимодействуют и взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса» [26, с. 277]. Современный мир характеризуется дефрагментацией, традиционные основания для категоризации не срабатывают, что порождает неопределенность [19].

Неопределенность, связанная с self, особенно тревожна, она порождает у индивида многочисленные вопросы: кто я такой? где мое место в мире? как нужно думать и чувствовать в той или иной ситуации? и пр. Ощущение неопределенности неприятно, человек стремится его избежать. Для этого он устремляется к другим, которые помогут ему понять, что думать, как чувствовать и действовать. Социальная категоризация снижает неопределенность, ибо делает поведение предсказуемым. И чем больше человек испытывает такую неопределенность, тем больше он стремится к группам со следующими особенностями:

1) высокий уровень энтитативности (это понятие, введенное Д. Кэмпбеллом, подразумевает степень, в которой группа имеет природу сущности по четырем измерениям: общая судьба, сходство, заметность среди членов, границы группы; чем выше выраженность этих качеств, тем привлекательнее группа);

2) специфический прототип – ясный, простой, предписывающий, согласованный (исключается инакомыслие, так как порождает сомнения и неопределенность);

3) сильно выраженное отличие группы от других групп [21].

Способ снижения неопределенности – это принадлежность к группе. Она является основой для самоопределения: индивиды обретают искомую социальную идентичность, получая готовые нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. В экстремальных ситуациях привлекательнее становятся группы, в которых отдается предпочтение снижению неопределенности, затрагивающей self, вместе с ортодоксальными, экстремистскими взглядами, для которых характерны жесткая идеологическая система убеждений, авторитарное лидерство [21].

Присоединяясь к группе с экстремистскими взглядами, индивид получает всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность и чувство Я. Группы с экстремистскими взглядами обеспечивают своим членам четкий стандарт, что является верным, а что нет, давая однозначную основу для оценки членов аутгруппы, дегуманизируя их, что в результате оправдывает любые действия в отношении последних [20]. Если вернуться к системе 22 индикаторов, позволяющих оценивать риск экстремизма [28], можно заметить, что логика теории социальной идентичности, а также теории неопределенности идентичности позволяет объединить в единое целое набор индикаторов, касающихся групповых и межгрупповых отношений.

Ригидные идеологические системы, как отмечает М. А. Хогг, позволяют разрешить парадокс постмодернизма: получая свободу, человек страдает от неопределенности (что делать? кем быть?) и, как следствие, стремится к определенности, абсолюту, что и делает привлекательными идеологические системы убеждений [20].

Посмотрим через призму этих идей на ситуацию, в которую попадают в местах лишения свободы осужденные: не имеющие криминального прошлого, оказавшиеся в заключении первый раз, переживая депривацию, они испытывают пенитенциарный стресс [2; 7], озадачены неопределенностью относительно себя, жизненной перспективы, своего положения в мире. Тогда становится очевидным, по какому механизму эти люди примыкают к группировкам с экстремистскими взглядами, разделяют радикальные идеи: переживание неопределенности оборачивается идентификацией

с группами, стоящими на крайних позициях, – такова цена обретения определенности. При этом, как указывает М. А. Хогг, продолжительная ситуация неопределенности только усиливает поиск и стремление присоединиться к группе с простыми, предписывающими прототипами. Более того, как отмечалось выше, группы осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность воспринимаются как гомогенная группа, имеющая определенную структуру, разделяющая общую судьбу, цели, зачастую с высокопрототипическим лидером, всем тем, что привносит определенность. Таким образом, два параметра, часто встречающиеся как объяснительные конструкты радикализации в местах заключения, могут быть поняты через призму идей теории неопределенности-идентичности.

Чем выше идентификация с такими группами у индивида, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, ибо социальная идентичность, особенно если она единственная, эксклюзивная, ригидная, способствует мобилизации.

Профилактика радикализации. Для предотвращения распространения экстремизма в местах лишения свободы необходимы система профилактики и меры по дерадикализации осужденных. Востребована разработка программ реабилитации, базирующихся на анализе психологических качеств личности и мотивационной сферы террористов. Можно предположить, что психологи-

ческое воздействие окажется в наибольшей степени эффективным для тех индивидов, чье мировоззрение не сформировано в полной мере, а также тех, кто отошел от идеологии терроризма во время членства в террористических организациях. Категория осужденных, которая нуждается в профилактической работе, – это те, кто подвержен принятию экстремистской идеологии или находится под влиянием религиозных экстремистов, однако не принял решение о присоединении к террористической организации [8].

Наконец, с профилактической точки зрения представляется возможным разрабатывать систему оценки риска радикализации, исходя из идей подхода социальной идентичности [19; 21; 22]. В фокусе внимания должны быть, с одной стороны, степень неопределенности, испытываемой осужденным, попавшим в первый раз в места заключения, с другой – особенности социальных идентичностей индивида. Сильная выраженность неопределенности в сочетании с небольшим количеством групп, членом которых человек себя считает (небольшое количество социальных идентичностей), а также невысокой степенью идентификации с этими группами позволяют говорить о риске радикализации, однако этот процесс не запускается автоматически. Анализируя перечисленные параметры, возможно оценить уязвимость осужденных к радикализации, а также разработать специальные меры для снижения привлекательности групп с экстремистскими убеждениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бодрийяр, Ж.** Дух терроризма. Войны в Заливе не было / Ж. Бодрийяр. – Москва : Рипол-Классик, 2017. – 226 с. – ISBN 978-5-386-09139-2.
2. **Ермасов, Е. В.** Психологический стресс в условиях изоляции / Е. В. Ермасов // Развитие личности. – 2009. – № 2. – С. 84–99.
3. **Зинченко, Ю. П.** Мотивация террориста / Ю. П. Зинченко, К. Г. Сурнов, А. Ш. Тхостов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2007. – № 2. – С. 20–34.
4. **Казберов, П. Н.** Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности / П. Н. Казберов, Б. Г. Бовин // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 36–53. – DOI: 10.17759/psylaw.2019090103.
5. **Казберов, П. Н.** Психологический профиль террориста / П. Н. Казберов, Б. Г. Бовин, А. А. Фасоля // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 141–157. – DOI: 10.17759/psylaw.2019090311.
6. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы. – URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (дата обращения: 16.05.2020).
7. **Мельникова, Д. В.** Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых / Д. В. Мельникова, М. Г. Дебольский // Психология и право. – 2015. – Т. 5, № 2. – С. 105–116. – DOI: 10.17759/psylaw.2015100208.
8. **Новикова, О. Н.** Иностранцы боевики-террористы: они возвращаются / О. Н. Новикова // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2018. – № 49. – С. 2–4.
9. **Оганесян, С. С.** Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы / С. С. Оганесян, Б. Г. Бовин, П. Н. Казберов, Д. Е. Дикопольцев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 3. – С. 51–59. – URL: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (дата обращения: 01.06.2020).
10. **Сундиев, И. Ю.** Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов, А. И. Кундетов, В. П. Федоров. – Вологда : Полиграф-книга, 2014. – 240 с. – ISBN 978-5-91967-164-0.
11. **Тихонова, А. Д.** Социальные медиа и молодежь: риск радикализации / А. Д. Тихонова // Психология и право. – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 55–64. – DOI: 10.17759/psylaw.2018080406.
12. **Тихонова, А. Д.** Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы / А. Д. Тихонова, Н. В. Дворянчиков, А. Эрнст-Винтила, И. Б. Бовина // Культурно-историческая психология. – 2017. – Т. 13, № 3. – С. 32–40. – DOI: 10.17759/chp.2017130305.

13. Чайников, Ю. В. Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // *Carnet du CAPS*. – Paris, 2018. – N 26 – P. 89–100 / Ю. В. Чайников // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика : реферативный журнал. – 2019. – № 4. – С. 96–99.
14. Ясперс, К. Разум и экзистенция / К. Ясперс. – Москва : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2013. – 336 с. – ISBN 978-5-88373-347-4.
15. Borum, R. Radicalization into Violent Extremism I: A review of definitions and applications of social science theories / Randy Borum // *Journal of Strategic Security*. – 2012. – No. 4. – Pp. 7–36. – DOI: <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1>.
16. Conesa, P. La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux / Pierre Conesa, François Bernard Huyghe, Margaux Chouraqui. – Paris : FMSH : FAVT, 2016. – 265 p. – URL: http://www.fmsch.fr/sites/default/files/gapport_propagande_bdef.pdf (дата обращения: 16.05.2020).
17. Gelfand, M. J. Culture and Extremism / M. J. Gelfand, G. LaFree, S. Fahey, E. Feinberg // *Journal of Social Issues*. – 2013. – Vol. 69, № 3. – P. 495–517. – DOI: <https://doi.org/10.1111/josi.12026>.
18. Global Terrorism database. 2020. – URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (дата обращения: 16.05.2020).
19. Haslam, C. The new psychology of health / Catherine Haslam, Jolanda Jetten, Tegan Cruwys, Genevieve Dingle, S. Alexander Haslam. – London : Routledge, 2018. – 510 p. – ISBN 9781315648569. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315648569>.
20. Hogg, M. A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism / M. A. Hogg // *Extremism and psychology of uncertainty* / ed. by M. A. Hogg, D. L. Blaylock. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. – Pp. 19–35. – ISBN 9781444331288.
21. Hogg, M. A. Social identity theory / M. A. Hogg // *Contemporary social psychological theories* / ed. by P. J. Burke. – Palo-Alto : Stanford University Press, 2006. – Pp. 111–136. – ISBN 978-0804753470.
22. Hogg, M. A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty / M. A. Hogg // *Revista de Psicologia Social*. – 2015. – Vol. 30. – P. 586–613. – DOI: [10.1080/02134748.2015.1065090](https://doi.org/10.1080/02134748.2015.1065090).
23. Hogg, M. A. Uncertainty and the Roots of Extremism / M. A. Hogg, A. Kruglanski, K. Van den Bos // *Journal of Social Issues*. – 2013. – Vol. 69, № 3. – Pp. 407–418. – DOI: <https://doi.org/10.1111/josi.12026>.
24. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism (Sydney, November 2019). – URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (дата обращения: 16.05.2020).
25. Jones, C. R. Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization / C. R. Jones // *Punishment and society*. – 2014. – № 16 (1). – Pp. 74–103. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1462474513506482>.
26. Kende, A. Putting the social (psychology) into social media / A. Kende, A. Ujhelyi, A. Joinson, T. Greitemeyer // *European Journal of Social Psychology*. – 2015. – Vol. 45. – Pp. 277–278. – DOI: [10.1002/ejsp.2097](https://doi.org/10.1002/ejsp.2097).
27. King, M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence / M. King, D. M. Taylor // *Terrorism and Political Violence*. – 2011. – № 4. – Pp. 602–622. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>.
28. Knudsen, R. A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales / R. A. Knudsen // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. – 2020. – Vol. 12. – Pp. 37–54. – DOI: [10.1080/19434472.2018.1509105](https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1509105).
29. Millana, L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections / L. Millana // *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy* / ed. by J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintana. – Verlag : Springer International Publishing, 2018. – P. 138–153. – ISBN 978-3-319-77231-8.
30. Moliner, P. Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste / Pascal Moliner, Inna Bovina, Anastasya Tikhonova // 12ème édition du Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-la-Neuve, 4–6.07.2018. – URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02891359> (дата обращения: 16.05.2020).
31. Silke, A. Countering violent extremism in prisons: A review of key recent research and critical research gaps / A. Silke, T. Veldhuis // *Perspectives on Terrorism*. – 2017. – Vol. 11 (5). – URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/640/html> (дата обращения: 16.05.2020).
32. Wiewiorka, M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism / M. Wiewiorka // *Societies under threat* / ed. by D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska. – Cham : Springer, 2020. – P. 75–85. – ISBN 978-3-030-39315-1. – DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39315-1>.

REFERENCES

1. Bodriyar ZH. *Duh terrorizma. Vojny v Zalive ne bylo* [The spirit of terrorism. There was no Gulf War]. Moscow, 2017. 226 p. (In Russ.).
2. Ermasov E. V. Psihologicheskij stress v usloviyah izolyacii [Psychological stress in isolation]. *Razvitie lichnosti – Development of person*, 2009, no. 2, pp. 84–99. (In Russ.).
3. Zinchenko YU. P., Surnov K. G., Thostov A. SH. Motivaciya terrorista [Motivation of a terrorist]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya – Bulletin of the Moscow University. Serie 14. Psychology*, 2007, no. 2, pp. 20–34. (In Russ.).
4. Kazberov P. N., Bovin B. G. Obshchaya harakteristika lic, osuzhdennyh za prestupleniya ekstremistskoj i terroristicheskoj napravlenosti [General characteristics of persons convicted of crimes of extremist and terrorist orientation]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 36–53. doi: [10.17759/psylaw.2019090103](https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090103). (In Russ.).
5. Kazberov P. N., Bovin B. G., Fasolya A. A. Psihologicheskij profil' terrorista [Psychological profile of a terrorist]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141–157. doi: [10.17759/psylaw.2019090311](https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090311). (In Russ.).
6. *Kompleksnyj plan protivodejstviya ideologii terrorizma v Rossijskoj Federacii na 2019–2023 gody* [Comprehensive plan for countering the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019–2023]. Available at: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (accessed 16.05.2020). (In Russ.).
7. Mel'nikova D. V., Debol'skij M. G. Penitencijarnyj stress i osobennosti ego proyavleniya u osuzhdennyh, podozrevaemyh, obvinyaemyh [Penal stress and peculiarities of its manifestation among convicts, suspects, accused]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2015, vol. 5, no. 2, pp. 105–116. doi: [10.17759/psylaw.2015100208](https://doi.org/10.17759/psylaw.2015100208). (In Russ.).
8. Novikova O. N. Inostrannye boeviki-terroristy: oni vozvraschayutsya [Foreign terrorist fighters: they return]. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy – European security: events, assessments, forecasts*, 2018, no. 49, pp. 2–4. (In Russ.).
9. Oganessian S. S., Bovin B. G., Kazberov P. N., Dikopol'cev D. E. Problema rasprostraneniya religioznogo ekstremizma v mestah lisheniya svobody [The problem of the spread of religious extremism in places of detention]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the Penal System*, 2019, no. 3, pp. 51–59. Available at: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (accessed 01.06.2020). (In Russ.).
10. Sundiev I. YU., Smirnov A. A., Kundetov A. I., Fedorov V. P. *Teoriya i praktika informacionnogo protivodejstviya ekstremistskoj i terroristicheskoj deyatel'nosti* [Theory and Practice of Information Counteraction to Extremist and Terrorist Activities]. Vologda, 2014. 240 p. (In Russ.).

11. Tihonova A. D. Social'nye media i molodezh': risk radikalizatsii [Social media and youth: the risk of radicalization]. *Psikhologiya i pravo – Psychology and Law*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 55–64. doi: 10.17759/psylaw.2018080406. (In Russ.).
12. Tihonova A. D., Dvoryanchikov N. V., Ernst-Vintila A., Bovina I. B. Radikalizatsiya v podrostkovo-molodezhnoy srede: v poiskah ob'yasnitel'noy skhemy [Radicalization in adolescents and youth: in search of an explanatory scheme]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya – Cultural-historical psychology*, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 32–40. doi: 10.17759/chp.2017130305. (In Russ.).
13. CHajnikov YU. V. Hosrohavar F. Kiber-Halifat IGIL. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. – Paris, 2018. – N 26 – R. 89–100 [Khosrokhavar F. ISIS Cyber Caliphate. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. – Paris, 2018. – N 26 – P. 89–100]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i Afrikanistika – Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Serie 9: Oriental and African Studies*, 2019, no. 4, pp. 96–99. (In Russ.).
14. Yaspers K. *Razum i ekzistenciya* [Mind and Existence]. Moscow, 2013. 336 p.
15. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A review of definitions and applications of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 2012, no. 4, pp. 7–36. doi: <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1>. (In English).
16. Conesa P., Huyghe F. B., Chouraqui M. *La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux*. Paris, 2016. 265 p. Available at: http://www.fmsh.fr/sites/default/files/rapport_propagande_bdef.pdf (accessed 16.05.2020). (In French).
17. Gelfand M. J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no 3, pp. 495–517. doi: <https://doi.org/10.1111/josi.12026>. (In English).
18. *Global Terrorism database*. 2020. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (accessed 16.05.2020). (In English).
19. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S. A. *The new psychology of health*. London, 2018. 510 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315648569>. (In English).
20. Hogg M. A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford, 2012, pp. 19–35. (In English).
21. Hogg M. A. Social identity theory. *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto, 2006, pp. 111–136. (In English).
22. Hogg M. A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicologia Social*, 2015, vol. 30, pp. 586–613. doi: 10.1080/02134748.2015.1065090. (In English).
23. Hogg M. A., Kruglanski A., Van den Bos K. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 407–418. doi: <https://doi.org/10.1111/josi.1202>. (In English).
24. *Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism (Sydney, November 2019)*. Available at: <http://visionofhumanity.org/reports> (accessed 16.05.2020). (In English).
25. Jones C. R. Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization. *Punishment and society*, 2014, no. 16 (1), pp. 74–103. doi: <https://doi.org/10.1177/1462474513506482>. (In English).
26. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media. *European Journal of Social Psychology*, 2015, vol. 45 pp. 277–278. doi: 10.1002/ejsp.2097. (In English).
27. King M., Taylor D. M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, no. 4, pp. 602–622. doi: <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>. (In English).
28. Knudsen R. A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2020, vol. 12, pp. 37–54. doi: 10.1080/19434472.2018.1509105. (In English).
29. Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy*. Verlag, 2018, pp. 138–153. (In English).
30. Moliner P., Bovina I., Tikhonova A. Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste. *12ème Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-La-Neuve, 4–6 juillet 2018*. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02891359> (accessed 16.05.2020). (In French).
31. Silke A., Veldhuis T. Countering violent extremism in prisons: A review of key recent research and critical research gaps. *Perspectives on Terrorism*, 2017, vol. 11 (5). Available at: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/640/html> (accessed 16.05.2020). (In English).
32. Wiewiorka M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism. *Societies under threat*. Cham, 2020, pp. 75–85. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39315-1>. (In English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ БОВИН – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат психологических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КАЗБЕРОВ – старший инспектор по особым поручениям отдела организации психологической работы управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат психологических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

ИННА БОРИСОВНА БОВИНА – профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

BORIS G. BOVIN – Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD. in Psychology, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

PAVEL N. KAZBEROV – Senior Inspector for special assignments of the Department of Organizing Psychological Work of the Office of Educational, Social and Psychological Work of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD. in Psychology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

INNA B. BOVINA – Professor of the Department of Clinical and Forensic Psychology of the Legal Psychology Faculty of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in of Psychology, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-425-431

УДК 378:343.83

Принцип культуросообразности в профессиональной подготовке специалистов в ведомственных образовательных организациях

Е. И. МЕЩЕРЯКОВА

Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

Реферат. Проблемы современного ведомственного образования, связанные с формированием профессиональной культуры будущих специалистов, требуют выявления и вдумчивого исследования лежащих в их основе противоречий, обоснования возможностей их разрешения. Особенность проведенного нами исследования в том, что оно осуществлено в контексте трех методологических подходов – культурологического, аксиологического и герменевтического. Новизна исследования и полученных результатов связана с его направленностью на формирование не столько личностно-профессиональных качеств курсантов, определяемых развитием их общей культуры, сколько качеств, особенно важных для развития профессиональной культуры будущих специалистов с учетом специфики предстоящей правоохранительной деятельности выпускников образовательных организаций ФСИН и МВД России.

По результатам исследования, а также их реализации в образовательной деятельности сформулированы актуальные предложения, позволяющие направить формирование профессиональной культуры будущих специалистов в русло понимания ими гуманистического содержания предстоящей правоохранительной деятельности, а также на развитие таких личностно значимых качеств сотрудников правоохранительных органов, которые обеспечивают их морально-нравственную устойчивость под влиянием факторов, вызывающих профессионально-нравственную деградацию, среди которых может быть и взаимодействие с носителями пенитенциарной субкультуры.

Профессиональная подготовка специалистов в ведомственных образовательных организациях, осуществляемая в соответствии с принципом культуросообразности, будет успешной, если: созданы педагогические условия, направляющие образовательную деятельность на достижение понимания обучающимися особенностей субкультуры отдельных социальных групп и их представителей – носителей субкультуры; создано и используется методическое сопровождение аудиторных занятий, а на занятиях для достижения своеобразного «погружения» обучающихся в ситуации правоохранительной деятельности, включающие проявления субкультуры, используются преимущества традиционных и инновационных методов и средств обучения; внеаудиторная воспитательная работа включает мероприятия, отражающие особенности субкультуры объектов предстоящей будущим специалистам правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: принцип культуросообразности; пенитенциарная субкультура; формирование профессиональной культуры; педагогический потенциал; методическое сопровождение; профессиональная подготовка.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Мещерякова Е. И. Принцип культуросообразности в профессиональной подготовке специалистов в ведомственных образовательных организациях. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):425–431. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-425-431.

Cultural conformity principle in specialists' professional training in departmental educational organizations

E. I. MESHCHERYAKOVA

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

Abstract. The problems of modern departmental education associated with the formation of the professional culture of future specialists require the identification and thoughtful study of the underlying contradictions, substantiation of the possibilities for their resolution. The peculiarity of our research is that it was carried out on the basis and in the context of three methodological approaches - culturological, axiological and hermeneutic. The novelty of the research and the results obtained is related to its focus not so much on the formation of personal and professional qualities of cadets, determined by the development of their general culture, but on the formation of qualities that are especially important for the development of the professional culture of future specialists, taking into account the specifics of the upcoming law enforcement activities of graduates of educational institutions of the Federal Penal Service and the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Based on the results of the study as well as their implementation in educational activities, relevant proposals have been formulated that make it possible to direct the formation of the professional culture of future specialists in the direction of their understanding of the humanistic content of the upcoming law enforcement activity, as well as to the development of such personally significant qualities of law enforcement officers that provide them moral stability under the influence of factors that cause professional and moral degradation, among which there may be interaction with carriers of the penitentiary subculture.

Professional training of specialists in departmental educational organizations, carried out in accordance with the principle of cultural conformity, will be successful if: pedagogical conditions are created that direct educational activities to achieve understanding by students of the peculiarities of the subculture of individual social groups and their representatives – carriers of the subculture; methodological support of classroom lessons has been created and used, and in the classroom, to achieve a kind of «immersion» of students in a situation of law enforcement, including manifestations of subculture, the advantages of traditional and innovative methods and means of teaching are used; extracurricular educational work includes activities that reflect the peculiarities of the subculture of objects for future law enforcement specialists.

Key words: the principle of cultural conformity; penal subculture; formation of professional culture; pedagogical potential; methodological support; professional training.

13.00.01 - General pedagogy, History of pedagogy and education.

For citation: Meshcheryakova E. I. Cultural conformity principle in specialists' professional training in departmental educational organizations. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):425–431. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-425-431.

Формирование профессиональной культуры курсантов в ведомственных образовательных организациях – многоплановый и противоречивый процесс, исследование которого требует выявления и осмысливания лежащих в его основе противоречий, постановки проблем и их вдумчивого изучения. При этом каждая проблема предстает как многоаспектное образование, применительно к исследованию которого могут использоваться, взаимодействуя и переплетаясь, самые разные подходы и точки зрения. Нами рассматривается проблема формирования профессиональной культуры будущих

специалистов правоохранительных органов с позиции триединства культурологического, аксиологического и герменевтического методологических подходов. При этом лишь один из аспектов проблемы – формирование способности понимать и грамотно использовать в предстоящей профессиональной деятельности пенитенциарную субкультуру. Безусловно, особую роль в таком исследовании играет опора на принцип культуросообразности в обучении, воспитании, личностном развитии курсантов.

Определим актуальность исследования. Как одну из проблем следует выде-

лить прежде всего противоречие между потребностью правоохранительных органов в специалистах, способных осуществлять эффективную профессиональную деятельность с учетом социально-культурных особенностей лиц, нарушающих правовые нормы, и несформированностью у выпускников ведомственных образовательных организаций компетенций, позволяющих действовать в условиях пенитенциарной субкультуры. Еще одна проблема связана с недостаточной разработанностью методического сопровождения образовательной деятельности, учитывающей необходимость понимания пенитенциарной субкультуры, неготовность преподавателей к его разработке и использованию.

В связи с этим исследуемую проблему можно сформулировать следующим образом: как обеспечить эффективное формирование профессиональной культуры будущих специалистов правоохранительных органов с учетом специфики культуросообразного представления о пенитенциарной субкультуре лиц (группы лиц), нарушающих действующее законодательство?

Использование принципа культуросообразности в качестве доминирующего может привести к обоснованию различных выводов в зависимости от предмета исследования и используемых методологических подходов. Предметом нашего исследования определено формирование профессиональной культуры курсантов ведомственных образовательных организаций в аспекте понимания особенностей пенитенциарной субкультуры. Исследование проводилось с позиций культурологического, аксиологического и герменевтического методологических подходов. Культурологический подход (Е. И. Артамонова, Е. В. Бондаревская, Г. И. Гайсина, А. Н. Гагагузов, И. Ф. Исаев, Н. В. Петрова, М. И. Ситникова, В. А. Сластенин и др.) потребовал изучения образовательного процесса в ракурсе развития и целостного преобразования личности его субъектов – обучающихся, выявления механизмов «включения личности в культуру и становления ее субъектом» [1, с. 9] культуры, при этом содержание образовательного процесса рассматривалось как обобщенная культура, предназначенная для овладения ее ценностями, а также саморазвития и самореализации личности «как субъекта культуры на основе культурной преэминентности» [2, с. 10].

Аксиологический подход (А. И. Арнольд, Н. А. Асташова, Л. В. Вершинина, П. С. Гуревич, А. Г. Здравомыслов, М. Г. Казакина, С. А. Смирнов, З. И. Равкин, В. П. Тугаринов,

Н. З. Чавчавадзе, Г. И. Чижакова и др.) направил исследование в русло установления взаимосвязи между ценностями, социально-культурными факторами и личностью. При этом, по справедливому утверждению Е. В. и Н. О. Яковлевых, этот подход «применительно к любым направлениям и формам педагогической действительности может использоваться только в культурологическом контексте» [10, с. 87], чем определяется взаимосвязь культурологического и аксиологического подходов в исследовании проблемы формирования профессиональной культуры курсантов в ведомственных образовательных организациях.

Герменевтический подход (Е. Н. Атарщикова, М. М. Бахтин, Н. В. Блажевич, П. П. Гайденко, А. Ф. Закирова, Э. В. Ильенков, Н. В. Малиновская, А. И. Овчинников, А. Е. Писаревский, Н. В. Сердюк, И. И. Сулима, В. А. Суслов, И. Л. Честнови и др.) дополнил исследование изучением направленности образовательной деятельности на обеспечение понимания будущими специалистами значимости пенитенциарной субкультуры в поведении тех субъектов, с которыми им предстоит взаимодействовать в профессиональной деятельности, а также понимания смысла и содержания осуществляемых этими субъектами действий (бездействия), их зависимости от сложившихся традиций, обычаев, требований субкультуры. Направленность на достижение понимания «имеет для педагогики уникальное значение, так как затрагивает интересы всех участников образовательного процесса и проявляет себя на разных его уровнях: от социального заказа образовательной сфере до конкретного методического приема, применяемого преподавателем» [5, с. 229].

Профессиональная культура понимается нами как «интегративное динамически развивающееся личностное образование, объединяющее совокупность правовых и гуманитарных знаний, практических умений осуществления правоохранительной деятельности на основе сформированной системы ценностных ориентаций, определяемых ее правозащитными функциями, где системообразующим элементом является, безусловно, правовая культура» [4, с. 40]. Важными чертами профессиональной культуры являются интегративность и динамизм, а также доминанта правовой культуры в процессе интериоризации, которая, по мнению Т. В. Пушкаревой, «состоит не в простом перемещении внешней деятельности во внутренний план сознания, а в формировании самого этого сознания» [8] обучающихся.

Безусловно, пенитенциарную субкультуру ни в коем случае нельзя рассматривать как элемент профессиональной культуры сотрудника правоохранительных органов, а ее формирование – как составляющую становления и развития профессиональной культуры курсантов в период их обучения в ведомственной образовательной организации. Ведь пенитенциарная субкультура, по мнению ее исследователей, это составная часть «криминальной субкультуры, т.е. обработанной преступным миром под себя системы человеческих ценностей: духовных, интеллектуальных, материальных, эстетических, противопоставленных общественным ценностям» [9, с. 59], «совокупность духовных и моральных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих неофициальную (неформальную) жизнь осужденных в местах лишения свободы» [7, с. 12].

Важно учитывать, что атрибуты пенитенциарной субкультуры (жаргон и татуировки, неписанные обычаи и традиции, неформальные нормы поведения, особенности проведения времени и др.) в современной России стали довольно распространенным явлением в самых разных социальных группах, что «тюремная субкультура, благодаря наличию в ней определенной доли романтических моментов, таинственности, необычности, привлекательности, сравнительно легко усваивается, особенно молодежью» [11, с. 7]. Еще важнее понимать то пагубное, разрушающее личность влияние, которое оказывает пенитенциарная субкультура как на тех, кто пребывает в местах лишения свободы, так и на тех, кто потенциально может оказаться среди них. А для этого уже в процессе формирования профессиональной культуры будущих специалистов правоохранительных органов в период обучения в ведомственных образовательных организациях необходимо создать условия как для получения курсантами необходимых знаний в области пенитенциарной субкультуры, так и для приобретения ими умений и навыков использовать эти знания в профессиональной правоохранительной деятельности. Полезно сформировать и определенный иммунитет (невосприимчивость, сопротивляемость) сотрудников правоохранительных органов к влиянию пенитенциарной субкультуры.

Какова же роль принципа культуросообразности в формировании профессиональной культуры сотрудников правоохранительных органов посредством изучения пенитенциарной субкультуры? Следует напомнить, что, согласно принципу культуросообразности (А. Дистервег), «та ступень

культуры, на которой мы находимся в данное время, предъявляет к нам требование, чтобы мы действовали сообразно с ней, если только хотим добиться положительных результатов. Иными словами, мы должны поступать культуросообразно» [3, с. 229]. Это означает, что сотрудники правоохранительных органов должны знать пенитенциарную субкультуру, чтобы эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность.

Формирование профессиональной культуры курсантов как будущих сотрудников правоохранительных органов осуществляется в культурно-образовательном пространстве ведомственных образовательных организаций, где формируются такие важнейшие ее (профессиональной культуры) составляющие, как правовая культура и культура правоохранительной деятельности. Неотъемлемыми личностно-профессиональными качествами являются развитый интеллект, дисциплинированность и ответственность, устойчивая правоохранительная направленность мировоззрения, широкий кругозор и способность к творчеству, гармония физического и умственного развития, гуманизм интересов и потребностей, развитое чувство долга и др. Именно эти качества, позволяют эффективно осуществлять профессиональную деятельность, связанную с взаимодействием с лицами, пребывающими в местах лишения свободы, а также с теми, кто потенциально может оказаться среди них.

Для курсантов, подготовка которых в ведомственных образовательных организациях осуществляется по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность, своеобразное «соприкосновение» с элементами пенитенциарной субкультуры наблюдается в процессе изучения дисциплин «Криминология» и «Профессиональная этика». На занятиях по криминологии курсанты знакомятся с субкультурой в аспекте ее влияния на пенитенциарную преступность – «самодетерминирующий вид преступности, повторяющий общие закономерности ее развития опосредованно, через глубинные криминогенные процессы, происходящие в период исполнения и отбывания наказания» [6, с. 55]. При этом субъектами противоправных деяний могут быть как лица, отбывающие наказания, так и сотрудники пенитенциарных учреждений, большинство из которых – выпускники ведомственных образовательных организаций. Причины соучастия сотрудников уголовно-исполнительной системы в пенитенциарной преступности могут быть различными, но одна из них – недостаточная сформированность професси-

ональной культуры сотрудников, в том числе и в период обучения в ведомственных образовательных организациях, – должна стать предметом педагогического исследования.

При обучении курсантов важно развеять мифы о романтике, таинственности, привлекательности пенитенциарной субкультуры, убедить в ее пагубном, разрушающем влиянии на личность. Последнее особенно важно для профилактики преступности в молодежной среде.

Знания, полученные курсантами в процессе изучения криминологии, должны быть дополнены на занятиях по профессиональной этике. Именно в курсе «Профессиональная этика» курсанты изучают морально-нравственные основы профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, ее гуманистическое содержание, приобретают умения к осуществлению профессиональной деятельности в соответствии с нравственными принципами, которые в реальной правоохранительной деятельности должны стать устойчивыми навыками. Организация изучения этих важнейших для формирования профессиональной культуры будущих специалистов дисциплин в соответствии с принципом культуросообразности может обеспечить достижение такого уровня сформированности и устойчивости их профессионально- и личностно значимых качеств, который позволит не только повысить эффективность правоохранительной деятельности, но и предотвратить профессионально-нравственную деформацию, в том числе и под влиянием факторов пенитенциарной субкультуры.

Важно, чтобы в образовательном процессе использовались адекватные методическое сопровождение, включающее рациональную интеграцию форм, методов и средств в рамках используемых педагогических технологий, причем как на аудиторных занятиях, так и во внеаудиторной (в том числе и самостоятельной) деятельности курсантов. Практика показывает, что значительным потенциалом в этой связи обладают наглядно-иллюстративные методы, которые позволяют курсантам «погрузиться» в среду пенитенциарной культуры, прочувствовать ее губительное влияние на личность. Так, например, в сочетании с интерактивными методами коллективного обсуждения видеоматериалов наглядно-иллюстративные методы при грамотной организации педагогического взаимодействия позволяют достичь высокой степени воздействия на сознание обучающихся, стимулируя тем самым формирование их профессиональной культуры.

Большим педагогическим потенциалом обладает и метод ситуационного анализа, когда для изучения вариантов эффективного и обоснованного поведения сотрудников предлагаются ситуации, взятые из практики правоохранительной деятельности. Для курсантов образовательных организаций ФСИН России в аспекте пенитенциарной субкультуры это ситуации, в которых проявляются традиции и неписаные законы криминальных группировок пенитенциарного учреждения, их иерархия, коммуникативные, экономические, сексуальные и иные атрибуты взаимоотношений носителей пенитенциарной субкультуры. Для курсантов образовательных организаций МВД России это главным образом ситуации профилактической работы с теми, кто с высокой долей вероятности может пополнить ряды находящихся в местах лишения свободы. Особую роль в анализе ситуаций правоохранительной деятельности играет в том числе и поддержание взаимосвязи между ценностями, социально-культурными факторами и личностью, соответствующей аксиологической направленности деятельности.

В связи с ограниченностью времени, которое может быть отведено на аудиторных занятиях в процессе изучения дисциплин «Криминология» и «Профессиональная этика» для понимания курсантами пенитенциарной субкультуры, полезно использовать для этого внеаудиторное время, в частности работу курсантов в научных кружках. Опыт показывает, что и подготовка, и заслушивание докладов по темам, так или иначе связанным с тюремной субкультурой, вызывают большой интерес обучающихся и сопровождаются активным коллективным обсуждением, которое очень важно направить в русло формирования у будущих специалистов профессиональной культуры.

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

- использование при исследовании проблемы повышения эффективности формирования профессиональной культуры будущих специалистов правоохранительных органов триединства методологических подходов (культурологического, аксиологического, герменевтического) позволяет выявить противоречия, разрешение которых может иметь существенное значение для совершенствования образовательной деятельности ведомственных образовательных организаций;
- формирование профессиональной культуры курсантов ведомственных образовательных организаций в русле понима-

ния гуманистического содержания предстоящей правоохранительной деятельности предполагает становление личностно значимых качеств, обеспечивающих их морально-нравственную устойчивость, в том числе устойчивость под влиянием факторов, вызывающих профессионально-нравственную деградацию, среди которых могут быть и факторы пенитенциарной субкультуры;

– применение принципа культуросообразности в образовательной деятельности, когда она направлена на достижение цели формирования профессиональной культуры будущих специалистов, требует такого ее содержательного наполнения, при котором обеспечивается понимание культуры тех, в отношении кого осуществляется правоохранительная деятельность, при одновременном достижении обучающимися уровня профессиональной культуры, необходимого и достаточного для такого понимания.

Обобщая результаты исследования и практику их реализации в образовательном процессе, можно определить следующие направления повышения эффективности формирования профессиональной культуры будущих специалистов правоохранительных органов с учетом специфики культуросообразного представления о субъектах взаимодействия:

– создание педагогических условий, обеспечивающих направленность образо-

вательной деятельности на понимание обучающимися особенностей субкультуры социальных групп, с которыми и в отношении которых осуществляется профессиональная правоохранительная деятельность, а также на восприятие их отдельных представителей как носителей субкультуры;

– разработка методического сопровождения аудиторных занятий (диагностика проблем и информационный поиск, обоснование возможных путей и способов их решения, методическое обеспечение занятий и др.), обеспечивающего формирование личностно-профессиональных качеств курсантов в процессе культуросообразного взаимодействия субъектов образовательной деятельности;

– интеграция на аудиторных занятиях преимуществ традиционных и инновационных методов и средств обучения, позволяющих достигать своеобразного «погружения» обучающихся в ситуации правоохранительной деятельности, включающие проявления субкультуры тех лиц, социальных групп и др., с кем осуществляется профессиональное взаимодействие, в том числе как один из возможных вариантов – и представителей пенитенциарной субкультуры;

– организация и проведение внеаудиторной воспитательной работы с курсантами, включающей мероприятия, отражающие особенности тюремной субкультуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гайсина, Г. И.** Культурологический подход в теории и практике педагогического образования : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Гайсина Гузель Иншаровна. – Москва, 2002. – 37 с.
2. **Галагузов, А. Н.** Культурологический подход в профессиональной подготовке специалистов социальной сферы : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Галагузов Алексей Николаевич. – Москва, 2011. – 41 с.
3. **Дистервег, А.** Избранные педагогические сочинения / А. Дистервег. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 374 с.
4. **Мещерякова, Е. И.** К вопросу о формировании профессионально-педагогической культуры будущих педагогов-исследователей в процессе педагогической практики / Е. И. Мещерякова // Воронежская педагогическая школа: опыт прошлого – вызовы современности : материалы международной научно-практической конференции (Воронеж, 6–7 апреля 2018 г.). – Воронеж : Ритм, 2018. – С. 39–41. – ISBN 978-5-6041905-2-4.
5. **Мещерякова, Е. И.** Формирование готовности курсантов к действиям в экстремальных ситуациях с позиций герменевтического подхода / Е. И. Мещерякова, М. А. Сибирко // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2017. – № 3. – С. 228–233.
6. Пенитенциарная криминология : учебник / под редакцией Ю. М. Арутюняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. – Рязань : Академия ФСИН России, 2009. – 566 с. – ISBN 978-5-7743-0270-3.
7. **Писарев, О. М.** Психология пенитенциарного социума / О. М. Писарев // Хрестоматия по юридической психологии. Особенная часть. Пенитенциарная психология. – Томск : Томский филиал ФГОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2007. – С. 12–52.
8. **Пушкарева, Т. В.** Проблема интериоризации знаний в психолого-педагогической науке / Т. В. Пушкарева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17247> (дата обращения: 19.02.2020).
9. **Смирнов, Л. Б.** Особенности пенитенциарной субкультуры / Л. Б. Смирнов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 2 (49). – С. 57–61.
10. Яковлев, Е. В. Аксиологический подход в педагогическом исследовании: сущность, значение, проблемы реализации / Е. В. Яковлев, Н. О. Яковлева // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2010. – № 3. – С. 85–92.
11. **Яковлев, Н. А.** Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации ее негативного влияния : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Яковлев Никита Александрович. – Елец, 2006. – 228 с.

REFERENCES

1. Gajšina G. I. *Kul'turologičeskij podhod v teorij i praktike pedagogičeskogo obrazovanija*. Avtoref. diss. dokt. ped. nauk [Cultural approach in the theory and practice of teacher education. Author's abstract of diss. Dsc. in Pedagogy]. Moscow, 2002. 37 p. (In Russ.).
2. Galaguzov A. N. *Kul'turologičeskij podhod v professional'noj podgotovke specialistov social'noj sfery*. Avtoref. diss. dokt. ped. nauk [Cultural approach in the professional training of specialists in the social sphere. Author's abstract of diss. Dsc. in Pedagogy]. Moscow, 2011. 41 p. (In Russ.).
3. Disterveg A. *Izbrannye pedagogičeskije sočinenija* [Selected pedagogical essays]. Moscow, 1956. 374 p. (In Russ.).
4. Meshcheryakova E. I. K voprosu o formirovanii professional'no-pedagogičeskij kul'tury budushchih pedagogov-issledovatelej v processe pedagogičeskij praktiki [On the formation of the professional and pedagogical culture of future pedagogical researchers in the process of pedagogical practice]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskij konferencii «Voronežskaja pedagogičeskaja škola: opyt prošlogo – vyzovy sovremennosti»* [Materials of the international scientific and practical conference «Voronezh Pedagogical School: Experience of the Past – Challenges of the Present»]. Voronezh, 2018, pp. 39–41. (In Russ.).
5. Meshcheryakova E. I., Sibirko M. A. Formirovanie gotovnosti kursantov k dejstviam v ekstremal'nyh situacijah s pozicij germenevtičeskogo podhoda [Formation of cadets' readiness to act in extreme situations from the standpoint of the hermeneutic approach]. *Vestnik Voronežskogo instituta FSIN Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia*, 2017, no. 3, pp. 228–233. (In Russ.).
6. Arutyunyan YU. M., Grishko A. YA., Fil'chenko A. P. (red.) *Penitencijarnaja kriminologija* [Penal criminology]. Ryazan, 2009. 566 p. (In Russ.).
7. Pisarev O. M. Psihologija penitencijarnogo sociuma [Psychology of the penal society]. *Hrestomatiya po juridičeskij psihologii. Osobennaya chast'*. *Penitencijarnaja psihologija* [A reader on legal psychology. The special part. Penal psychology]. Tomsk, 2007, pp. 12–52. (In Russ.).
8. Pushkareva T. V. Problema interiorizacii znanij v psihologo-pedagogičeskij nauke [The problem of interiorization of knowledge in psychological and pedagogical science]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija – Modern problems of science and education*, 2015, no. 1-1. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=17247> (accessed 19.02.2020). (In Russ.).
9. Smirnov L. B. Osobennosti penitencijarnoj subkul'tury [Features of the penal subculture]. *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra – Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2018, no. 2 (49), pp. 57–61. (In Russ.).
10. Jakovlev E. V., Jakovleva N. O. Aksiologičeskij podhod v pedagogičeskij issledovanii: sushchnost', znachenie, problemy realizacii [Axiological approach in pedagogical research: essence, meaning, problems of implementation]. *Sovremennaja vysshaja škola: innovacionnyj aspekt – Modern higher education: an innovative aspect*, 2010, no. 3, pp. 85–92. (In Russ.).
11. Jakovlev N. A. *Tyurem'naja (penitencijarnaja) subkul'tura kak kriminogennyj faktor i perspektivy nejtralizacii ee negativnogo vliyaniya*. Diss. kand. jurid. nauk [The prison (penal) subculture as a criminogenic factor and prospects for neutralizing its negative influence. Diss. PhD. in Law]. Yelets, 2006. 228 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ЕЛЕНА ИВАНОВНА МЕЩЕРЯКОВА – профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Воронежского института МВД России, г. Воронеж, Российская Федерация, доктор педагогических наук, профессор. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

ELENA I. MESHCHERYAKOVA – Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russian Federation, Dsc, in Pedagogics, Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3726-5283>, e-mail: elenamsol@yandex.ru

DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-431-436

УДК 378.046.4

Методика организации работы с буферами обмена данных в программном комплексе АКУС при обучении сотрудников территориальных органов на курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки начальников отрядов исправительных учреждений

А. А. БАБКИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8033-1747>, e-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Реферат. В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. одним из ключевых направлений в процессе исправления осужденных является применение передовых методов и методик орга-

низации воспитательной работы, предполагающих грамотное построение сотрудником отношений с лицами, отбывающими наказание. Воспитательную работу с осужденными осуществляет каждый сотрудник исправительного учреждения. Вместе с тем на начальника отряда возлагается наибольшая нагрузка, связанная с организацией и подготовкой различных материалов и документов, проведением культурно-массовых, физкультурных мероприятий, а также кружковой работы со специальным контингентом. Для выполнения всего комплекса мероприятий необходимо создать достойные условия труда, оборудовать рабочее место начальника отряда (сотрудника отдела воспитательной работы с осужденными) специальными программными средствами.

В статье исследуются прикладные аспекты использования современных программных средств автоматизации служебной деятельности в сфере осуществления воспитательной работы с осужденными. Рассматривается методика организации работы в среде программного комплекса АКУС ИК (КП) для сотрудников территориальных органов, обучающихся на курсах профессиональной переподготовки и повышения квалификации начальников отрядов исправительных учреждений. Предлагается алгоритм создания и дальнейшего применения буфера обмена данными для воспитательной работы в ПК АКУС. Описывается возможность оптимизации работы при заполнении данных об абонентах картотеки начальником отряда.

Ключевые слова: воспитательная работа с осужденными; начальник отряда; информатизация; автоматизация; специальные программные средства; программный комплекс АКУС; буфер обмена данными; опрос; профессиональная переподготовка.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Бабкин А. А. Методика организации работы с буферами обмена данными в программном комплексе АКУС при обучении сотрудников территориальных органов на курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки начальников отрядов исправительных учреждений. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):431–436. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-431-436.

Methods of organizing work with data exchange buffers in the AKUS software complex when training employees of territorial bodies in advanced training courses and professional retraining of units heads of the penal institutions

A. A. BABKIN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8033-1747>, e-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Abstract. In accordance with the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation until 2020 one of the key directions in the process of correcting convicts is the use of advanced methods and methods of organizing educational work, which imply a competent building of relations by an employee with persons serving a sentence. Each employee of the correctional institution carries out educational work with convicts. At the same time the chief of the detachment has the greatest burden associated with the organization and preparation of various materials and documents, the conduct of cultural and physical activities, as well as the organization of circle work with a special contingent. To carry out the entire range of measures, it is necessary to create decent working conditions, equip the workplace of the head of the detachment (employee of the department for educational work with convicts) with special software.

The article examines the applied aspects of using modern software for the automation of office activities in the field of educational work with convicts. The article discusses the methodology for organizing work in the environment of the AKUS IK (KP) software complex for employees of territorial bodies enrolled in professional retraining and advanced training courses for heads of correctional institutions. An algorithm for the creation and further use of the data exchange clipboard for educational work in the AKUS software complex is proposed. The article describes the possibility of optimizing the work when filling in the data on the subscribers of the card index by the head of the detachment.

Key words: educational work with convicts; squad leader; informatization; automation; special software; the AKUS software complex; data exchange buffer; survey; professional retraining.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Babkin A. A. Methods of organizing work with data exchange buffers in the AKUS software complex when training employees of territorial bodies in advanced training courses and professional retraining of units heads of the penal institutions. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):431–436. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-431-436.

Современный этап развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации направлен на реформирование принципов, методов, нормативно-правовой базы, концепции исполнения наказаний, в том числе для дальнейшей гуманизации и совершенствования ее деятельности [1; 8]. Ключевую роль в этом процессе играют передовые методы и методики воспитательной работы с осужденными, предполагающие грамотное построение сотрудником отношений с лицами, отбывающими наказание [6].

Воспитательные функции в той или иной степени выполняет каждый сотрудник исправительного учреждения, но именно начальники отрядов несут наибольшую нагрузку в этой области [5]. В число многочисленных задач, которые данным сотрудникам ежедневно необходимо решать, входят: проведение с осужденными занятий по социально-правовому информированию; подготовка необходимых материалов по вопросам представления осужденных к условно-досрочному освобождению, помилованию, изменению условий отбывания наказания осужденными; организация и проведение со спецконтингентом просветительских, культурно-массовых, физкультурно-спортивных мероприятий, а также кружковой работы. По данным официального сайта ФСИН России, в настоящее время воспитательные службы насчитывают более шести тысяч сотрудников при средней нагрузке на одного начальника отряда около 83 осужденных.

В соответствии с положениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. в учреждениях и органах предлагается внедрить электронное делопроизводство, включая оснащение автоматизированными рабочими местами. Поэтому и в сфере воспитательной работы с осужденными ведение документации на бумажных носителях постепенно уходит в прошлое. В практику деятельности отделов воспитательной работы с осужденными исправительных учреждений внедряется электронный документооборот. Большинство рабочих мест начальников отрядов оснащаются персо-

нальными компьютерами с установленным на них программным обеспечением специального назначения.

В связи с этим одной из приоритетных задач, стоящих перед сотрудниками, является формирование умения грамотно применять в своей работе современные специализированные программные средства (ПК АКУС, СЭД УИС, Psychometric Expert, «Парус» и др.) [4]. С точки зрения Э. Б. Лунченковой и Н. В. Горячевой, освоение сотрудниками территориальных органов данных специальных программных средств и ресурсов способствует повышению качества подготовки современного специалиста [9]. В подготовку кадров, в полной мере владеющих такими программными средствами, активно включаются ведомственные образовательные организации. Помимо обучения курсантов, студентов и слушателей Вологодский институт права и экономики ФСИН России занимается реализацией программ профессионального обучения, переподготовки и повышения квалификации сотрудников территориальных органов ФСИН России по целому ряду направлений. Ежегодно на базе института проводится обучение по программе профессиональной переподготовки «Организация воспитательной работы с осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы» и на курсах повышения квалификации по программе «Организация воспитательной работы с осужденными». В рамках курса «Информационные технологии в профессиональной деятельности» преподаются основы работы в среде программного комплекса АКУС (автоматизированная картотека учета спецконтингента).

В системе информатизации ФСИН России автоматизация специальных учетов подследственных и осужденных занимает особое место. Своевременное, достоверное и быстрое заполнение информации об абоненте картотеки (осужденном, подследственном) обеспечивает эффективную организацию труда в учреждении [7, с. 240].

Программный комплекс АКУС представляет собой информационно-поисковую систему с возможностью ввода, накопления, ото-

бражения, изменения и обобщения данных об абонентах персонального картотечного учета специального контингента в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также предоставления сведений вышестоящим подразделениям ФСИН России и другим силовым правоохранительным ведомствам. Отметим, что ПК АКУС обнаруживает гибкие возможности как при установке, так и во время эксплуатации. Активные пользователи программы в пределах одного учреждения могут работать с единой базой данных, имея доступ к актуальной информации в пределах установленных администратором комплекса ограничений.

По мнению О. К. Хотькиной, ПК АКУС становится ключевым программным продуктом, предназначенным для автоматизации учета в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [10]. Кроме того, как отмечают О. К. Бескровных и М. О. Савинова, принято решение о придании ПК АКУС статуса государственной информационной системы, а поэтому для дальнейшего успешного развития данного комплекса необходимы дополнительные условия: создание системы безопасности, разработка значительного пакета документации и др. [3]. Отметим также, что на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы ПК АКУС помимо прочих задач должен обеспечивать единую систему пенитенциарной, социальной, воспитательной и психологической работы с осужденными.

Как уже указывалось, изначально ПК АКУС применялся в служебной деятельности сотрудниками отделов и служб специального учета для заполнения и редактирования данных о подсудимых и осужденных. В настоящее время сфера его приложения расширилась: значительная часть отделов и служб учреждений и органов уголовно-исполнительной системы использует программный комплекс в служебной деятельности. Так, например, начальнику отряда исправительной колонии приходится ежедневно обращаться к ресурсам автоматизированной картотеки по осужденным.

В соответствии с утвержденными требованиями сотрудники отдела воспитательной работы с осужденными осуществляют заполнение и редактирование следующих разделов картотеки:

- раздел «Условия содержания» (взыскания, поощрения);
- раздел «ИВР» (воспитательная работа, решение СВО, дневник ИВР);

- раздел «Дополнительно» (характеристика, обучение осужденного);

- раздел «Электронное личное дело» [2].

Как показывает практика, использование в служебной деятельности начальника отряда ресурсов ПК АКУС заметно сокращает время на подготовку различных справок, иных документов. Среди начальников отрядов, прибывающих на курсы, есть как новички, имеющие только базовые знания по автоматизации, заполнению и редактированию данных в среде АКУС, так и уже опытные пользователи. Ведение преподавателем постоянного диалога с группой слушателей, совместное обсуждение вопросов, решение задач практического характера позволяют повысить уровень начальных знаний и способствуют дальнейшему развитию навыков работы в среде АКУС у опытных пользователей.

Большинство слушателей заявляют о том, что сталкиваются со следующей проблемой на рабочих местах: при выполнении определенных операций в среде АКУС начальник отряда вынужден многократно переносить (копировать) данные из одной записи таблицы (формы) в другую. В целях оптимизации данного процесса под руководством преподавателя на курсах была предпринята попытка сконструировать буфер обмена данными (для воспитательной работы) с возможностью дальнейшей его интеграции в имеющиеся инструменты.

Буферы обмена данными предназначены для облегчения ввода данных об абонентах картотеки за счет исключения повторного ввода совпадающей информации. Они позволяют копировать информацию из одной записи линейной формы в другую, а также данные из одной записи в несколько. Работать с буферами можно только в рамках выбранной таблицы базы данных. Это одно из ограничений функционирования данного компонента АКУС.

Предлагаем рассмотреть алгоритм решения поставленной задачи на примере организации работы с программой ПК АКУС для исправительных колоний (ПК АКУС ИК (КП)):

1. В арсенале ПК АКУС ИК (КП) существуют уже готовые буферы обмена. За работу с буферами отвечает специальный модуль программы. Создаем новый буфер обмена, осуществляем ввод названия («Буфер для воспитательной работы») и выбор таблицы данных («ИВР, проводимая с осужденным»).

2. В структуре буфера добавляем все поля таблицы данных в верхнее поле (в структуру формы «ИВР, проводимая с осуж-

денным»). Закрываем окно, сохранив введенные данные.

3. Отмечаем в картотеке тех абонентов (осужденных), которым необходимо внести одинаковые записи по проведенной сотрудником воспитательной работе.

4. Формируем (заносим) необходимую запись для одного из выделенных абонентов, используя соответствующую форму.

5. Используя контекстное меню, вызываем буфер для воспитательной работы, выбираем «Буферы обмена – копировать».

6. Для разноски скопированной в буфер обмена информации, используя контекстное меню, выбираем пункт «Вставить».

Таким образом, благодаря буферам обмена информацию по проведенной воспитательной работе с одним осужденным можно разносить (скопировать) по целой группе абонентов картотеки. Описанная операция призвана оптимизировать процесс заполнения (редактирования) данных в среде ПК АКУС начальником отряда исправительного учреждения.

В ходе учебных занятий с группами слушателей факультета повышения квалификации и профессионального обучения (категория «Начальники отрядов») проводился опрос в целях выявления проблемных моментов в практической деятельности сотрудников, а также улучшения качества преподавания и подачи материала. Значительная часть респондентов (95,5 %) отметила наличие трудностей с запросной и отчетной системами (модулями) на местах при работе в среде ПК АКУС. Сотрудники выделяют именно эти темы как нуждающиеся в более детальном изучении на курсах (92,3 %). Слушатели также назвали в числе важных для своей практической деятельности следующие разделы:

- организация работы с буферами обмена данных (87,5 %);
- грамотное заполнение и редактирование данных по абоненту картотеки (органи-

зация работы с формами, таблицами, справочниками) (76 %);

– копирование-перенос данных (экспорт-импорт запросов, отчетов, данных по абонентам) (91,2 %).

Проведенный опрос позволил обозначить направления дальнейшей работы по совершенствованию методики и качества преподавания некоторых тем и разделов на курсах профессиональной переподготовки и повышения квалификации сотрудников территориальных органов.

Сфера применения современных информационных технологий и средств коммуникации весьма обширна – начиная с обеспечения выполнения рутинных операций по формированию документов и организации служебной переписки и заканчивая системным анализом, поддержкой принятия управленческих решений, автоматизацией проектирования сложных систем. Средства вычислительной техники, коммуникации позволяют различным организациям, учреждениям, отдельным сотрудникам получать достоверную, полную и своевременную информацию, необходимую для выработки и принятия оптимальных решений. На сегодняшний день в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы накоплен значительный опыт автоматизации картотечных учетов, сотрудники постоянно повышают общий уровень компьютерной грамотности. Представляется, что более глубокое изучение отдельных областей работы с программной средой АКУС (поисковые возможности, алгоритмы создания новых запросов, экспорт и импорт данных, буферы обмена данных) сотрудниками территориальных органов будет способствовать усилению практической составляющей образования, а также выработке новых видов деятельности в процессе профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипов, А. Н. Правовые основы обеспечения безопасности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / А. Н. Антипов, Б. А. Спасенников // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 6. – С. 925–935. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).925-935.
2. Бабкин, А. А. Средства автоматизации служебной деятельности начальника отряда (на примере использования ПК АКУС ИК) / А. А. Бабкин // Информационно-техническое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе : сборник материалов научно-практического семинара (Вологда, 27 октября 2016 г.) / ответственный редактор А. А. Бабкин. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2017. – С. 3–6. – ISBN 978-5-94991-385-7.
3. Бескровных, О. К. Вопросы разработки и внедрения информационных систем в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / О. К. Бескровных, М. О. Савинова // Сборник научных работ сотрудников ФКУ НИИИТ ФСИН России. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2017. – С. 53–56. – ISBN 978-5-9907183-3-3.
4. Боровик, П. Л. Некоторые вопросы организации информационного обеспечения в органах и учреждениях уголовно-исполнительных систем Российской Федерации и Республики Беларусь / П. Л. Боровик, В. В. Лавренов, А. А. Бабкин [и др.] // Информационные технологии в управлении, обучении, правоохранительной деятельности : сборник материалов IV международной электронной научной конференции. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2016. – С. 4–12. – ISBN 978-5-94991-346-8.

5. **Зауторова, Э. В.** К вопросу о профессиональных качествах начальника отряда исправительного учреждения / Э. В. Зауторова // Вопросы педагогики. – 2019. – № 1. – С. 34–36.
6. **Зауторова, Э. В.** Направленная воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы : учебное пособие / Э. В. Зауторова. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 194 с. – ISBN 978-5-94991-479-3.
7. Информатика и информационные технологии в профессиональной деятельности : учебник / под редакцией В. П. Корячко, М. И. Купцова. – Рязань : АПУ ФСИН России, 2016. – 355 с. – ISBN 978-5-7743-0767-8.
8. **Кибальник, А. Г.** Российские диссертационные исследования уголовного наказания: основные тренды в 2010–2019 годах / А. Г. Кибальник, П. В. Волосюк, Р. З. Абдулгалиев // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 4. – С. 825–836. – DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).825-836.
9. **Лунченкова, Э. Б.** Интерактивный курс как современная методика получения практических навыков сотрудниками УИС / Э. Б. Лунченкова, Н. В. Горячева // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Самара, 2019. – С. 139–143. – ISBN 978-5-91612-251-0.
10. **Хотькина, О. К.** Использование учебного рабочего места «Инспектор отдела специального учета» в реализации практической направленности обучающихся / О. К. Хотькина // Организация образовательного процесса в вузах: современное состояние, проблемы и перспективы : сборник материалов научно-методической конференции (30–31 марта 2017 г.). – Рязань : АПУ ФСИН России, 2017. – С. 275–280. – ISBN 978-5-7743-0817-0.

REFERENCES

1. Antipov A. N., Spasennikov B. A. *Pravovye osnovy obespecheniya bezopasnosti v uchrezhdeniyah i organah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy* [Legal framework for ensuring security in institutions and bodies of the penal system]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian criminological journal*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 925–935. doi: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).925-935. (In Russ.).
2. Babkin A. A. *Sredstva avtomatizatsii sluzhebnoj deyatel'nosti nachal'nika otryada (na primere ispol'zovaniya PK AKUS IK)* [Automation tools for the service activities of the squad leader (for example, using the PC AKUS IK)]. *Sbornik materialov nauchno-prakticheskogo seminarina «Informacionno-tehnicheskoe obespechenie deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy na sovremennom etape»* [Collection of materials of the scientific and practical seminar «Information and technical support of the activities of the penal system at the present stage»]. Vologda, 2017, pp. 3–6. (In Russ.).
3. Beskrovnyh O. K., Savinova M. O. *Voprosy razrabotki i vnedreniya informacionnyh sistem v uchrezhdeniyah i organah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy* [Development and implementation of information systems in institutions and agencies of the penal system]. *Sbornik nauchnyh rabot sotrudnikov FKU NIIT FSIN Rossii* [Collection of scientific papers by employees of the Research Institute of Information Technologies of the Federal Penal Service of Russia]. Tver, 2017, pp. 53–56. (In Russ.).
4. Borovik P. L., Lavrenov V. V., Babkin A. A., Kryukova D. YU., CHERKASOVA M. A. *Nekotorye voprosy organizatsii informacionnogo obespecheniya v organah i uchrezhdeniyah ugovolno-ispolnitel'nyh sistem Rossijskoj Federatsii i Respubliki Belarus'* [Some issues of organizing information support in the bodies and institutions of the penal systems of the Russian Federation and the Republic of Belarus]. *Sbornik materialov IV mezhdunarodnoj elektronnoj nauchnoj konferencii «Informacionnye tekhnologii v upravlenii, obuchenii, pravoohranitel'noj deyatel'nosti»* [Collection of materials of the IV international electronic scientific conference «Information technologies in management, training, law enforcement»]. Vologda, 2016, pp. 4–12. (In Russ.).
5. Zautorova E. V. *K voprosu o professional'nyh kachestvah nachal'nika otryada ispravitel'nogo uchrezhdeniya* [On the issue of the professional qualities of the head of the correctional institution]. *Voprosy pedagogiki – Issues of Pedagogy*, 2019, no. 1, pp. 34–36. (In Russ.).
6. Zautorova E. V. *Napravleniya vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v mestah lisheniya svobody* [Directions of educational work with convicts in places of deprivation of liberty]. Vologda, 2019. 194 p. (In Russ.).
7. Koryachko V. P., Kupcov M. I. (red.) *Informatika i informacionnye tekhnologii v professional'noj deyatel'nosti* [Informatics and information technology in professional activities]. Ryazan, 2016. 355 p. (In Russ.).
8. Kibal'nik A. G., Volosyuk P. V., Abdulgaziev R. Z. *Rossijskie dissertatsionnye issledovaniya ugovolnogo nakazaniya: osnovnye trendy v 2010–2019 godah* [Russian dissertation research on criminal punishment: main trends in 2010–2019]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – All-Russian criminological journal*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 825–836. doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).825-836. (In Russ.).
9. Lunchenkova E. B., Goryacheva N. V. *Interaktivnyj kurs kak sovremennaya metodika polucheniya prakticheskikh navykov sotrudnikami UIS* [An interactive course as a modern methodology for obtaining practical skills by the staff of the penal system]. *Materialy vsersijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Penitenciar'naya bezopasnost': nacional'nye tradicii i zarubezhnyj opyt»* [Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Penal Security: National Traditions and Foreign Experience»]. Samara, 2019, pp. 139–143. (In Russ.).
10. Hot'kina O. K. *Ispol'zovanie uchebnogo rabocheho mesta «Inspektor otdela special'nogo ucheta» v realizatsii prakticheskoy napravlenosti obuchayushchihsya* [Using the training workplace «Inspector of the Special Accounting Department» in the implementation of the practical orientation of students]. *Sbornik materialov nauchno-metodicheskoy konferencii «Organizatsiya obrazovatel'nogo processa v vuzah: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy»* [Collection of materials of the scientific and methodological conference «Organization of the educational process in universities: current state, problems and prospects»]. Ryazan, 2017, pp. 275–280. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАБКИН – доцент кафедры информатики и математики инженерно-экономического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, кандидат педагогических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8033-1747>, e-mail: aleksei_babkin@mail.ru

ALEKSEY A. BABKIN – Associate Professor of the Department of Informatics and Mathematics of the Faculty of Engineering and Economics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Vologda, Russian Federation, PhD in Pedagogy, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8033-1747>, e-mail: aleksei_babkin@mail.ru

Взаимосвязь нравственной позиции и социально-психологических особенностей личности в студенческом возрасте

О. Б. МАЗКИНА

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0962-5379>, e-mail: mazkina-olga@mail.ru

Реферат. Статья раскрывает одну из фундаментальных проблем, имеющих повышенную теоретическую и практическую значимость. Речь идет об исследовании взаимосвязи нравственной позиции юношей с их социально-психологическими особенностями. Изучая эту проблему на примере студентов, в качестве социально-психологических особенностей их личности автор выделяет смысложизненные ориентации и Я-профессиональное. В статье отражены основные результаты эмпирического исследования, цель которого состояла в проверке выдвинутой гипотезы о том, что существует взаимосвязь между нравственной позицией и социально-психологическими особенностями личности в юношеском возрасте, а именно: более высокий уровень сформированности нравственной позиции сочетается с большей выраженностью таких социально-психологических особенностей личности в юношеском возрасте, как смысложизненные ориентации и Я-профессиональное. Представлены методики сбора эмпирической информации, в том числе авторская проективная методика незаконченных предложений, специально разработанная в целях исследования, а также использованные при обработке результатов методы качественного и количественного, в том числе статистического, анализа (процедура процентильной нормализации, критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера, коэффициент корреляции Пирсона). Результаты частично подтверждают выдвинутую гипотезу: при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей по шкале «Цели в жизни», «Результативность жизни», «Локус-контроля – Я», «Управляемость жизни» и показателей по шкале «Оценка», «Сила» в реальном образе Я-профессиональное и в идеальном образе Я-профессиональное можно говорить о наличии прямой связи.

Проблема нравственного воспитания молодежи является актуальной, так как цель воспитания связана с нравственным развитием личности, формированием ее нравственной позиции, потребностью в нахождении собственных смыслов деятельности.

Ключевые слова: нравственная позиция; социально-психологические особенности студентов вуза.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Мазкина О. Б. Взаимосвязь нравственной позиции и социально-психологических особенностей личности в студенческом возрасте. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14(3):437–444. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-437-444.

The correlation between moral position and socio-psychological characteristics of the individual in the student age

O. B. MAZKINA

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0962-5379>, e-mail: mazkina-olga@mail.ru

Abstract. The article reveals one of the fundamental problems of increased theoretical and practical importance. We are talking about the study of the relationship between the moral position of young men with their socio-psychological characteristics.

Studying this problem on the example of students, the author distinguishes life-meaning orientations and the professional self as the socio-psychological characteristics of their personality. The article reflects the organization and the main results of the empirical research carried out, the purpose of which was to test the hypothesis that there is a relationship between the moral position and socio-psychological characteristics of the personality in adolescence, namely: a higher level of formation of a moral position is combined with a greater severity such socio-psychological characteristics of personality in adolescence as life-meaning orientations and self-professional. Methods for collecting empirical information are presented, including the author's projective technique for unfinished sentences, specially developed for research purposes as well as methods of qualitative and quantitative, including statistical analysis, used in processing the results (percentile normalization procedure, ϕ * criterion Fisher angular transformation, Pearson correlation coefficient). The results partially confirm the hypothesis put forward: when comparing the level of formation of the moral position and indicators on the scale "Goals in life", "Life performance", "Locus control - I", "Manageability of life" and indicators on the scale "Assessment", "Strength", in a real image I am a professional and in an ideal image I am a professional one can talk about the presence of a direct connection.

The problem of the moral education of young people is relevant, since the goal of education is associated with the moral development of the individual, the formation of his moral position, the need to find his own meanings of activity.

Key words: moral position; social and psychological characteristics of university students.

13.00.01 – General Pedagogy, History of Pedagogy and Education.

For citation: Mazkina O. B. The correlation between moral position and socio-psychological characteristics of the individual in the student age. *Penitencijarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14(3):437–444. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-437-444.

Проблема нравственного воспитания во все времена являлась первостепенной и значимой для педагогической науки. В современных условиях она не утратила свою актуальность, так как цель воспитания молодежи связана с нравственным развитием личности, формированием ее нравственной позиции, потребностью в нахождении собственных смыслов деятельности.

Особенно остро эта проблема заявила о себе в конце XX в., когда для общества стали характерны демонстрация бездуховности, жестокость, не проявление человечности, чуткости в отношении к другому и т. д. На сегодняшний день наблюдается значительный интерес к проблемам нравственности и осознание ее значимости и первостепенности со стороны ученых и практиков, образовательных и общественных организаций [11].

Проблема формирования нравственной позиции имеет непреходящую социальную, научную и практическую значимость, что обуславливает постоянное внимание к ней со стороны представителей различных отраслей человекознания. Педагогика, как и другие науки, в рамках собственного предмета изучения продолжает поиск научно обоснованных моделей, технологий, форм, методов, средств и условий воспитания и развития нравственной личности.

Общественно-государственная заинтересованность в необходимости нрав-

ственного воспитания молодого поколения в очередной раз была подтверждена в распоряжении Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», где говорится о необходимости обратить внимание на ценности, общественные идеалы и нравственные принципы в процессе воспитания молодого поколения.

Вышесказанное свидетельствует о необходимости теоретического обоснования путей решения проблемы нравственного воспитания молодежи в целом и становления нравственной позиции молодежи в частности.

Следует отметить, что основной задачей студента как представителя молодежи при поступлении в образовательную организацию высшего образования является получение профессии, а его основной вид деятельности – учебная работа. При этом одной из важнейших задач становится формирование нравственной позиции, которая в свою очередь оказывает существенное влияние на развитие таких социально-психологических особенностей, как смысложизненные ориентации и Я-профессиональное.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что работ по данной проблеме недостаточно. Существуют исследования, направленные на изучение профессионального самоопределения в юношеском возрасте, условий его форми-

рования, компонентов, функций (Н. И. Болдырев, А. Е. Воробьева, А. Б. Купрейченко) [4; 9]. Проблемой изучения нравственной позиции занимались Е. В. Бондаревская, С. К. Бондырева, Д. В. Колесов [5; 6; 7; 8]. Исследование же взаимосвязи данных феноменов не осуществлялось.

В связи с этим нами были определены компоненты нравственной позиции (внутренний самоконтроль, совокупность нравственных чувств и система личностных ценностей) и социально-психологические особенности личности в юношеском возрасте (смысложизненные ориентации и Я-профессиональное). Следовательно, цель нашего исследования заключалась в проведении эмпирического исследования по выявлению взаимосвязи уровня сформированности нравственной позиции и указанных социально-психологических особенностей личности студентов.

Гипотеза исследования – предположение о том, что существует взаимосвязь между нравственной позицией и социально-психологическими особенностями личности в юношеском возрасте, а именно: наибольшая выраженность таких социально-психологических особенностей личности в юношеском возрасте, как смысложизненные ориентации и Я-профессиональное сочетается с наиболее высоким уровнем сформированности нравственной позиции.

При обосновании гипотезы опирались на работы ряда психологов и педагогов по проблемам студенчества как особой социально-психологической и возрастной категории: К. А. Абульхановой-Славской, Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, К. М. Гайдар, И. А. Зимней, И. С. Кона, А. В. Мудрика, В. С. Мухиной, Н. С. Пряжникова и др.

В работах Н. М. Борытко, О. А. Мацкайловой, Н. К. Сергеева, В. В. Серикова, Е. А. Тягловой, С. С. Мирошниченко разрабатывалась проблема формирования нравственной позиции учащихся. В них в большей степени говорится о субъектной позиции в целом и мировоззренческой позиции в частности [1; 3].

Обоснованием гипотезы также являются эмпирические данные, которые были получены В. Т. Лисовским в социологической лаборатории при научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований, основное направление которой напрямую было связано с социализацией и становлением личности молодежи. Им были сделаны выводы о том, что студенчество как особая социальная группа характеризуется определенными условиями жизни, быта

и труда, социальным поведением и системой ценностных ориентаций [10]. Таким образом, нами было сделано предположение, что существует взаимосвязь нравственной позиции и социально-психологических особенностей в юношеском возрасте.

Эмпирическое исследование проводилось в 2018 г. на базе Воронежского государственного университета. В нем участвовали 62 студента третьего курса (направлений 06.03.01 Биология, профиль – ботаника и 44.03.02 Психолого-педагогическое образование, профиль – психология и социальная педагогика) в возрасте от 20 лет до 21 года.

В работе использовался следующий комплекс психодиагностических методик: методика «Незаконченные предложения» (модификация О. П. Макушина, О. Б. Мазкина), «Методика для изучения ценностей личности» (Ш. Шварц), метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд), тест-опросник «Уровень субъективного контроля» (Дж. Роттер), тест «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев).

Анализ результатов исследования, полученных по методике «Незаконченные предложения» (модификация О. П. Макушиной, О. Б. Мазкиной), которая использовалась для определения сформированности нравственной позиции студентов, позволил сделать следующие выводы: у испытуемых в достаточной степени сформированы не только нравственные чувства как компоненты нравственной позиции, но и она в целом («нравственные знания начинают переходить в разряд ценностно-смысловых, формируются профессионально-нравственные идеалы, общечеловеческие ценности пересекаются с профессионально-личностными в ситуациях внешнего и внутреннего контроля, мотивация профессиональной деятельности достаточно устойчивая, нравственные потребности и эталоны поведения личности не носят формальный характер» [2, с. 9]), что соответствует среднему уровню сформированности нравственной позиции.

«Методика для изучения ценностей личности» (Ш. Шварц) использовалась нами для выявления такого компонента нравственной позиции, как система личностных ценностей. Анализ результатов показал, что для студентов представляют определенную ценность такие качества, как взаимовыручка и проявление внимательности по отношению друг к другу. Это указывает на устойчивую их значимость для испытуемых и говорит об альтруистической ориентации

личности. Большинство испытуемых достаточно высоко оценивали нравственные качества личности (доброта, универсализм и самостоятельность), а также указывали на их важность и значимость не только для себя, но и по отношению к другим людям, тем самым продемонстрировав сформированность нравственной позиции. Необходимо отметить, что эти качества предполагают и высокий уровень самоконтроля.

В связи с этим для подтверждения нашего предположения о сформированности нравственной позиции в студенческом возрасте был дополнительно проведен тест-опросник субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера, используемый для выявления такого компонента нравственной позиции, как внутренний самоконтроль.

Результаты опроса показали, что из 62 респондентов высокий уровень самоконтроля отмечается у 10 чел., средний – у 38 чел., низкий – у 14 чел.

Результаты методик, направленных на выявление уровня сформированности нравственной позиции, показали, что из 62 испытуемых только у 10 студентов высокий уровень сформированности нравственной позиции, у 45 студентов – средний уровень и у 7 студентов – низкий.

Таким образом, большинство респондентов имеют достаточный объем знаний о нормах и ценностях, принятых в обществе, положительно к ним относятся и способны их активно осваивать и присваивать. Для них характерны сформированность нравственной позиции, адекватность самооценки, умение адекватно оценивать поступки других людей с точки зрения нравственности.

Для исследования социально-психологических особенностей – смысло-жизненных ориентаций и Я-профессионального – были использованы такие методики, как тест «Смысло-жизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев) и метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд).

Тест «Смысло-жизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев) применялся для оценки «источника» смысла жизни студента, который определялся тремя составляющими жизни: будущее (цели), настоящее (процесс) и прошлое (результат).

Шкала «Цели в жизни» показывает, что у 28 % испытуемых были получены высокие баллы. Таким студентам наравне с целеустремленностью свойственна способность к планированию, которая не имеет реальной опоры в настоящем и не подкрепляется личной ответственностью за ее реализацию. У

62 % респондентов были отмечены средние баллы, свидетельствующие об умении планировать и достигать жизненных целей, 10 % показали низкие баллы (для таких студентов характерно «жить прошедшим днем»).

По шкале «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» высокие баллы были у 36,6 % опрошенных. Высокие баллы по данной шкале и низкие по другим будут характеризовать человека, живущего сегодняшним днем, получающего от жизни только наслаждения и удовольствия. Средние баллы (а они отмечены у 60 % респондентов) характеризуют молодых людей с высокой потребностью к достижениям, то есть стремящихся к достижению ощутимых результатов в любом виде деятельности. Низкие баллы (3,3 %) указывают на неудовлетворенность испытуемых своей жизнью в настоящем, однако ей могут придавать полноценный смысл воспоминания о прошлом или нацеленность на будущее.

По шкале «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» высокие баллы были получены у 26,7 % респондентов, что позволяет говорить о том, что студенты позитивно оценивают пройденный отрезок своей жизни, а все успехи и достижения у них связаны с настоящим и будущим, то есть на данный период им свойственна субъективная, личностная и профессиональная активность на пике их проявления. Средние баллы у 62,3 % студентов указывают на достаточную удовлетворенность в самореализации и полное ощущение того, что прожитая часть их жизни была продуктивной и осмысленной. Низкие баллы (11 % опрошенных) определяют неудовлетворенность в самореализации студентов, в том числе той частью жизни, которая уже прожита.

По шкале «Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)» были получены высокие баллы у 45,7 % респондентов, что указывает на то, что студенты представляют себя личностью, которая обладает достаточной свободой выбора и позволяет им строить собственную жизнь в соответствии с конкретными целями, задачами. Средние баллы (47,6 %), подтверждают, что для таких студентов характерен внутренний локус контроля, то есть наблюдается тенденция принятия ответственности за происходящее в жизни, умение осознавать себя причиной происходящего и действовать, исходя из этого представления. Низкие баллы (6,7 %) свидетельствуют о неумении осуществлять контроль над событиями собственной жизни и неверии в свои способности.

По шкале «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» высокие баллы, отмеченные у 25,8 % опрошенных, свидетельствуют о том, что студенты верят в возможность контроля над собственной жизнью, способны принимать решения и воплощать их в жизни. Средние баллы (54,2 %) показывают, что у студентов наблюдается адекватная оценка собственных сил и возможностей. Низкие баллы (20 %) указывают на то, что представители данной категории убеждены, что свобода иллюзорна и жизнь человека неподвластна сознательному контролю, поэтому бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Результаты, полученные по данной методике, показали, что такая социально-психологическая особенность, как смысло-жизненные ориентации (их выраженность в прошлом, настоящем и будущем), в среднем выражена у большинства студентов, что позволяет говорить о потребности в самореализации, жизненных целях.

Для исследования социально-психологической особенности юношеского возраста «Я-профессиональное» был использован метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд). Были выбраны следующие его характеристики (компоненты): идеальный и реальный образы Я-профессионального, которые являются показателем сформированности Я-профессионального в целом.

Были проанализированы три фактора, выделенные Ч. Осгудом: фактор оценки, фактор силы и фактор активности. При анализе результатов учитывались субъективные, эмоциональные и смысловые представления студентов о самих себе.

Результаты и анализ фактора оценки (фактор О) в исследовании самооценки интерпретировались как уровень самоуважения. Высокие значения данного фактора свидетельствуют об удовлетворенности результатами своих действий и поступков, физического облика, умственных способностей и т. д. Высокие результаты показали 72,6 % испытуемых, то есть эти студенты способны видеть в себе личность, быть носителями нравственных ценностей и социально желательных характеристик. Низкие результаты показали 27,4 % респондентов. Они продемонстрировали критическое отношение к себе, которое в дальнейшем может привести к недовольству своим поведением, личностными достижениями и т. д.

Результаты и анализ фактора силы (фактор С) в исследованиях самооценки испытуемых показывает, как они могут ими осознавать

ся, то есть речь идет о том, как развиваются волевые стороны личности студентов. Уверенные и независимые, а также способные рассчитывать только на собственные силы в критических жизненных ситуациях молодые люди показали высокие значения по данному фактору – 83,9 %. Зависимые от внешних обстоятельств, оценок, обладающие низким уровнем самоконтроля и неспособностью придерживаться выбранной линии поведения продемонстрировали низкие значения по данному фактору – 16,1 %.

Результаты и анализ фактора активности (фактор А) в исследовании самооценки испытуемых указал на экстравертированный тип личности студента. Испытуемые, проявляющие активность, общительность, самостоятельность, эмоциональное участие, показали высокие результаты – 77,4 %. Респонденты, в поведении которых наблюдаются пассивность, более спокойные эмоциональные реакции, то есть склонность к интроверсии, дали низкие результаты – 22,6 %.

Для определения сформированности Я-профессионального был сопоставлен образ себя как профессионала (психолога/биолога) реальный и образ себя как профессионала идеальный. По методу семантического дифференциала (Ч. Осгуд) были получены данные по факторам силы, активности и оценки идеального и реального образа себя как профессионала. Так, образ идеальный Я-профессиональный (биолога/психолога) вызывает положительные эмоции, принимается, оценивается как обладающий склонностью к доминированию и активностью.

Также можно отметить, что участники опроса демонстрируют самопринятие. Они положительно относятся к себе как к профессионалам. Однако сформированность волевых качеств и активность наблюдается у них на среднем уровне. Квадратичное отклонение между образом себя как профессионала и идеальным образом психолога/биолога позволяет говорить о том, что студенты прогнозируют вероятность достижения образа идеального Я-профессионального (отклонение от идеала у 98,3 % опрошенных находится на среднем уровне). В процессе исследования выявилось, что у испытуемых недостаточно развиты волевые качества, уверенность в себе, решительность и активность в сравнении с образом идеальным Я-профессиональным, они оценивают себя несколько ниже, чем образ идеального психолога/биолога.

Для определения достоверности отличий между образом идеальным и образом реальным Я-профессиональным был использован критерий φ^* -угловое преобразование Фишера. Результаты обработки данных с помощью методов математической обработки данных позволяют сделать вывод, что отличия в оценивании себя по факторам оценки, силы и активности между идеальным образом и реальным образом Я-профессиональным достоверно значимы. То есть в большей степени положительно оценивается образ идеального Я-профессионального психолога/биолога, чем образ реального Я-профессионального испытуемых ($\varphi^* = 4,6$; $\rho \leq 0,01$). Количество испытуемых, обладающих сформированностью волевых качеств на высоком уровне, достоверно меньше того количества испытуемых, которые обладают высоким уровнем этих характеристик у идеального психолога (биолога) ($\varphi^* = 8,5$; $\rho \leq 0,01$). Образ идеального Я-профессионального достоверно отличается и по параметру фактора активности (фактор А), высокий уровень сформированности активной позиции в профессиональной деятельности в реальности достоверно ниже, чем предполагается в образе идеальном Я-профессиональном ($\varphi^* = 3,07$; $\rho \leq 0,01$).

Таким образом, по результатам методики можно судить о высоком уровне сформированности Я-профессионального по факторам оценки, силы и активности. Также можно отметить, что участники опроса с позиции сформированности волевых качеств и активности относят себя к среднему уровню, то есть им свойственно проявлять самопринятие, положительное самоотношение к себе как к профессионалу.

Отличия в оценке себя по факторам оценки силы и активности между образом идеального Я-профессионального и образом реального Я-профессионального достоверно выявлены по фактору «активность», что говорит о наличии высокого уровня сформированности Я-профессионального у студентов.

Итак, результаты методик показали, что все студенты третьего курса Воронежского государственного университета, принявшие участие в исследовании, обладают высокими и средними показателями степени выраженности таких социально-психологических особенностей, как смысложизненные ориентации и Я-профессиональное.

С целью проверки выдвинутого предположения о взаимосвязи между нравственной позицией и социально-психологическими особенностями личности в юношеском

возрасте был использован коэффициент Пирсона.

Для этого студенты были распределены в три группы, на основании выявленных эмпирическим путем уровней сформированности нравственной позиции. При этом показателю каждого уровня был присвоен ранг: высокому – 1, среднему – 2, низкому – 3. Данные ранжирования были подвергнуты процедуре процентильной нормализации и переведены в z-оценки в связи с тем, что изначально были представлены в слабой шкале.

После присвоения рангов был осуществлен анализ связи между уровнем сформированности нравственной позиции и особенностями смысложизненных ориентаций. Данный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей смысложизненных ориентаций «Цели в жизни», «Результативность жизни», «Локус-контроля – Я», «Управляемость жизни» можно говорить о наличии прямой связи ($r_{xy} = 0,571$, $r_{xy} = 0,642$, $r_{xy} = 0,431$, $r_{xy} = 0,588$ соответственно, $\rho \leq 0,01$), то есть у студентов с высоким уровнем сформированности нравственной позиции действительно наблюдается более высокий уровень сформированности жизненных целей, своей самореализации и т. д. Они способны принять ответственность за происходящее в жизни, считая именно себя причиной происходящего, и действовать, исходя из этого представления. Они, как правило, имеют мировоззренческую установку на возможность быть хозяином собственной жизни, при этом способны адекватно давать оценку собственным возможностям;

- при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей смысложизненных ориентаций «Процесс жизни или интерес, эмоциональная насыщенность жизни» можно говорить об отсутствии значимой корреляции ($r_{xy} = 0,13$, $\rho > 0,05$), между нравственной позицией и ощущением полноты жизни связи не выявлено.

В ходе проверки предположения о взаимосвязи высокого, среднего и низкого уровней сформированности нравственной позиции и показателей образа себя как профессионала идеального и реального (активность, сила, оценка) нами были получены следующие результаты:

- при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей реального образа Я-профессионального (оценка, сила) можно говорить о наличии

прямой связи ($r_{xy} = 0,648$, $r_{yx} = 0,762$ соответственно, $p \leq 0,01$). Для студентов с высоким уровнем сформированности нравственной позиции характерны: принятие себя как личности, расчет на собственные силы в трудных жизненных ситуациях, осознание себя носителями позитивных ценностей и социально желательных характеристик;

– при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей идеального образа Я-профессионального (оценка, сила) можно говорить о такой же тенденции – о наличии прямой связи ($r_{xy}=0,776$, $r_{yx} = 0,812$ соответственно, $p \leq 0,01$), то есть у студентов с высоким уровнем сформированности нравственной позиции отмечается положительная оценка идеальных профессионалов с точки зрения их социально желательных характеристик и проявления волевых качеств;

– при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей реального и идеального образа Я-профессионального (активность) можно говорить об отсутствии связи ($r_{xy} = 0,25$, $p > 0,05$).

Таким образом, результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии взаимосвязи интегрированного показателя уровня сформированности нравственной позиции и степени выраженности изучаемых социально-психологических особенностей студентов: более высокий уровень сформированности нравственной позиции сочетается с большей выраженностью социально-психологических особенностей личности в юношеском возрасте.

Это связано с тем, что при согласованном идеальном и реальном образе себя как профессионала, адекватной оценке своих профессионально важных качеств, самопринятии себя как представителя выбранной специальности, активной позиции по отношению к своей учебно-профессиональной деятельности для студентов на первом месте стоят учебно-профессиональные цели. У них наблюдается необходимое наличие познавательных мотивов, личностных оценок, личностного смысла учебной и профессиональной деятельности. К своей будущей профессии они относятся как к социально значимой, позволяющей им лично и профессионально саморазвиваться и нравственно самосовершенствоваться. Для них характерен более высокий уровень сформированности нравственной позиции.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. У студентов с высоким уровнем сформированности нравственной позиции наблюдается высокий уровень нравственной культуры, ценностно-смыслового содержания сознания. Для них характерен высокий уровень нравственного поведения, которое представляет собой сложное базовое образование личности, позволяющее отражать избирательно-ценностное отношение к себе и окружающим людям, ориентироваться на них и относиться к себе как к самостоятельной, свободной и справедливой личности.

2. Студентам со средним уровнем сформированности нравственной позиции присуща средняя степень выраженности Я-профессионального и смысложизненных ориентаций в прошлом, настоящем и будущем. У таких студентов достаточно устойчивая тенденция нравственного поведения, она заключается в наличии системы нравственно-волевых устремлений и поступков, собственных, но иногда зависящих от ситуации оценочных суждений, устойчивой позиции по отношению к нравственным нормам и ценностям, осознанности, глубине чувств, проявлении сочувствия, но иногда и безразличия (в зависимости от ситуации).

3. Студентам с низким уровнем сформированности нравственной позиции свойственна низкая степень Я-профессионального и смысложизненных ориентаций в прошлом, настоящем и будущем. Они ситуативно проявляют нравственную позицию. Для них характерно поведение, которое находится в зависимости от установок, доминирующих в группе, которая является для них референтной. Такие студенты инфантильны, у них слабо развиты волевые качества, им приходится постоянно вести внутреннюю борьбу между внешним мотивом и своим нравственным сознанием. Они внешне демонстрируют то, какие они хорошие, пытаются именно внешне выглядеть нравственно, воспитанно и проявлять уважение к окружающим людям.

Таким образом, наша гипотеза о том, что существует взаимосвязь между нравственной позицией и социально-психологическими особенностями личности в юношеском возрасте, подтвердилась частично, а именно:

а) при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показателей по шкале «Цели в жизни», «Результативность жизни», «Локус-контроля – Я», «Управляемость жизни» можно говорить о наличии прямой связи;

б) при сопоставлении уровня сформированности нравственной позиции и показате-

лей по шкале «Оценка», «Сила», в реальном образе Я-профессиональное и в идеальном образе Я-профессиональное также можно говорить о наличии прямой связи.

Вопреки ожиданиям при сопоставлении уровня сформированности нравственной

позиции и показателей по шкале «Процесс жизни или интерес, эмоциональная насыщенность жизни» и по шкале «Активность» в реальном и идеальном образе Я-профессиональное выявлено отсутствие связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абульханова-Славская, К. А.** Психология и педагогика : учебное пособие / К. А. Абульханова-Славская. – Москва : Институт психотерапии, 2002. – 584 с. – ISBN 5-89939-078-6.
2. **Бережная, И. Ф.** К вопросу о формировании нравственной позиции студентов / И. Ф. Бережная // Глобальный научный потенциал. – 2018. – № 10 (91). – С. 8–12.
3. **Божович, Л. И.** Проблемы формирования личности : избранные психологические труды / Л. И. Божович ; под редакцией Д. И. Фельдштейна. – Москва : Институт практической психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1997. – 351 с.
4. **Болдырев, Н. И.** Основные проблемы теории и методики нравственного воспитания молодого поколения : доклад об опубликованных работах, представленных в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Н. И. Болдырев. – Москва : НИИ АПН РСФСР, 1966. – 82 с.
5. **Бондаревская, Е. В.** Воспитательный потенциал базового учебного курса «Духовно-нравственная культура» / Е. В. Бондаревская // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2009. – № 10. – С. 17–29.
6. **Бондаревская, Е. В.** Поиск путей возрождения российской духовности и нравственности в контексте интеграционного подхода / Е. В. Бондаревская // Сибирский учитель. – 2011. – № 3 (76). – С. 26–32.
7. **Бондаревская, Е. В.** Проблема формирования нравственного сознания личности старших школьников / Е. В. Бондаревская // Педагогика. – 1980. – № 1. – С. 42.
8. **Бондырева, С. К.** Нравственность / С. К. Бондырева. – Москва : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2008. – 334 с. – ISBN 978-5-9770-0238-7.
9. **Купрейченко, А. Б.** Нравственное самоопределение молодежи / А. Б. Купрейченко. – Москва : Институт психологии РАН, 2013. – 480 с. – ISBN 978-5-9270-0262-7.
10. **Лисовский, В. Т.** Молодежь: любовь, брак, семья / В. Т. Лисовский. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 368 с. – ISBN 5-02-027156-X.
11. **Мазкина, О. Б.** Социально-психологические особенности студентов и их влияние на формирование нравственной позиции / О. Б. Мазкина // Гносеологические основы образования : международный сборник научных трудов, посвященный памяти профессора С. П. Баранова. – Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. – С. 235–240. – ISBN 978-5-88526-988-9.

REFERENCES

1. Abul'hanova-Slavskaya K. A. *Psichologiya i pedagogika* [Psychology and pedagogy]. Moscow, 2002. 584 p. (In Russ.).
2. Berezhnaya I. F. K voprosu o formirovanii npravstvennoj pozicii studentov [On the formation of the moral position of students]. *Global'nyj nauchnyj potencial – Global scientific potential*, 2018, no. 10 (91), pp. 8–12. (In Russ.).
3. Bozhovich L. I. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of personality formation]. Moscow; Voronezh, 1997. 351 p. (In Russ.).
4. Boldyrev N. I. *Osnovnye problemy teorii i metodiki npravstvennogo vospitaniya molodogo pokoleniya* [The main problems of the theory and methods of moral education of the young generation]. Moscow, 1966. 82 p. (In Russ.).
5. Bondarevskaya E. V. *Vospitatel'nyj potencial bazovogo uchebnogo kursa «Duhovno-nravstvennaya kul'tura»* [The educational potential of the basic training course «Spiritual and moral culture»]. *Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki – Proceedings of the Southern Federal University. Pedagogy*, 2009, no. 10, pp. 17–29. (In Russ.).
6. Bondarevskaya E. V. *Poisk putej vozrozhdeniya rossijskoj duhovnosti i npravstvennosti v kontekste integracionnogo podhoda* [Search for ways to revive Russian spirituality and morality in the context of an integration approach]. *Sibirskij uchitel' – Siberian teacher*, 2011, no. 3 (76), pp. 26–32. (In Russ.).
7. Bondarevskaya E. V. *Problema formirovaniya npravstvennogo soznaniya lichnosti starshih shkol'nikov* [The problem of the formation of the moral consciousness of the personality of senior schoolchildren]. *Pedagogika – Pedagogy*, 1980, no. 1, p. 42. (In Russ.).
8. Bondyreva S. K. *Npravstvennost'* [Moral]. Moscow; Voronezh, 2008. 334 p. (In Russ.).
9. Kuprejchenko A. B. *Npravstvennoe samoopredelenie molodezhi* [Moral self-determination of youth]. Moscow, 2013. 480 p. (In Russ.).
10. Lisovskij V. T. *Molodezh': lyubov', brak, sem'ya* [Youth: love, marriage, family]. St. Petersburg, 2003. 368 p. (In Russ.).
11. Mazkina O. B. *Social'no-psihologicheskie osobennosti studentov i ih vliyanie na formirovanie npravstvennoj pozicii* [Socio-psychological characteristics of students and their influence on the formation of a moral position]. *Gnoseologicheskie osnovy obrazovaniya* [Epistemological foundations of education]. Lipetsk, 2018, pp. 235–240. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

ОЛЬГА БОРИСОВНА МАЗКИНА – преподаватель кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Российская Федерация, кандидат педагогических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0962-5379>, e-mail: mazkina-olga@mail.ru

OLGA B. MAZKINA – Lecturer of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, PhD. in Pedagogics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0962-5379>, e-mail: mazkina-olga@mail.ru

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ ОТЗЫВЫ

**Отзыв на диссертационное исследование
Карташова Сергея Васильевича на тему
«Уголовная ответственность за незаконные
получение и разглашение сведений, составляющих
коммерческую, налоговую или банковскую тайну»**

А. П. КУЗНЕЦОВ – профессор кафедры социально-правовых дисциплин Приволжского института повышения квалификации ФНС России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, заслуженный юрист России. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5179-6059>, e-mail: allochka_90@bk.ru

В Московском университете Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя С. В. Карташовым успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, выполненная на кафедре уголовного права и процесса Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, на тему «Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну».

Актуальность диссертационного исследования определяется тем, что глобальные социально-экономические преобразования российского общества в конце XX – начале XXI вв. закономерно повлекли за собой изменения и в обеспечении информационной безопасности, которая имеет особое значение. Важность и значимость информационной безопасности в условиях рыночных отношений определяется тем, что она позволяет повысить эффективность экономики, поднять ее на новый уровень технического развития, вывести Россию в число лидеров по объему валового внутреннего продукта, создать условия, позволяющие противостоять внутренним и внешним угрозам.

Посягательства на информационную безопасность обладают повышенной общественной опасностью, способны причинить вред правам и свободам личности, дезорганизовать деятельность органов власти, подорвать функционирование системы национальной безопасности, привести к катастрофическим, непоправимым последствиям. Одним из направлений деятельности государства по нейтрализации угроз

экономической безопасности следует считать повышение защищенности конфиденциальной информации. Однако несовершенство системы законодательства в сфере регулирования информационных отношений, недостатки организационного и научно-методического обеспечения охраны конфиденциальной информации не способствуют эффективному противодействию возникающим угрозам.

Более того, в условиях разгосударствления экономики, разделения массива конфиденциальной информации на государственную и коммерческую возникла насущная потребность в новой юридической регламентации, в том числе и мерами уголовно-правового характера. Подтверждением этому может служить включение в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 183 «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», предусматривающей ответственность за посягательства на вновь образованные правовые институты.

Общественная опасность этого преступления состоит в том, что посягательство на информацию, составляющую банковскую, налоговую или коммерческую тайну, может подорвать экономическую безопасность государства, причинить вред интересам участников делового оборота, нанести значительный ущерб субъектам хозяйственной деятельности.

Показателем общественной опасности служат материалы официальной статистики о возбужденных уголовных делах по ст. 183 УК РФ. Так, если за первые десять лет действия уголовного закона (с 1997 по 2006 гг.) было возбуждено 2114 уголовных дел, то за последующие десять лет (с 2007 по 2016 гг.) – 3369 уголовных дел. Указанные данные являются ярким свидетельством того, что наблюдается устойчивый количественный рост указанных преступных проявлений. Учитывая сложившееся положение, законодатель неоднократно вносил в соответствующую статью изменения и дополнения.

Однако, как показало практическое применение исследуемой статьи, она, несмотря на законодательные новации, не стала совершенной: по-прежнему изобиловала юридико-техническими изъянами содержательного и системного характера, что затрудняло ее эффективную реализацию. В частности, органы, занимающиеся правоприменением, в силу отсутствия единого терминологического инструментария уголовно-правовых предписаний, их противоречивости и разрозненности испытывают определенные сложности в понимании криминообразующих признаков и, соответственно, правоприменении.

Отметим, что в уголовно-правовой науке, несмотря на многочисленные исследования, проблема защиты сведений, составляющих коммерческую, налоговую и банковскую тайну, остается до конца не разработанной.

В этой связи возникает насущная необходимость всестороннего изучения проблем противодействия преступлениям, посягающим на

информационную безопасность в области коммерческих, налоговых и банковских отношений. Объясняется это сменой социально-экономических и политико-правовых отношений, рассогласованностью мнений по проблеме уголовно-правового противодействия информационным преступлениям, противоречивостью и неопределенностью уголовно-правовой регламентации информационной безопасности, что требует научно-практического осмысления информационных отношений с позиции национальных и международных интересов.

Названные выше обстоятельства и определили актуальность, а также содержательную направленность диссертационного исследования. Давая общую положительную оценку научному сочинению, отметим, что его структура обусловлена объектом и предметом, поставленной целью и сформулированными задачами и включает в себя введение, три главы, восемь параграфов, заключение, список литературы и приложения. Выбранная методология позволила С. В. Карташову рассмотреть и теоретически обосновать выводы и рекомендации и на этой основе вынести на защиту научные положения, которые характеризуются последовательностью, обоснованностью и оригинальностью (с. 10–13).

В частности, объект исследования соискатель определил как совокупность общественных отношений, возникающих в связи с формированием и применением уголовно-правового запрета незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Конкретизация признаков объекта нашла свое отражение в предмете исследования, включающем в себя общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы российского и зарубежного уголовного права, регламентирующие ответственность за указанные незаконные действия, материалы судебной и иной правоприменительной практики, теоретические разработки по данной проблеме, статистические данные, результаты опросов респондентов из числа судей, прокуроров, следователей, сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и научно-педагогических работников.

Целью диссертационного исследования является разработка научно обоснованных предложений, направленных на совершенствование положений уголовного закона, устанавливающих ответственность за незаконные действия, направленные на получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, и практики их применения.

Правильно сформулированная цель исследования нашла свою конкретизацию в следующих научно-исследовательских задачах:

- установление тенденций формирования и развития уголовного законодательства об ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну;

- изучение уголовного законодательства России и других государств об ответственности за указанные преступления, направленное на выявление положительного опыта в уголовно-правовой охране соответствующих общественных отношений;

- уточнение составляющих признаков преступлений, предусмотренных ст. 183 УК РФ, и выявление присущей им специфики;

- исследование проблемы квалификации данных преступлений, позволяющее разработать рекомендации по их разрешению;

- выявление с учетом материалов судебной практики особенностей назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера за незаконные действия, предусмотренные ст. 183 УК РФ;

- разработка обоснованных предложений по совершенствованию уголовного закона в части регламентации ответственности за соответствующие незаконные действия.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем, во-первых, сформулированы теоретико-прикладные положения, раскрывающие особенности составов преступлений, содержащихся в ст. 183 УК РФ, во взаимосвязи с другими преступлениями с сфере экономической деятельности, в том числе совершаемыми с использованием инсайдерской информации, во-вторых, разработаны предложения по совершенствованию норм уголовного законодательства об ответственности за соответствующие незаконные действия, в том числе с использованием зарубежного опыта, в-третьих, сформулированы рекомендации по квалификации подобных деяний, назначению наказания и применению иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, их совершивших.

Положения, выносимые на защиту, характеризуются новизной, обоснованы с научной и практической точек зрения, что позволило соискателю на общетеоретическом и практическом уровнях предложить конкретные меры по совершенствованию действующего уголовного законодательства об ответственности за преступление, предусмотренное ст. 183 УК РФ, и соответствующей правоприменительной практики; разработать рекомендации по проблемам квалификации незаконного получения и разглашения охраняемой законом тайны в аспекте основных уголовно-правовых институтов; апробировать удачный опыт технико-юридического конструирования и противодействия данному виду преступлений в зарубежных странах и др.

В первой главе «Ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну: историко-правовой анализ и сравнительно-правовой анализ», состоящей из двух параграфов, соискатель раскрывает историю установления и развития уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, выявляет основные направления совершен-

ствования уголовного закона в данной области путем исключения мотива из субъективной стороны состава преступления в ч. 3 ст. 183 УК РФ и предлагает замену оценочного признака в виде тяжких последствий, определенного в уголовном законе, признаком, заключающимся в причинении особо крупного ущерба, и т. д.

Положительным следует признать то, что С. В. Карташов провел сравнительное исследование уголовного законодательства Российской Федерации и других государств об ответственности за совершение вышеуказанного преступления и выявил отсутствие в сотрудничающих государствах тенденции к унификации национальных уголовно-правовых средств противодействия таким уголовно наказуемым деяниям, что позволило ему предложить меры по разграничению ответственности за соответствующие незаконные действия по двум составам гл. 22 УК РФ в первой предусмотреть ответственность за получение такой информации, а во второй – за ее разглашение или использование.

Во второй главе «Юридический анализ составов и проблемы квалификации незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», содержащей четыре параграфа, раскрыты объективные и субъективные элементы состава рассматриваемого преступления, а также его квалифицирующие признаки и на этой основе разработаны предложения по совершенствованию текста ст. 183 УК РФ и практики ее применения.

Методологический прием, примененный в работе, оправдан и необходим, так как именно в оценке объективных и субъективных признаков состава преступления возникают многочисленные ошибки.

В третьей главе «Вопросы назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», состоящей из двух параграфов, подчеркивается, что регламентация и фактическое назначение наказания за преступление, предусмотренное ст. 183 УК РФ, отражают особенности существующей уголовной политики России с ее направленностью на дальнейшую либерализацию ответственности за деяния экономического характера. Изложенные выше положения позволили соискателю сделать вывод о том, что иные меры уголовно-правового характера, назначаемые за совершение рассматриваемых преступлений, сводятся к возможной конфискации имущества, возмещению причиненного вреда с возможным назначением судебного штрафа в рамках реализации института освобождения от уголовной ответственности.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются его основные выводы и положения.

Заслуживает одобрения работа соискателя с источниками (214 различных источников), включающими международные нормативные правовые соглашения, законодательство зарубеж-

ных государств, российское законодательство, научную и учебную литературу, диссертации и авторефераты диссертаций, материалы судебной и иной правоприменительной практики, электронные ресурсы, которые подтверждают достоверность проведенного исследования, что свидетельствует о глубоком погружении в изучаемую проблему. Обращает на себя внимание использование криминологического инструментария в исследовании вопроса о практике назначения наказания за рассматриваемые преступления.

Подтверждением этому служат результаты социологического исследования, содержащего позицию практических и научных работников, по проблемам, касающимся применения статьи об уголовной ответственности за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ).

К достоинствам работы следует отнести изучение санкций исследуемой статьи, их соотношения с характером и степенью общественной опасности, поскольку в большинстве диссертаций этот вопрос остается без внимания.

Диссертационное исследование С. В. Карташова выполнено в строгом научном стиле. Разработанные автором по результатам исследовательской деятельности научные положения, выводы и рекомендации обоснованы использованием значительного перечня надлежащим образом изученных теоретических, эмпирических и нормативных источников. Работа основана на статистических сведениях ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, репрезентативных фактических данных, полученных автором в результате анкетирования, интервьюирования, изучения материалов уголовных дел.

Достоверность авторских суждений и умозаключений подтверждается обширной апробацией на научных мероприятиях и практике, в том числе внедрением результатов диссертационного исследования.

Полагаю, что вывод об оригинальности диссертационного исследования, следующий только из новизны предмета исследования, был бы не совсем полным. Одним из признаков оригинальности диссертационной работы служит творческий характер осмысления автором нормативных правовых актов, юридической литературы. Критическое исследование понимания признаков состава преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, в контексте изучения их содержания, формируемого научной мыслью, судебной практикой, а также анализ зарубежного уголовного законодательства позволили диссертанту предложить новаторские подходы к толкованию объективных и субъективных признаков состава изучаемого деяния (с. 139–140).

Результаты оценки диссертационной работы С. В. Карташова показали, что она представляет собой единое целостное исследование, в котором содержится решение задачи, имеющей

значение для развития уголовного права Российской Федерации, а полученные новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, свидетельствуют о личном вкладе соискателя в науку уголовного права.

Отмечая высокий профессиональный уровень и поисковый характер диссертации, следует подчеркнуть, что как всякая творческая работа она не свободна от некоторых неточностей и упущений, на которые хотелось бы обратить внимание.

1. В тексте автореферата и диссертации на различных страницах автор использует термин «анализ» в значении одного из методов научного исследования («сравнительный анализ» – с. 2, 27, 38; «юридический анализ» – с. 2; «осуществлен сравнительный анализ» – с. 7; «на основе анализа» – с. 24 и т. д.). Отметим, что анализ – это один из методологических приемов, используемый наряду с другими (например, синтезом, индукцией, дедукцией). Анализ – это реальное или мыслительное разделение сложного теоретического материала об уголовном праве на части и исследование его по частям. В данном случае складывается впечатление, что автор ограничился только одним методом исследования – методом анализа и, таким образом, сузил процесс познания, проигнорировал (не использовал) другие методы научного исследования, обеднив свою работу. Более правильным было бы использовать термины «изучение», «исследование», «разработка».

2. При проведении научного исследования методологически необходимыми являются изучение существующего понятийного аппарата, относящегося к теме исследования, его оценка и возможное формулирование предложений по его совершенствованию. В доктринальных источниках содержатся многочисленные трактовки понятия тайны в целом и коммерческой, налоговой, банковской тайн в частности, однако в работе этот вопрос остался без рассмотрения и авторской оценки. Автор изучил законодательные формулировки трех перечисленных тайн, однако в отрыве друг от друга, не учитывая, что они являются разновидностями одного и того же явления – тайны, не обратил внимания на рассогласованность и рассистематизацию законодательства, регулирующего институт тайны.

3. В процессе проведения сравнительного исследования автору необходимо было использовать актуальные на сегодняшний день нормативные правовые акты, в частности уголовные законы зарубежных стран. Следует отметить, что в Эстонии с 2001 г. действует Пенитенциарный кодекс, а Уголовный кодекс Эстонской республики утратил силу (с. 55 и 221). Кроме того, обращает на себя внимание то, что автор, рассмотрев уголовные законы стран бывшего СССР, оставил без исследования Уголовный кодекс Кыргызской республики 2017 г.

4. Предлагая новую редакцию ст. 183 УК РФ по аналогии со ст. 283¹ УК РФ, автор дублирует ошибку, допущенную законодателем при конструировании названия и диспозиции ст. 283¹ УК РФ. Следует иметь в виду, что термины «не-

законное получение» и «получение незаконным способом» не являются равнозначными, синонимичными. Получение незаконным способом предполагает, что есть некий законный способ, например расспросы, не подкрепленные принуждением, угрозами, подкупом, используя который лицо, получившее сведения, составляющие охраняемую законом тайну, не совершает преступления. Если диспозицию ст. 183 УК РФ сконструировать подобным образом, то получается законодательный пробел. Термин же «незаконное получение» подразумевает, что сведения получены лицом, не имеющим на то законных оснований, независимо от способа получения.

5. Представляются спорными отдельные выводы (№ 3 и 5) к параграфу 2 главы 2. Недостаточно аргументированы, во-первых, позиция о внесении в ст. 183 УК РФ дополнительных квалифицирующих признаков, регламентирующих конкретные способы получения сведений, содержащих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, во-вторых, точка зрения, согласно которой необходимо внести в ст. 183 УК РФ положения, закрепляющие круг лиц, способных выступать в качестве потерпевших по данному виду преступных деяний. Подобная детализация может негативно сказаться на правоприменительной практике, внося излишнюю «рамочность» в нормы уголовного законодательства, охраняющие динамично развивающуюся сферу общественных отношений (с. 123, 124).

6. Структуризация, являясь важным атрибутом научного исследования, предполагает приблизительную соотносимость размеров структурных единиц работы (глав и параграфов). В связи с этим следует отметить, что объем параграфа 1 главы 3 является по отношению к остальным структурным элементам диссертационного исследования нехарактерно малым (11 страниц). Кроме того, относительно параграфа 2 главы 3 необходимо отметить недостаточную для данного вида работ степень дифференцированности выводов (с. 193–194).

Несмотря на высказанные замечания, которые по своей сути не являются существенными и не влияют на общую положительную оценку диссертации, не опровергают положения и выводы, сделанные автором, а в своей совокупности носят в ряде случаев дискуссионный характер, следует констатировать, что представленная работа Карташова Сергея Васильевича на тему «Уголовная ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» соответствует требованиям, предъявляемым абзацем вторым пункта 9 и пунктами 10, 13 и 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.